

ТИКАМАЦУ

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПОЭМЫ**

**НОЧНАЯ ПЕСНЯ
ПОГОНЩИКА
ЁСАКУ ИЗ ТАМБА**

**САМОУБИЙСТВО
ВЛЮБЛЕННЫХ
НА ОСТРОВЕ
НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА • 1968

近松門左衛門

近松門左衛門

**ТИКАМАЦУ
МОНДЗАЭМОН**

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПОЭМЫ**

**ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО
ВЕРЫ МАРКОВОЙ**

Предисловие и комментарии
В. МАРКОВОЙ

Художник
Г. КЛОДТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Драма — это зеркало, в котором отражается человек, с его добродетелями и пороками», — сказал великий японский драматург Тикамацу Мондзаэмон.

В зеркале театра Тикамацу отражена вся старая феодальная Япония, какой она была в самом начале XVIII века. Драматург переносит нас из княжеского замка в лачугу, он показывает нам городскую улицу и тихую деревню. И всюду разыгрываются жизненные трагедии, способные потрясти зрителя не меньше, чем легендарные подвиги и судьбы прославленных воителей прошлого.

Феодальная Япония была сословным государством. В глазах своих высших маленький человек из низов общества стоил мало или совсем ничего не стоил. Но один из героев Тикамацу восклицает на подмостках театра:

«Разве самурай сам по себе благороден? Или горожанин достоин презрения? Благородно только человеческое сердце».

«Человеческое сердце» — величайшая ценность для Тикамацу. Он принадлежит к плеяде великих гуманистов, которые в разных странах и в разные эпохи открыли ворота идеям нового времени.

Тикамацу писал пьесы разных жанров, но особенно прославились его дзёрури.

Дзёрури — это своего рода драматическая поэма. Ритмически гибкий, богато оркестрованный стих по временам контрастно оттенен прозой. Исполняет дзёрури певец-рассказчик. Вместо живых актеров на сцене играют куклы.

Дзёрури — непривычный для нас театральный жанр. Драма раскрывается в дзёрури через песенный сказ. Все время звучит лирический голос автора. Речи действующих лиц плывут, как лодки, в широком поэтическом потоке...

— все же дзёрури — настоящие театральные драмы. Главной движущей силой в них Тикамацу считал сценическое действие.

Тикамацу мастерски строит интригу, как цепь неожиданных, но всегда внутренне оправданных событий. Дом может рухнуть, когда столбы в нем подрублены. В пьесах Тикамацу падение дома не случайно: с самого начала зритель слышит удары топора.

Душевный мир человека открывается в трагическом противоборстве страстей: так во время обвала становятся видны глубинные слои речного берега.

Созданные для кукольного театра, дзёрури Тикамацу с огромным успехом идут и на сцене театра живого актера — Кабуки.

Драматические поэмы-дзёрури Тикамацу Мондзаэмона по своей силе и красоте могут соперничать с лучшими пьесами мирового репертуара.

Тикамацу Мондзаэмон жил в так называемую эпоху Гэнроку. Эпоха эта (1688—1704 гг., или, в более широком понимании, последняя четверть XVII и первая четверть XVIII века) знаменита в истории японского искусства.

В больших городах Японии — Киото, Осака, Эдо и других — процветали художественные ремесла, возник прославленный народный театр (Дзёрури и Кабуки), клочком била литературная жизнь.

В искусстве эпохи Гэнроку конкретная и точно наблюденная реальность находит свое выражение в условиях, исторически присущих данному жанру формам.

Внешняя декоративность сочетается с сосредоточенным глубоким чувством, свежесть восприятия — с отточенным мастерством. Черты этого стиля можно подметить и в цветных гравюрах укиёэ, и в резных фигурках нэцкэ, в игре актера театра Кабуки, в новеллах Сайкаку, в дзёрури Тикамацу...

Больших высот достигли к концу XVII века проза, поэзия, драма.

Ироничный и зоркий наблюдатель, Ихара Сайкаку¹ (1642—1693) нарисовал в своих повестях и новеллах широкую картину нравов «людей нашего времени». Его орнаментальная проза щедро рассыпает точно подмеченные детали быта и в то же время предельно лаконична

Ихара Сайкаку — мастер короткой новеллы. Несколькими взмахами кисти набрасывает он портреты героев и ход событий... Каждая новелла Сайкаку как бы содержит в себе зерно большой драмы.

Поэт-лирик Басё² (1644—1690) сочетал в своих стихах тонкую пейзажную живопись с углубленным философским раздумьем. Внимательно вглядывался Басё в жизнь природы и человеческого общества.

«Учись у сосны тому, что такое сон», — говорил он.

Сайкаку, Басё и Тикамацу — вот три великих имени литературы эпохи Гэнроку.

¹ Ихара Сайкаку, Новеллы, Гослитиздат, М. 1959. Перевод с японского Е. Пинус и В. Марковой.

² Басё, Лирика, Гослитиздат, М. 1964. Перевод с японского Веры Марковой.

Тикамацу Мондзаэмон — литературный псевдоним, протонародный по своей окраске. Настоящее имя драматурга — Сугимори Нобумори¹. Он был вторым сыном небогатого самурая. Родился Тикамацу в 1653 году. Добрый десяток городов и сел оспаривает честь называться его родиной. Детство свое Тикамацу провел в провинции, неподалеку от Киото.

Киото — старинный очаг японской культуры. В XVII веке этот город еще носил гордое название столицы. В нем жил микадо, давно уже лишенный всякой реальной власти, в окружении своего призрачного двора. Микадо в то время лишь на словах считался главой государства. Ему приходилось довольствоваться тенью былого величия.

Еще в конце XII века власть в стране захватили военные феодалы. Много веков сотрясали Японию кровавые междоусобицы.

В летописях рода Сугимори повествуется, что он ведет свое начало от одного чиновного аристократа, который бежал из охваченной мятежом столицы в поисках надежного пристанища. Потомки его стали воинами-самураями.

Крупный феодал, владевший большим наделом — «княжеством», содержал у себя на службе военную дружину самураев. Жалованье выплачивалось рисом, поскольку рис считался в феодальной Японии главной ценностью. По некоторым сведениям, дед Тикамацу был одним из

¹ В Японии собственное имя ставится после фамильного.

старших вассалов князя и получал немалое жалованье: тысячу коку (около 150 тонн) в год.

Воины были высшим сословием в феодальной Японии. Самурай мог безнаказанно срубить голову любому простолюдину заслушание, строптивость или просто так, чтобы попробовать остроту нового меча. Верность господину была для него главным законом. Он должен был, если этого требовал долг службы, без колебания убивать, красть, лгать.

В средние века появился страшный обычай харакири, которого не знала древняя Япония. Вспороть себе живот в знак презрения к боли и смерти — этого требовал самурайский культ героизма, не знавший пощады ни к себе, ни к другим.

Жестокость самурайского кодекса чести сообщила особенно мрачный колорит японскому средневековью, но в народной памяти остались жить подвиги и доблесть отдельных героев. Бродячие рапсоды пели о благородном рыцаре Ёсидунэ и его прекрасной подруге Дзёрури. (Собственное имя этой девушки стало нарицательным названием театрального жанра дзёрури, который ведет свое начало от народного песенного сказа.)

В самом начале XVII века один из феодалов средней руки Токугава Иэясу путем сложной политической игры и удачливых войн с другими феодалами стал верховным правителем Японии и принял титул сёгуна (главного полководца). Так началось долгое правление князей Токугава.

Военно-феодальному правительству Токугава (сёгунату) удалось в значительной мере объединить Японию. Правда, воинские кланы сохранились и феодальная раздробленность исчезла не полностью, но над феодалами

был учрежден неусыпный надзор верховных властей. В стране воцарился долгожданный мир. Токугавскую эпоху (1603—1868 гг.) можно назвать эпохой просвещенного абсолютизма.

Рост товарно-денежного хозяйства привел к тому, что в городах сосредоточились главные богатства. Горожане могли себе позволить роскошь покупать таланты. Нужны были люди самых разных профессий: врачи и поэты, учителя философии и драматурги.

Тикамацу было лет двенадцать, когда отец его сделался ронином и переехал из провинции на жительство в Киото. Ронином называли самурая, потерявшего службу у своего феодального господина. Ронины иногда опускались на самое дно общества, даже разбойничали на больших дорогах. Но в большинстве случаев выходцы из самураев уходили в города, пополняя собой образованную прослойку горожан.

Один из братьев великого драматурга стал врачом, другой священником. Сестра писала хорошие стихи, да и вся семья была причастна к поэзии. В сборнике трехстиший-хокку «Кладовая сокровищ», опубликованном в 1671 году, помещены стихи всех членов семьи Сугимори, старших и младших. Юношеское стихотворение Тикамацу — ему было тогда девятнадцать лет — написано с изящной выдумкой:

О белые облака!
Вы от стыда спасаете горы,
Где нет деревьев в цвету.

Тикамацу Мондзаэмон прошел большую и трудную школу жизни. Семья его была бедна, юноше рано пришлось заботиться о своем пропитании.

Точных данных о жизни Тикамацу сохранилось мало, но вот что написал он о себе незадолго до смерти:

«Я родился в семье потомственных воинов, но оставил бранное дело; был приближен к вельможам, но не выслужил даже низшего сана; носился по волнам городской жизни, но торговле не научился; бежал от мира, но не стал настоящим монахом; учился мудрости, но не научился; тпился все знать, но не узнал ничего. Однако разнообразное искусство Японии и Китая, вплоть до песен, которые распевают певцы, и фарсов, разыгрываемых комедиантами, его я все же немного усвоил, передавал изустно и поверял своей кисти»¹. (Перевод И. Львовой.)

Молодой Тикамацу служил в знатных домах придворных аристократов, но нигде долго не задерживался. Возможно, побывал он и служкой в буддийском монастыре. И наконец, стал простым горожанином, сочинителем пьес.

Театральная жизнь в Киото была очень богата. Давал свои представления театр Но. Пользовались большим успехом у простонародной публики театры Дзёрури и Кабуки. Следует здесь отметить, что названия «Но», «Дзёрури», «Кабуки» обозначают жанры театрального искусства.

Наиболее старым и традиционным был театр Но.

Пьесу театра Но иногда определяют как своего рода лирико-музыкальную драму. Синтез драматического действия, поэзии, сценической игры, музыки и танца достиг в этом театре такого гармонического единства, такого

¹ Тикамацу Мондзаэмон, Драммы, «Искусство», М. 1963, стр. 5. Перевод с японского В. Марковой и И. Львовой.

поражительного равновесия всех компонентов спектакля, что театр Но уже в XVII веке как бы застыл на кульминационной точке, достигнув возможного для него совершенства. Таким он и дошел до нашего времени, как зрелище для немногих.

Однако искусство этого театра не осталось замкнутым в себе. Оно оказало глубокое воздействие на поэзию и другие театральные жанры Японии. Недаром театр Но называют отцом дзёрури. Обязательная принадлежность каждой пьесы театра Но — митиюки — лирическое описание странствия по дорогам. Из театра Но митиюки перешло и в другие национальные театры Японии: Дзёрури и Кабуки.

Тикамацу взял очень многое из поэтики театра Но. Он создал драму нового времени на прочной основе классического наследия японского театра.

Театр Дзёрури возник в первой половине XVII века. Создали его бродячие рассказчики и кукольники.

Ведущая роль в театре принадлежит певцу-рассказчику. Он виртуоз напевного сказа. И самое главное, он актер, великолепно владеющий искусством мгновенного перевоплощения. Сейчас он — нежная девушка, а через минуту насильник и убийца... У него нет времени для разгона, для вживания в роль, потому что в одной и той же пьесе он играет все роли.

Драматическая поэма Дзёрури — связный рассказ. Действующие лица в нем не обозначены, зато, как в нотной партитуре, текст непрерывно сопровождается традиционными указаниями. Следуя им, певец-рассказчик в определенных местах меняет ритм и манеру исполнения, то повышает голос, то понижает голос. Он переходит

от напевного речитатива к бытовому говору, ведет эпический сказ или поет народную песню.

Певцу-рассказчику аккомпанирует на сямисэне музыкант. Сямисэн, род трехструнной гитары, был привезен в Японию в 1560 году с острова Окинава и очень полюбился горожанам.

Кукловоды работают на виду у публики: старшие мастера в церемониальных костюмах с открытыми лицами, а помощники в глухих черных капюшонах с прорезями для глаз. Не боясь разрушить сценическую иллюзию, они на глазах у публики вкладывают в руку куклы меч или веер...

Куклы в театре Дзёрури большие, в две трети человеческого роста.

Старинные головы кукол сохраняются до сих пор, как величайшее сокровище.

Лица молодых героев пьесы (любовников) наделены большим обаянием и грустной прелестью. Лица характерных персонажей очень экспрессивны, иногда шаржированы.

Широкими кисточками взлетают к вискам брови самурая, тонкой линией изогнут волевой рот. Ведьма может внезапно оскалить зубы, на лбу ее вырастают рога.

Первые куклы были статичны. Спектакль, в сущности, состоял из ряда сменяющихся «живых картин». Впоследствии кукольный театр сохранил живые картины, как один из эффектных сценических приемов. Интересно, что этот прием переняли и актеры театра Кабуки.

Постепенно механизм кукол все более усложнялся. Вначале куклы могли только поворачивать голову вправо и влево, потом стали двигать глазами, бровями, пальцами рук.

В 1675 году в Киото основал свой кукольный театр Мандзю-дза известный певец-рассказчик Удзи Каганодзё (1635—1711). Он хотел, чтобы театр Дзёрури стал достойным преемником искусства театра Но. Ему посчастливилось: он «открыл» Тикамацу.

Пьесы для кукольного театра, сочиненные до Тикамацу, обычно называют старыми дзёрури.

Вот что говорил о них Тикамацу (сохранились записи его бесед, сделанные одним из его друзей): «Старые дзёрури похожи на нынешние похоронные речи — нет у них ни цветов, ни плодов. С самого того времени, как начал я сочинять, я вложил все свое сердце в мои труды, потому и удалось мне поднять дзёрури на небывалую доселе высоту.

Приведу пример. Все люди, начиная с придворной знати и воинов, различествуют между собой согласно своему положению в обществе, отчего я и стараюсь, чтобы каждый персонаж в моей пьесе вел себя и говорил, как ему приличествует. Это весьма важно, ибо помогает чтецу правдиво выразить чувство каждого персонажа».

Сначала Тикамацу делал по заказу Удзи Каганодзё, выражаясь современным языком «инсценировки классиков». Пьесы в то время были еще безымянными, поэтому авторство ранних пьес Тикамацу установить трудно.

Первое дзёрури, которое бесспорно принадлежит Тикамацу, «Наследники братьев Сога» («Ёдуги Сога»), создано в 1683 году. Тикамацу было тогда немногим более тридцати лет.

Написана эта пьеса на очень популярный в японском театре сюжет. Двое братьев Сога убили в 1193 году кровного врага своего отца и были за это казнены. Так как

кровная месть за отца считалась священной, то судьба братьев Сога вызвала глубокое сочувствие, а подвиг их воспет в феодальном эпосе.

Тикамацу создал пятиактную пьесу большого масштаба, с превосходно построенной фабулой. Зритель был увлечен с самого начала. Неожиданные повороты фабулы — перипетии — все время держали его в напряжении. Тикамацу был мастером ложной развязки.

Успех спектакля был очень велик. Стало ясно, что в театр Дзёрури пришел новый, замечательный драматург.

Тикамацу писал пьесы и для театра Кабуки. Они, однако, не дошли до наших дней, сохранились только пересказы их содержания. В театре Кабуки шли острофабульные, насыщенные драматизмом пьесы. Роковая цепь случайностей, кровавая месть, коварные козни врагов, загадки и тайны... В своих высших взлетах театр Кабуки поднимается до подлинной трагедийности, потрясая сердца зрителей сочувствием и ужасом.

Тикамацу перенес в театр Дзёрури многие сюжетные и конструктивные элементы драмы Кабуки, но он никогда не терял из виду специфику кукольного театра.

«Прежде всего надлежит помнить о том, — замечает Тикамацу, — что дзёрури предназначены для театра кукол и потому, в отличие от книжной повести, все слова в дзёрури должно наделять жизнью, главной задачей полагая сценическое действие. Поскольку дзёрури исполняются в театрах, которые соперничают с Кабуки, иначе говоря, с театром живого актера, автор пьес дзёрури должен наделять своих кукол множеством разнообразных чувств и тем самым завоевать внимание зрителя. По этой причи-

не обычно бывает весьма трудно создать выдающееся по достоинству дзёрури.

В мои молодые лета читал я некую повесть из дворцовой жизни. И вот что там между прочим рассказывалось. Однажды во время празднества пошел густой снег. Дворцовому стражу было повелено стряхнуть его с ветвей померанца. И вдруг ветви росшей поблизости сосны отпрянули назад, словно негодуя на то, что им все еще приходится сгибаться под бременем снега. Вот мастерской мазок, одушевивший бесчувственное дерево!

Разве не кажется, что сосна, обиженная предпочтением, сама, по своей воле торопится стряхнуть со своих ветвей груды снега? Следуя этому образцу, и я старался вдохнуть жизнь в мои дзёрури.

Насытить чувством нужно не только повествование о событиях или речи героев, но даже описание пейзажа в митиюки, иначе не заслужишь одобрения публики...

Посему в основу моих пьес я положил чувство».

Кукольный театр — более условное искусство, чем театр живого актера. Текст кукольной пьесы должен быть предельно экспрессивен.

Нетрудно заметить, что «авторская речь» в драматической поэме содержит в себе подробную режиссерскую разработку всех движений кукольных персонажей.

Обняв его колени,
О-Сан скользит и падает на землю...
Он слезы вытирает рукавом...

Драматург все время дает точнейшие указания кукловодам. Это не пояснительные ремарки, которые в европейских пьесах как бы вынесены за скобки, а органическая

часть дзёрури. В устах певца-рассказчика она приобретает характер эмоционального комментария к происходящему на кукольной сцене.

Тикамацу расширил жанровые границы дзёрури и обогатил его содержание, но создать новый театр, где бы в полную силу прозвучал голос современности, ему удалось далеко не сразу.

Вначале Тикамацу сочинял так называемые «исторические пьесы» (дзидаймоно). Это были, по существу, театральные сказки, построенные на сцеплении остро-драматических мотивов.

Пьесы эти с большим успехом шли не только в Киото, но и в Осака, где в 1684 году открыл свой театр Такэмото Гидаю Первый (1651—1714). Имя Гидаю стало нарицательным для всех мастеров его жанра. Замечательный певец-рассказчик понял, что будущее его театра находится в руках Тикамацу, и постоянно просил его сочинить новые дзёрури.

В своих «исторических пьесах» Тикамацу порой достигал большой поэтической мощи. Великолепная поэзия сочеталась с красотой напевов. Могучий голос Гидаю был словно создан для того, чтобы петь «о доблестях, о подвигах, о славе».

Герои этих дзёрури не всегда верны человеческой природе, это сверхлюди, — но они верны правде образа.

Встречались в «исторических пьесах» и бытовые сцены. Иногда это — маленькие идиллии, как затишье перед бурей...

В основном, бытовые сцены характерны для третьих актов исторических пьес. Японские исследователи указы-

вают, что именно из третьего акта и родилась «мещанская драма» (сэвамоно). Первоначально ее играли после «исторической драмы», и лишь впоследствии она стала самостоятельным спектаклем.

В «мещанской драме» Тикамацу зазвучала в полную силу тема современности.

В 1703 году на сцене знаменитого театра Такэмотодза, принадлежавшего Гидаю, было впервые исполнено дзэрури Тикамацу «Самоубийство влюбленных в Сонэдзакки» («Сонэдзакки синдзю»). День этой премьеры — одна из важнейших вех и истории японского театра. Родилась подлинная народно гуманистическая драма.

В основу пьесы положено истинное происшествие, взволновавшее весь город Осака. Молодой приказчик Токубэй покончил с собой в храмовой роще вместе с продажной девушкой о-Хацу из знаменитого увеселительного квартала Сонэдзакки.

Двойные самоубийства влюбленных (они назывались «синдзю», что значит «искренность сердца») случались в ту эпоху довольно часто. В условиях феодальной Японии самоубийство влюбленных стало последним, отчаянным способом самозащиты: ведь влюбленные верили, что и после смерти они не разлучатся. Власти пытались применить строгие меры: тела самоубийц выставляли на позор, выживших подвергали суровой каре. Но это не очень помогало, слишком глубокие социальные и этические корни питали обычай «синдзю».

В пьесе «Самоубийство в Сонэдзакки» все предельно просто и жизненно. Герой пьесы — маленький человек, над которым тяжелым грузом тяготеет власть хозяина.

Молодые влюбленные трогательны и человечны. Они чужие в обществе, где царствуют насилие и корысть, но зато им отдана вся поэзия мира.

«Песня странствия» — одна из самых прекрасных в драматических поэмах Тикамацу — изображает путь влюбленных к месту смерти. Они словно видят «сон во сне жизни».

Прощай, этот мир!
Эта ночь, прощай!

. . . . .
Последний раз погляди

На эту траву, на деревья, на небо...

Летняя ночь раздвигается до самых звезд. Две тени летят перед влюбленными, быть может, их собственные...

Успех пьесы определил дальнейший жизненный и творческий путь драматурга.

В 1705 году Тикамацу покинул Киото и переехал в Осака по приглашению своего друга Гидаю.

Осака был крупнейшим торговым городом того времени. Драматург нашел в нем обширное поле для наблюдений. В Осака находились богатые купеческие гильдии, оптовые лавки, самый большой в стране рынок торговли рисом. Мелкие лавочки, приказчики, бродячие торговцы, ремесленники насчитывались тысячами и десятками тысяч... Над мелкими лавочниками всегда висела тень разорения: оптовики держали их в тяжелой зависимости. Конец года, когда, по обычаю, расплачивались с долгами, был страшным временем для многих торговцев. Зато ссудные лавки получали хорошие барыши.

В городе были увеселительные кварталы, где проживали жизнь богатые купцы. Шел туда и небогатый люд.

Родители нередко продавали своих дочерей в веселый дом. Кохару в «Самоубийстве влюбленных на Острове Небесных Сетей» — дочь неимущей вдовы. Отец девушки Коман в драматической поэме «Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» — бедный крестьянин. Считалось, что девушка исполняет святой дочерний долг: ремесло продажной любви, по воззрениям того времени, не накладывало на нее позорного клейма.

Театр и роман окружили гетеру ореолом поэзии, которой так не хватало в мещанской семье. Брак по расчету, по приказу родителей убивал семейную любовь. В поисках романтики горожанин шел в веселый квартал. Среди гетер встречались обаятельные и даровитые девушки, которые чудесно умели и петь и плясать. Портреты их рисовали знаменитые художники, — например, Утамаро.

Любовь небогатого молодого человека к девушке, которую он не был в состоянии выкупить у ее хозяина, иногда приводила к трагической развязке — двойному самоубийству.

Таков бытовой фон, на котором разворачиваются события почти всех «мещанских драм» Тикамацу. Нередко к книге его сочинении прилагают старинную карту города Осака.

«Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» («Тамба-но Ёсаку мацу-но комуробуси») предположительно написана в 1708 году. Это седьмая по счету «мещанская драма» Тикамацу.

Погонщик Ёсаку и его возлюбленная девушка Коман — герои народных песен.

Популярна была песня, в которой отразилась народная мечта о небывалой сказочной удаче:

Лошадей гонял Ёсэку,
Был погонщиком простым.
А теперь в самом Эдо
Носит длинный меч.

Песни погонщиков лошадей славились в старой Японии так же, как в России ямшицкие песни.

В каждой из трех частей этой драматической поэмы есть свое «странствие». В первой — шуточное путешествие по карте с изображением знаменитой Токайдоской дороги. Во второй — путешествие игрока. И наконец, в третьей — лирическое митиюки: «Странствие по дороге сновидений». Пьесу завершает большая песенно-танцевальная сцена.

Ко времени создания этого дзёрури конструкция «мещанских драм» уже приобрела в творчестве Тикамацу хорошо разработанные устойчивые формы.

Первая часть содержит в себе экспозицию; в ней заключен элемент тайны: «Куда исчез отец маленького Санкити?» Интерес зрителя поддерживают остродраматические сцены.

Вторая часть переносит нас в другую, контрастную обстановку: из княжеского дворца на большую дорогу. Появляются новые персонажи. К концу действия, после ряда перипетий, нарастает угроза роковой развязки: герой драмы хочет покончить самоубийством вместе со своей возлюбленной, а его маленького сына должны казнить на рассвете.

Третья часть приводит нас к развязке. Развязке, как всегда, предшествует митиюки, назначение которого —

эмоционально подготовить зрителя к кровавому событию: казни, убийству или самоубийству.

Но пьеса «Ночная песня погонщика» кончается благополучно. Дочь князя играет роль «*deus ex machina*», ее слово всеильно, Ёсаку снова на вершине счастья и благополучия. Это конец, типичный для народной сказки. В жизни «так не бывает».

Одна из главных пружин действия: конфликт между долгом и чувством. Мальчик Санкити всем своим существом возмущается против бесчеловечного «долга» феодальной службы, который поставлен выше естественного человеческого чувства материнской любви.

Главный герой, погонщик Ёсаку, — опустившийся, безвольный человек. Почти всегда у Тикамацу мужчина в любовной паре страдает как бы параличом воли, женщина сильнее его духом.

Прослая девушка Коман наделена огромным душевным богатством. Традиционная феодальная этика, носительницей которой является придворная дама Сигэнои, по существу, терпит крушение в пьесе, и никакие моральные сентенции «под занавес» не в силах это скрыть.

Моральное поучение («икэн») — так же как потасовка — непременная принадлежность каждой «мещанской драмы».

Шестого декабря 1720 года в городе Осака состоялась премьера лучшего, по общему мнению, дзёрури Тикамацу «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» («Синдзю Тэн-но Амидзима»). Меньше чем за два месяца до этого купец Дзихэй покончил с собой вместе с девушкой Кохару на маленьком Острове Сетей (Амидзима). До сих пор там показывают их могилу.

Прототипы героев — реальные лица, но пьеса не фактографична. Иначе была бы нарушена и обеднена художественная правда образов.

«Дзёрури стремится изобразить житейское событие как подлинное, — говорил Тикамацу в своих беседах о театре, — но вместе с тем в пьесе это событие становится явлением искусства и перестает быть просто бытовым случаем».

«Искусство находится на тонкой грани между правдой и вымыслом».

Тикамацу — тонкий психолог. Он подмечает, что душевный мир молодого человека той переходной эпохи потерял свою цельность. Герой пьесы колеблется, словно маятник, между долгом и чувством, совершая одну ошибку за другой. Воля у него отторжена от решимости. И поэтому, когда он наконец начинает действовать, то движет им не разумная воля, а решимость отчаяния.

Таков молодой Дзихэй.

Жена его о-Сан и девушка Кохару в поединке великодушия пытаются помочь друг другу и спасти Дзихэя, но вокруг него медленно и неуклонно сжимается кольцо гибели. В противоположность герою, обе женщины — волевые и цельные натуры. Каждая готова пожертвовать собой, но пьеса закрывает на глухой замок один выход за другим. Постепенно гаснут все надежды. Освобождение может наступить только через смерть.

Пьеса построена на контрастах. Буйная сумятица веселого квартала и тихий, но такой недолговечный мирок семьи... Контрастируют между собой, но обе прекрасны по-своему, купеческая жена о-Сан и гетера Кохару.

В конце пьесы много буддийских образов в духе народных верований. Эти поэтические верования мало имеют общего с церковными догматами веры, которые, конечно, обещают самоубийцам суровое наказание за гробом. Дзихэй и Кохару не могут отказаться от своей мечты о счастье, они ждут его в ином мире. Вера в это счастье просветляет трагический конец пьесы.

После пьесы «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» Тикамацу создал еще две «мещанские драмы». Из них особенно славится пьеса «Кромешный ад» («Абура дзигоку»).

Это бытовая драма, почти лишенная поэтических элементов сказа: в ней даже нет митиюки. По своему строению она приближается к европейской буржуазной драме. Понятно, что заимствования быть не могло — Тикамацу не знал европейского театра.

До самой своей смерти он продолжал неустанные творческие искания.

В 1724 году великого драматурга не стало.

Тикамацу создал девяносто «исторических пьес» и двадцать четыре «мещанские драмы». Кроме помещенных в этой книге дзёрури, на русский язык переведены еще три: «Гонец в преисподнюю», «Копьеносец Гондза в двойном плаще», «Девушка из Хаката в пучине бедствий»¹.

¹ Тикамацу Мондзаэмон, Драмы, «Искусство», М. 1963. Перевод с японского В. Марковой и И. Львовой.

Тикамацу показал на японской сцене драму своего современника, маленького человека, который ценой жизни отстаивает самое дорогое, что у него есть: любовь и доброе имя.

Добротой, верностью, душевным благородством наделил он женщину, самое бесправное в средневековой Японии существо.

Великий драматург изобразил сложную действительность той эпохи в ее контрастных и мучительных противоречиях.

Богатые люди нарисованы в драматических поэмах Тикамацу с остротой социальной сатиры. Они носители злой силы денег, люди с ничтожной мещанской душой. Основной просчет богача в том, что он думает, будто за деньги может купить все на свете: его мелкая житейская арифметика несостоятельна перед лицом любви. Терпят нравственное поражение и косные, ограниченные носители феодального семейного уклада.

Духовной победой любимых героев Тикамацу заканчиваются его пьесы.

Тикамацу — замечательный поэт. Звуковая ткань его стихов предельно богата. Стихи открыты созвучиями, повторами, рифмами. Мелодика динамична и разнообразна: стих рождается вместе с напевом.

Литературная японская поэзия не знает рифмы, но рифма в начале, в середине, конце стиха пронизывает народную песню. Рифма в поэзии Тикамацу не нарочита, она словно возникает случайно, сама собой.

Легко и свободно «работает» у Тикамацу обязательный в старинной японской поэтике прием игры слов.

Поэт неистощим на выдумки, то в возвышенно-поэтическом, то в чисто каламбурном, гротескном плане. Слова у него то и дело входят в сложные смысловые и звуковые ассоциации. При этом Тикамацу всегда заботился о том, чтобы пьеса его была доступна пониманию зрителя.

Игру слов любят и японская сказка, и старинная шуточная песня. Поэтому зритель, наслаждаясь изобретательным искусством Тикамацу, схватывал на лету такие сложные метафоры и каламбуры, которые в наше время кажутся труднопонятными.

«Дзёрури в самой своей основе — музыкальное сочинение, — указывает Тикамацу в своих беседах, — и поэтому, хотя в нем чередуются более короткие и более длинные стихи, длина стиха должна определяться мелодией».

В живую ткань рассказа вплетены движущиеся панорамы странствий, баллады, лирические жалобы...

Лучшие митиюки у Тикамацу построены на народнопесенной основе.

Названия географических мест получают в «песне странствия» второе, символическое значение по созвучию или смыслу. В европейской литературе можно найти аллегорические путешествия, названия мест в них выдуманные. В митиюки герой путешествует в настоящей, а не в воображаемой стране. Но движущаяся панорама природы проецируется на душевный мир героя.

Знаменитые своей красотой ландшафты становятся похожи на тени облаков, на первый план выходит человеческое чувство.

В японском языке существует много омонимов, то есть слов, звучащих одинаково, но имеющих разный смысл. Омонимы помогают строить второй смысловой ряд,

точно сквозь одну прозрачную картину проступает вторая. Иногда омоним, понятый в двух возможных его значениях, точно скрепкой соединяет между собой две разные фразы.

Часто у Тикамацу встречаются цепи ассоциаций. Например, если упоминается ладья, то вслед тянутся цепью, словно всплывают в памяти — весло, парус, морская волна, рыбак...

В литературном стиле эпохи Гэнроку ценилось «искусство цитаты». Ткань произведения, будь то роман, пьеса или даже лирические стихи, словно золотой нитью прошивалась цитатами из знаменитых классиков без упоминания имени автора. Это не было литературной кражей. Читатель испытывал радость узнавания знакомых образов. Иногда они служили эмоциональным ключом, порою пародийно обыгрывались, а у писателя-эпигона превращались в замысловатый орнамент. Чужой образ, повторенный, как орнамент, — первый признак эпигона.

У Тикамацу чужой «цитатный» образ всегда «работает». Его назначение: расширить подтекст, вызвав в памяти читателя (слушателя) дополнительный ряд ассоциаций.

В начале дзэрури «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» гетера Кохару спешит в чайный домик на свидание с каким-то неизвестным ей гостем.

Откуда слышен дальний зов кукушки?
Сегодня ночью кто позвал Кохару?

Слова «дальний зов кукушки» взяты из пятистишия-танка, помещенного в знаменитой поэтической антологии «Кокинсю» (905 г.). Эмоциональный ключ пятисти-

шая: жалоба человека, затерянного в горах. К нему не доходит вести, только слышен печальный зов кукушки.

Девушка Кохару разлучена с любимым, ее зовет незнакомый голос. Тот, кто вспомнит стихотворение из «Кокинсю», не только испытает радость узнавания, он глубже поймет чувство Кохару.

В том же дзёрури пародийно обыгрывается знаменитый эпизод из времен средневековых междоусобиц.

Рассказ о нем встречается в феодальном эпосе «Сказ о доме Тайра» и пьесе театра Но «Кагэкиё», созданной драматургом Дзэами.

Кагэкиё, воин клана Тайра, преследует бегущего врага Мионоя и хватает его за назатыльник шлема. Мионоя вырывается с такой силой, что назатыльник остается в руках преследователя. Оба поединщика изумлены: «Какая крепкая длань!» — «Что за могучая шея!» И расстаются с громовыми раскатами смеха...

В дзёрури Тикамацу действие происходит не на поле боя, а на улице веселого квартала. Певец-рассказчик, комически пародируя торжественный напев пьесы Но, повествует о том, как служанка Киё хватает за капюшон гостя, который норовил проскользнуть мимо. Узнавание знакомых слов здесь вызывает неотразимо комический эффект.

Тикамацу пользуется приемом цитаты умело, но в меру. В основе его бытовых пьес лежат не литературные реминисценции, а материал, выхваченный из самой гущи жизни.

Анализ произведений драматурга показывает широту его литературного кругозора. Тикамацу черпает образы для своих дзёрури из старинных японских хроник, рома-

нов, театральных пьес, сборников сказок, современных повестей и новелл. Он мог бы сказать о себе словами Мольера: «Я беру мое добро всюду, где его нахожу». Это не дает повода упрекнуть ни французского драматурга, ни японского в недостатке оригинальности. Могучий талант преображает все, к чему прикасается. Кажется, что сюжеты и образы, найденные в литературе Мольером, Шекспиром, Тикамацу, для них и были созданы, и только ждали их прихода.

Иногда говорят: «Это гоголевский тип. Это достойно пера Чехова».

В этом случае обвиняют в подражании саму жизнь.

Тикамацу расширил жанровые границы театральных пьес. Он соединяет высокую драму и комедийные, даже фарсовые сцены, гротеск и тонкую лирику.

Язык его драматических поэм необыкновенно богат. Тикамацу — наследник всей японской поэтической и театральной культуры, но он смело вводит в свои пьесы народный язык всех слоев общества, вплоть до жаргона обитателей дна и самых последних носильщиков на большой дороге.

«Богом среди драматургов» называли Тикамацу люди его времени.

Замечательные актеры стяжали себе славу, играя в драмах Тикамацу. Для молодых японских актеров состязаться с прославленными корифеями классического театра Японии — увлекательная и трудная задача.

Для японского актера сыграть по-своему не всегда

значит сыграть совсем по-иному. Так благодаря устойчивости лучших традиций сохраняется дух и аромат давно прошедшей эпохи.

В Малом театре берегут традиции Островского. Театр «Французская комедия» донес до нас живого Мольера. Японский театр бережет как святыню наследие Тикамацу во всем богатстве традиций театра чтеца (Дзёрури) и театра актерского ансамбля (Кабуки).

Всемирная история театра и всемирная история поэзии — обе равно могут гордиться таким именем, как Тикамацу Мондзаэмон.

Множатся издания его пьес не только в самой Японии, но и в других странах мира. Великий японский драматург уже перешагнул тот «порог недоверия», который мешало понять явление незнакомого искусства во всей его глубине и сложности.

Движение великих созданий искусства во времени иногда противоположно ходу времени: драматические поэмы Тикамацу не удаляются от нас, а приближаются к нам.

В. МАРКОВА

НОЧНАЯ ПЕСНЯ
ПОГОНЩИКА
ЁСАКУ ИЗ ТАМБА

Одно зерно,
Рожденное от князя,
Приносит тысячи отборных зерен риса
И рассыпает вокруг себя дары
Несчетные...

Оно еще незримо
Таится в материнском чреве,
А уж десятки тысяч
Покорных и почтительных вассалов,
Смиренно лбы склоняя до земли,
Бьют в барабаны лести
И шелкают в восторге языками.

У князя Юруги,
Властителя замка и Тамба,
Там, в отдаленной округе,
Дочь родилась Сирабэ
От служанки,
Гревшей воду для чая...
Дитя кипящей любви,
Милости, пролитой случайно,
Как угодно было судьбе.

А теперь Сирабэ,
Тонкая, гибкая,

Словно стебель цветка, поднялась
И, хоть нет ей еще десяти,
Шуршит шелками
Придворного платья.
Длинные волосы перехвачены
Золоченым шнуром
Для первой прически.
Не отвести восхищенных глаз!

Ей предстоит далекий путь — в Эдо,
Путь из родной столицы
На Восток.
Она просватана
В высокородный дом
Владельца князя Ирума;
Сначала станет дочерью приемной,
Потом женою княжеского сына.
Князя берут
Свою невестку в дом
Еще нераспустившимся цветком.

Чтоб охранять
Невестку в пути,
Прибыл эскорт почетный
Во главе с доверенным
Старшим вассалом.

Все воины
У него под началом,
Он у князя в большой чести.

Готов длинный-предлинный поезд.
В паланкине
Золотом и алом,
На шелковых подушках покоясь,
Сама поедет
Юная госпожа
О-химэсама.
Двадцать конников-самураев
Ее сторожат,
Как пристойно невесте высокого сана.
Впереди пойдет
Толпа скороходов,
Разгоня простой народ.
Позади — нескончаемый ряд:
В паланкинах, носилках
Разных чинов придворные дамы,
Высших рангов дамы,
Средних рангов дамы,
Младших рангов дамы...
На каждой великолепный наряд.
Все паланкины под номерами —
Четыреста восемьдесят паланкинов!

Всюду золото, шелка всех цветов,
Раззолоченная парча.

Вот носилки придворного врача,
Опытного целителя
Любой детской хвори.
Вот паланкин главной наставницы,
Кормилицы Сигэнои.
И еще: прачки, стряпухи, судомойки,
Прислужницы для шитья и кройки,

Няньки, девушки-забавницы...
Все красивы, как на подбор,
Даже служанки простых слуганок.
Сколько проказ и любовных ссор!

А сколько на улице перебранок!
Носильщиков больше тысячи
Ждет у ворот.
Носильщики
В ящиках на длинных шестах
Дары понесут богатые:
Золото, серебро, жемчуга,
Драгоценные камни, яшму, агат,
Золотые чаши, ветки коралла,
С длинными ручками зонты,
Разукрашенные лаком тисненым, алым;
В узорных ножнах большие мечи...

На ящиках покрывала
Из златотканой старинной парчи
С большими родовыми гербами:
    Павлония в полном цвету,
    Заяц с веткой вишни во рту,
    Ветка сосны,
    Журавль на лету
    На распростертых крыльях.

А там драконы
Свиваются кольцами,
Сеют
Пурпурное пламя.

Драгоценная кладь
Перевязана шнурами
Червлеными.
Узлы на шнурах
Алеют пионами.
Ящикам с утварью нет числа,
Навалены грудой...
Корзины с кухонной посудой,
Мешки с недорогой поклажей
Отправят на сменных ломовиках,
А на собственных конях отборных
Повезут под надежной стражей
Самое ценное в тяжелых тюках.

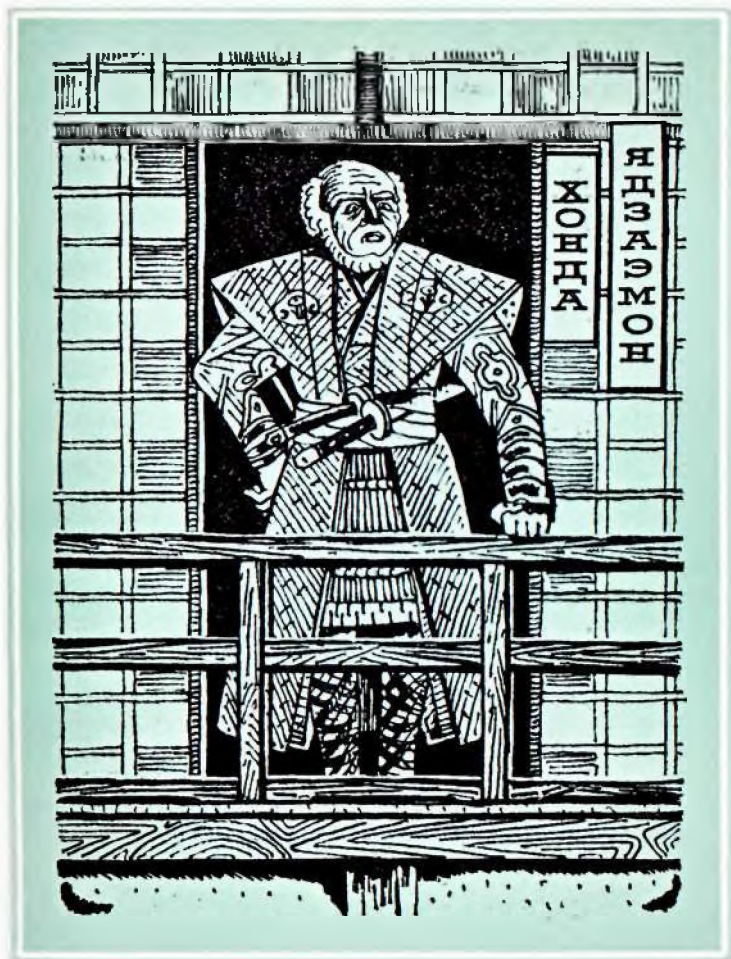
Заранее намечен час отъезда,
Счастливый «час змеи».
Накормленные лошади готовы.
Погонщики —
Все опытные люди! —
Подобраны под стать:

Красивы и ловки,
Умеют песни петь!
Их нанимали, денег не жалея.

Стеснились люди, кони, паланкины.
Широкий двор
Запружен до краев.
И вот — выходит из дворца начальник,
Доверенный вассал,
Старик почтенный, знающий обряды,
Допущенный и в женские покои.
Он носит имя Хонда
Ядзаэмон. Взгляните на него!
Хоть он стоит нетвердо на ногах, —
Немало чарок выпил он вина, —
Хоть он качается,
Но тверд в решеньях.
На нем дорожная накидка
Из огненной парчи; его лицо
Огнем пылает;
Ноги у колен
Обмотаны пурпурными шнурами.
Весь красен он.
Лишь волосы седые
Как снег белы.
Он громко возглашает:

— Хо-хо! Как я вижу, все в сборе... Что ж! Передовые могут отправляться в путь. Эй, Бундза и Гэнгодза! Вы, как я еще вчера распорядился, поедете в самом хвосте! Э-э, молодые самураи, слуги, погонщики и скороходы! Да-да, я вам говорю, шныряльщики по харчевням, в дороге не смейте напиваться! И ежели вы на постоянных дворах либо на переправах буйство учините, так знайте наперед, пощады не будет. То-то! И вот еще что: не вздумайте тискать по всем харчевням каждую девку в красном переднике! Особо остерегайтесь любовных шашен перед паланкином юной госпожи. Ей по малолетству еще рано смотреть на все ваши проделки.

Все ясно?.. Ну да, впрочем!
В дороге долгой нелегко поститься
И трудно избежать любовных встреч.
Так незаметно,
В темном уголке,
Да поскорей,
Да кое-как... За это
Мы взыскивать не станем!
В самом деле,
Наш поезд — поезд радости. Везем
Мы князю дочь,
А княжескому сыну
Невесту... Чтобы счастья не спугнуть,

Я, так и быть, грешок один-другой
В пути вам отпущу без наказания!

— Мы повинуемся! — сказали старшины
Носильщиков. —
В дорогу! Становись
По номерам — и в путь!..

Как вдруг — тревога.
Вдруг суматоха в доме, беготня,
Встревоженные голоса служанок
И детский плач.

«Что там такое?»

«Стойте!»

Служанка выбегает из дворца:
— Какая неприятность! Погодите!
О-химэсама
Изволит гневаться. Не хочет ехать,
Упрямится и плачет:
«Не хочу!

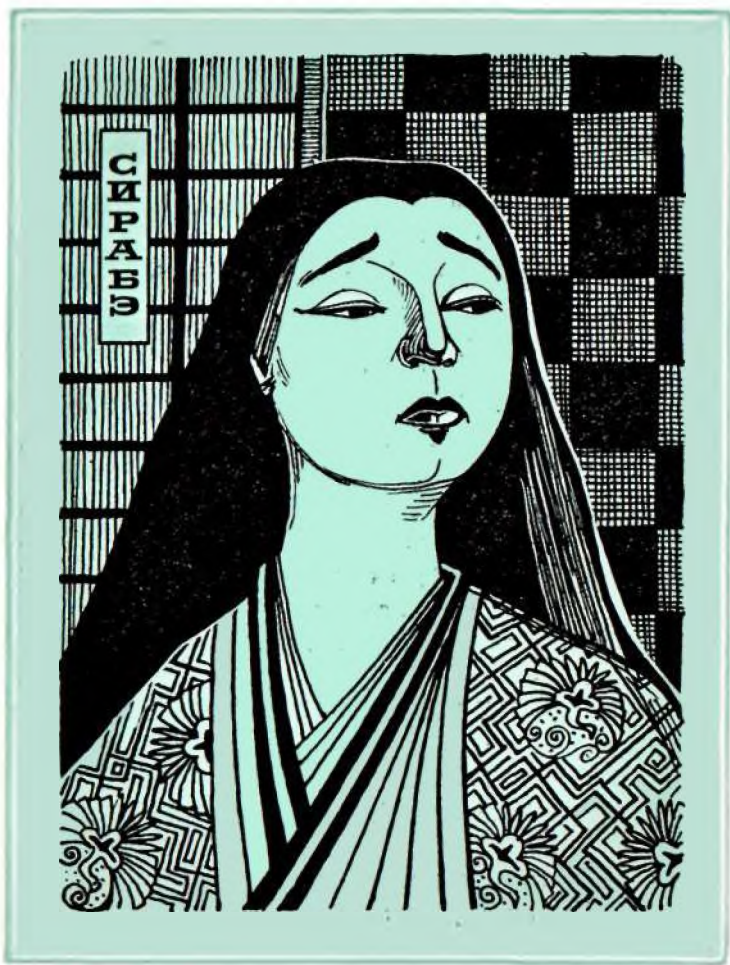
В Эдо я не поеду, не поеду!»

Сам князь сиятельный с супругой вместе
Пыгаются упрямицу унять
И успокоить: то бранят сурово,
То утешают. А она свое:
«В Эдо я не поеду!»

Сигэнои —
Почтенная кормилица —
В слезах.
Все доводы, все средства исчерпала.
О-химэсама
Топаёт ногами:
«А, злая нянька! Хочешь на Восток,
Сама и поезжай!»
И по спине
Зонтом свою наставницу колотит:
Хлоп-хлоп!
Ну как тут быть?

И вдруг,
Навзрыд рыдая,
Размазывая брови по лицу,
Сурьму смешав с румянами, из дома
Сама о-химэсама выбегает,
Крича:
— В Эдо?
Не еду!
На Восток?
Я не желаю!

Слуги, самураи
Бегут к воротам:

Им запрещено
Смотреть на молодую госпожу,
Хотя она совсем еще ребенок.

Смятенье! Суматоха!
Все мужчины
Стопились за воротами. Остался
На месте только старый Хонда.

Поспешно па веранду выбегает
Почтенная кормилица, дрожа
От страха, побледнев от огорченья:
— О-химэсама! Да послушайте меня!

Даже дети простых людей, когда им уже девять-десять лет, и то начинают понимать разумные уговоры. Извольте взглянуть сюда! Вот этот старый воин, убеленный сединой, и все эти именитые самураи, которые стоят там, за порогами, все они совершили долгий путь, перевалили через горы, переправились через реки, только для того, чтобы с почетом проводить вас на Восток! Когда вы прибудете в Эдо, вас примут почтительно, как нареченную невесту старшего сына владетельного князя.

Но если станут люди толковать,
Что худо вас я воспитала,
Тогда что делать мне? Какой позор!
Я женщина, не самурай, не воин,

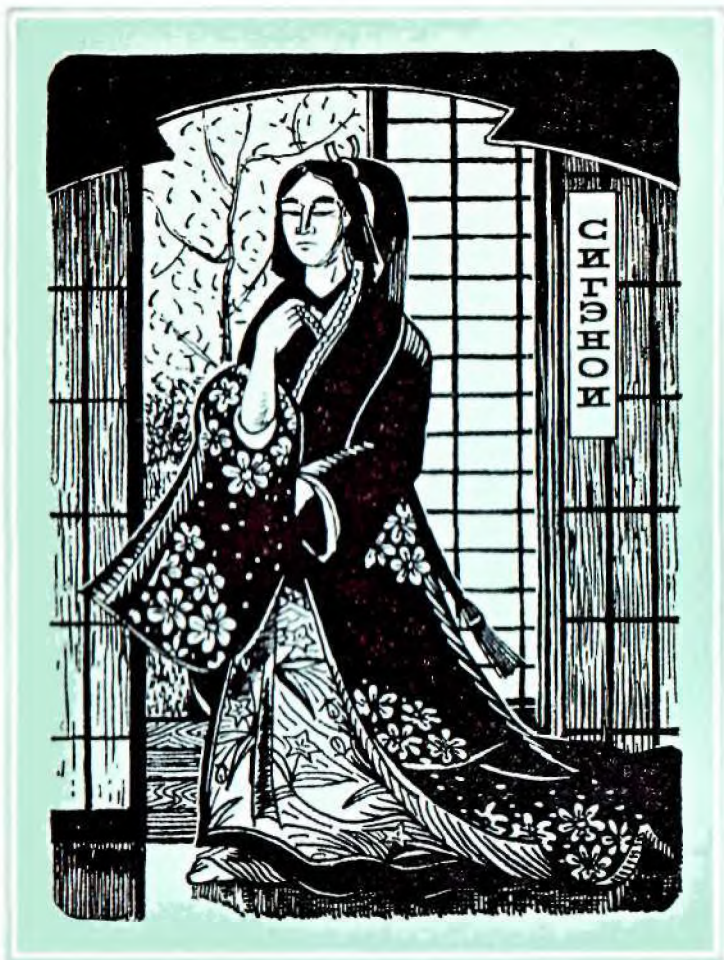

И все же мне придется
Живот себе разрезать!.. Умереть!..
Как! Неужели вам меня не жаль?
Прошу вас, успокойтесь.

Сигэной
И уговаривает и бранит ее,
А толку нет!

О-химэсама плачет:
— Все обман!
Нет-нет! Я не поеду!
На Востоке
Пустыня! Дикие места!
Там, говорят,
Не видно гор!
Эй, девушки, сюда!.. Ко мне идите!
Вот слушай, нянька, что они поют.
Приказываю спеть
Сначала до конца
Всю вашу песню. Начинайте!

И девочки-подруги,
Приставленные к юной госпоже,
Чтоб забавлять ее,
Простушки,

Захлопали в ладоши мерно

И стали петь:

«Неужели ты уедешь в Эдо?

В дальний город,

Печальный город,

Где не видно гор?

А как останусь одна я,

Любя?

Как я буду жить без тебя?

Лучше убей меня, уезжая!»

Кормилица разгневалась: — Молчите!

Для знатных девушек —

Какой позор

Неслыханный!

Под звуки цитры

Пристойные должны вы песни петь.

Да кто вас научил, как вы посмели

Такие низкие горланить песни

Пред нашей юной госпожой?..

Того гляди, она их переймет

От вас, бесстыдницы!

Тут седовласый Хонда

Решает, что пора ему вмешаться.

— Ну полно, полно, госпожа!

Не плачьте.
Послушайте меня. Ведь эта песня —
Глупая шутка, не более!
Город вишневых цветов — Эдо,
Да лучше города нет на свете!
Каждой весной Эдо
Тонет в вишневых садах!
Я покажу вам
Цветущие вишни
В парках Асакуса и Уэно!
А сколько там веселых забав!
Бом-бо-бо-бом! Бьют барабаны!
В театрах на улице Сикаи
То-то весело куклы пляшут!
Бум-бу-бу-бум! Бьют барабаны
В театрах на улице Кобики.
Храбрый Кимпира, могучий Бэнкэй
Рубятся там насмерть мечами:
«Э-я, вот тебе! Получай!»
А чем дорога в Эдо плоха?
Какая радость
На Фудзи взглянуть!
Сквозь облака
До самого неба
Она возносит
Вершину свою.

Много чудес
Можно увидеть
По дороге в город Эдо!
Ну, полно плакать,
О-химэсама!
Утешьтесь, утрите слезы,
Садитесь в ваш паланкин!..

И старый Хонда задохнулся.
Он исчерпал все доводы.

Напрасно!
Молодая госпожа
По-прежнему упрямится:
— В Эдо
Я не поеду, не поеду!

Кормилица совсем уж растерялась.
Почтенный Хонда
Просто стал в тупик:
Как быть с упрямицей?
Но в этот миг

Служанка Вакана,
В плетеной из осоки шляпе,
Уже совсем готовая в дорогу,
Во двор вбегает:

— Послушайте, госпожа кормилица! Вот забавный случай! Мальчик-погонщик с бритым лбом, лет десяти от роду, с виду ровесник нашей госпоже, разложил прямо на земле большую карту Токайдоской дороги и с другими погонщиками играет в игру — как это ее называют? Забыла!.. А, вспомнила: в сугороку, — знаете, кто первый приедет из Киото в Эдо. И так весело играет, так задорно!

Вот посмотрела бы о-химэсама!
Как знать?

Быть может, плакать перестала б!

— Что ж! Это хороший случай. Я слышала, что сугороку — очень веселая игра. Пусть поглядит молодая госпожа, может быть, развеселится. Зови сюда погонщика. Я разрешаю: ведь он еще ребенок. Да беги скорее, мигом приведи сюда этого шалопаю!

— Я повинуюсь! —

Вакана стремглав

Бежит к воротам и — через минуту —

Уже ведет погонщика-мальчишку.

Одно плечо его оголено.

Широко выбрит лоб. Пучки волос

Торчат, нечесанные, за ушами.

Он, не смущаясь, всем глядит в глаза,

Садится — без стеснения — на край

Веранды, ногу на ногу задрав,

И говорит:

— Ну и ну, почтенные хозяева! Вы нам всю игру перешибли. Мы, ребята, резались в сугороку. Мне куда как везло: я так и чуял, что выиграю денежки на пару дорожных сандалий!..

Как вдруг — на тебе! — позвали меня, поволокли, не дали доиграть.

Погнали, как погонщик лошаденку:

Харэ-ярэ, харэ-ярэ! Вперед!

Но-но! Поехали!

Он боек на язык
И без смущенья жарит напрямик.
Недаром говорят:
Погонщик, лодочник,
Прислужница да нянька
Горазды тараторить.

— Ишь какой
Разбойник! Больно смел! —
Почтенный Хонда
Глядит на мальчику. —
А как тебя зовут?
И сколько лет тебе?

— Одиннадцать как раз:
Все пальцы и еще один!
Годов с пяти
Я погоняю лошадей.
Ну что глядите?
Ведь я не мальчик с челкой,
На все услуги годный. Не таков!
Вы видите мой лоб?
Как выбрит он?..
Я сам себе главарь!
Подстилкой не бывал я — и не буду!
Я не из робких. Санкити Дикарь —
Вот как зовусь я...

— Меткое прозвание! —

Промолвила кормилица. — Скажи...

Я слышала, что у тебя есть игра про Токайдоскую дорогу. А ну-ка, сыграй в нее с девушками. И вы, о-химэсама, позабавьтесь. Иди, мальчик, к девушкам, не бойся!

— Ладно, ладно!

Чего бояться мне? —
И он идет,
Попыхивая трубкой,
Подходит к девушкам,
К их юной госпоже...
И ни кормилица,
Ни старый самурай
Не видят в этом ничего дурного.

И мальчик расстилает на песке
Большую разукрашенную карту,
Где вся дорога
От самого Ки́ото до Эдо,
Все пятьдесят три станции видны.
Прислужницам и юной госпоже
Дает по фишке;
Быстро обучает,
Как мечут кости,
Как полагается считать очки, —
И начинается игра...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТОКАЙДОСКОЙ ДОРОГЕ

Сюда! Сюда! Собирайтесь в круг!
Идите скорей! Глядите!
Начинаем игру
Веселей, чем жмурки и прятки!
Собственные лодыжки и пятки —
Вместо коней
Вороных и гнедых.
Оседлайте резвые ноги!
Гоп-гоп! На своих двоих
Поехали по Токайдоской дороге!

Но-о!.. Бросайте
Игральные кости!
Они из вишневого дерева.

Сперва от Киото — «Вишневой столицы» —
На перегон
Мы должны отдалиться,
Проехать три долгих ри.

Прощайте!
А вот и селенье Оцу...
Смотри!
Вот и «Прощальный берег».

На берегу мы бросим поводья
И — напрямик через озеро *Бива!*
Прекрасный повод
Плыть по воде!
Занятно, красиво...
Да смотришь,
Все лодки заняты...

А теперь сколько очков?
Шесть?
Значит, места еще есть.
По порядку. Без суматохи.
Лодки не плохи,
Да цена кусается!

Вот и *Кусацу*,
С горячей снедью лотки.
Здесь продаются

«Нянькины пирожки».
Глянь!
Госпожу перегнала нянька:
Ай да кормилица!

Один пирожок, другой пирожок, — поторапливайся, дружок. По пути Минаку́ги — «Третий глоток». В три глотка глотайте «уху-плясунью». Неплоха из гольцов уха! Да дорога, не для мальчишек-огольцов: кому — уху́, а кому — по́ уху!

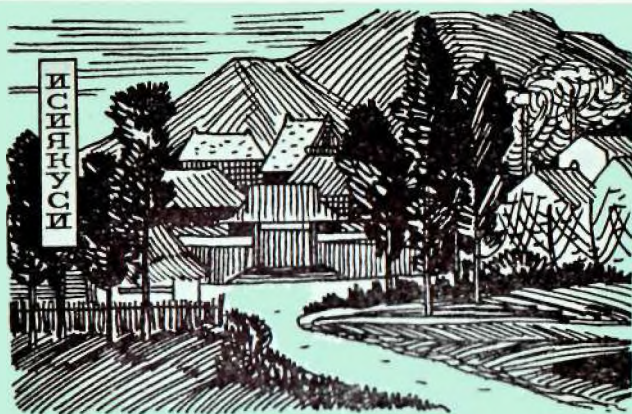
Скорее, скорей к «Сосновой горе». Не жалеите гудящих колен! Встряхните кости: покатытся с громом!.. Но откуда доносится гулкое эхо? С перевала «Стонущий олень»? Не вышла бы на пути помеха!

Удачный удар: гляди,
Перевал позади!

Не мешкай. Забудь про лень, — никому не хочется проиграть. Вот и застава «Спешка». Всадники спешились с коней. Поскорей: ехать пора! Не тащись черепахой...

Прямо
Перед глазами Камэяма —
«Черепаша-гора».

Дальше — к новой цели!
Вот Исиякуси, там —
Прославленный храм.
В нем
Каменный Будда-целитель.

Там мы ударим камнем-кремнем,
Раскурим трубки дорожные.

Вглядитесь пристальной.
Сквозь туман видна
Пристань Кувана.
Кто промерз до дрожи,
Пусть согреется на «Горячем поле».

А растает иней —
Не медли долее,
Проворней скачи
До «Реки глициний»...
А уж тут
Тебя оплетут:
Со всех сторон подают тебе знаки!
Ох, и девушки в Окадзаки!
Ох, и девушки в Окадзаки!

Ох, и девушки-дзёро там горячи!
Всех заывают в гости,
Крутятся, крутятся,
Словно кости игральные...

С лобым готовы крутить любовь!
Любая служанка по первому слову
Готова сбросить передник пунцовый.

А если вина запросит душа,
На «Красном холме»
Винная лапка так хороша!

Вот Ёсида, вот Футикава — «Два рукава реки». Сирасука — «Белые пески». Вот «Дикое поле» — Арай, глухая дыра...

Только проехали — окрик сторожевого:

— А есть у вас разрешение на проезд женщин?

— Ах, в рукаве прореха!

Теперь не до смеха:

Неужели

Вернуться назад

И ехать снова?

Еле-еле нашел: за подкладкой!

Снова игральные кости кидай!

Мало очков? Небо хмурится.

Скорей плывите, пока не застряли:

Вот ваша лодка на причале!

Вихрь облаков.

Посвист бури...

«Морские ракушки хамагури!»
«Продаются ракушки хамагури» —
На всем пути до «Прибрежных сосен».

Снова кости мы бросим.
Три и пять? Выпало восемь.
Скоком, плясом промчимся мы
Через пески у реки,
Через пашни,
Через «Пляшущие холмы».
Деревенька «Сторожевая башня».
Девки и здесь
Гостей сторожат.
А уж если прохожий им знаком,
Так и виснут на нем:
«Милый, хоть на час
Задержишься у нас!»
Тут прохожий,
Хоть он и жаденек,
Все ж потрясет кошельком,
Не пожалеет денег,
Задержится на денек.

ФУКУРОИ

Скоро и Фукурои — «Колодец-мешок». Здесь каждый — бедный, богатый — развяжет полосатый кошель. И, чтоб не сесть на мель на реке «Поклажа», связкой монет звеня, слезает с коня.

Вверх — вниз. Вверх — вниз,
Мы добрались
До «Горы улыбок» — Ниссака.
Низка? Да нет, крута,
высока!

И трава какая высокая,
Папоротник да осока.
Но любой улыбнется тут,
Когда ему подмигнут
Два-три «папоротниковых пирожка».
Чудесные пирожки!
А вот, как в сказке, новое чудо!
Взгляните отсюда!
Что там широкое, голубое?
Не отгадали? Не поняли?
Да ведь это — река Ои,
Самая большая в Японии!

А теперь — дело твое плохое:
Выпали очки «голь».
Хоть душа и не рада,

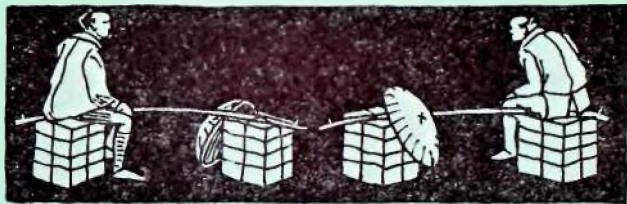

В Каная и Симада
Задержаться изволь.
Воды разлив и напор!
Восемьдесят потоков
Сюда устремились с гор.

А теперь сколько очков?
Удача! Поряд — и пять
И шесть!
Все на коней торопятся сесть —
И в дорогу опять.

Станция
«Ветка глицинии»,
Какой поток
Лиловый, синий
Гроздьев пахучих!

Вперед —
До Окабэ и Сэто!
Тут — красный рис продают.
А дорога все круче
До самой горы Уцунояма,
Где у быстрой реки
Сладкие купишь ты колобки —
По десятку в связке:
Знаменитые лакомства
Пестрой окраски,
Нежного аромата...
А денежек маловато!

У денег растут ноги.
Денежки
Так и бегут по дороге
Врассыпную, вскачь!..

Плачь не плачь,
А свой кошель раскрывай пошире.

Раз-два-три-четыре!
Вот и станция «Мяч».

О
К
И
Ц
У

Близится путь наш к концу.
Вскоре —
«Гавань открытого моря» —
Окицу.
Там днями, ночами —

Сутонгон-тон-тон!
Сутонгон-тон-тон! —
Грохот и перезвон:
Волны играют камнями,
Словно мячом.

Да это нам нипочем!
Нам это знакомо!
Вот и храм «Ясного окоема»,
Где любуются ясной луной
Над бором сосновым.
А если ветер ночной, суровый
Подует
И если щеку раздует горой,
Здесь под горой
Можно лекарство купить
И выпить
Целебный настой.

— Эй, погоняй, не стой! Мимо Юн, Камбара, до станции Ёсивара, где так сладко благоухают жареные угри. Их кожа нежней, чем у девушек в квар-

тале любви Ёсивара в Эдо. Так и тает во рту. Не
мешкай — ешь на лету!

Сколько очков — ровным счетом?

Посмотри,

Ну, сосчитал?

А сырые угри

Пахнут болотом!

Вот и «Болотный причал».

Мчимся мимо

«Трех островов» — Мисима.

Оттуда четыре ри

До «Большой заставы»:

А дальше самый крутой перевал,

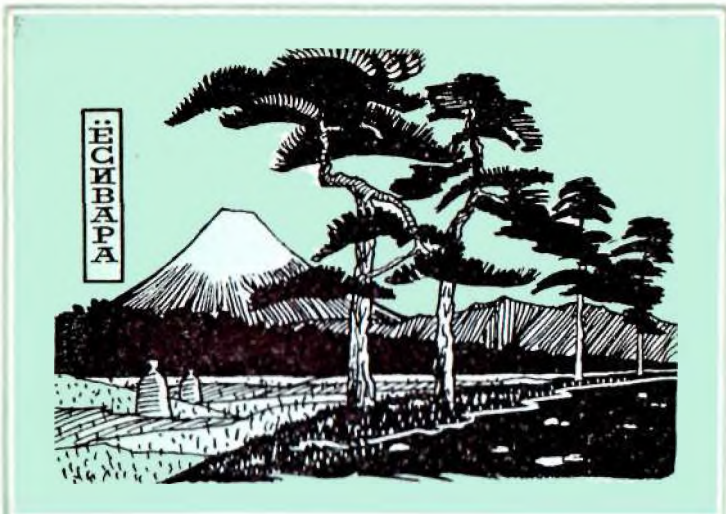
Кто там не бывал,

Тот забот не знал!

Кости бросайте!

О! Двойная шестерка?!

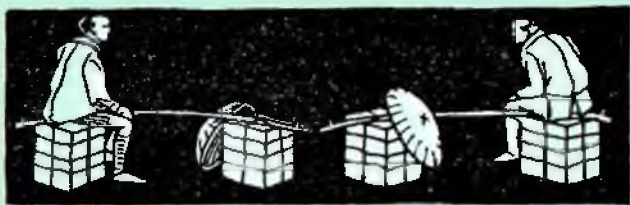
Пот это славно!
Сядем на быстрых коней.
Главное —
Проскочить «Большую заставу»,

ХАКОНЭ

И еще большая забота —
Одолеть перевал Хаконэ. А не то —
Возвращайся обратно в Киото.

Поняли правила? Или
Игра нелегка?
«Мы их проглотили

В три глотка,
Словно пилюли Одавара».

А вот промелькнули, гляди,
Слева и справа
Одавара, Оисо, Хирацука, Фудзисава...
Как хорошо, что застава
Уже позади!

Скоро кончаем путь,
Надо еще раз кости метнуть.
Сколько очков? Посчитай, скажи:
Шесть — шесть — пять?
Значит,
Для нашей молодой госпожи
Снова большая удача:
Столько очков подряд!
Не бывает удара счастливей!

Вот Годзука — «Торопливый скат».
И еще торопливей
Поспешим по «Быстрой долине»...
Вперед!

Мимо нас пролетели
Канагава и Кавасаки,
И последняя станция — Синагава...
Мы у цели,
У самых ворот.

Вот и прибыли мы в Эдо.
В лучший из всех городов,
В город вишневых садов!

О-химэсама победила всех
И первая
«Приехала в Эдо»!
Она смеется, хлопает в ладоши,
В восторге от игры!..

Все девушки-прислужницы,
Вся свита,
Спешат поздравить госпожу свою.
О-химэсама плакать позабыла
(Она еще дитя!)
И всех торопит:

— Ах! Ах! А я и не знала, что так много чудесного
можно увидеть по дороге на Восток. Скорей поедем!
Скорее в путь!

— О, вы согласны? Вы говорите, что поедете? Вот
и отлично!

— Так едем же! — развеселился Хонда
Ядзаэмон. Он восклицает: — Эй!
Все к паланкинам!
Стройся по порядку
И — и живо в путь, пока о-химэсама
Не передумала!

Кормилица опять
Приободрилась:

— Если так, прошу,
О-химэсама, зайдите в дом,
Выпейте прощальную чарку
Вместе о отцом благородным вашим,
Вместе с матушкой вашей почтенной.
А ты куда,
Мальчишка-погонщик?
Стой!

Послушай, мальчик! Все так хорошо обошлось только благодаря твоей игре. Молодец, молодец! Ловко все у тебя получилось! Я тебе и спасибо скажу, и награжу тебя. Зайди сюда, в эту комнату, и подожди меня минутку.

Веселые в разгаре сборы!
Кормилица и юная невеста
Проходят в глубь дворца.
Погонщик Санкити один. Он бродит
По комнате,
Бросая беглый взгляд
На золотые расписные ширмы:
Таких он в жизни не видал.
И ноги мальчика,
Привыкшие к камням,
К рогоже грубой,
Точно по льду,

Скользят по гладким дорогим циновкам,
Плетеным в Бинго...

— Э-э! У этой комнаты пол такой скользкий, что, того и гляди, растянешься. Нет, домишко, где я живу, куда лучше! Болтают: «Ах, дворец! Ах, княжеские покои!» Да по мне постоянный двор куда покойнее, — бормочет мальчик.

Вошла кормилица,
В ее руках поднос:
Большая крышка от ларца,
Красиво
Застеленная белой бумагой,
А сверху груды лакомств.

— Ну как, Санкити Дикарь, ты еще здесь? О-о, я вижу, что ты не глупый мальчуган! О-химэсама теперь разохотилась ехать, забыла про свои причуды. «Скорее едем в Эдо! Скорее едем в Эдо!» — Вот как она изволит говорить. А все оттого, что выиграла в сугороку.

И светлейшие родители ее довольны, очень довольны. Эти сладости посылает тебе сама госпожа супруга князя, прими их с должной благодарностью. А вот тебе и три связки денежек: в каждой по сто медных монов. Купи себе всего, чего тебе только захочется.

Ведь ты — погонщик
И пойдешь пешком
Вплоть до Эдо. Дорога нелегка!
Так если кто-нибудь тебя обидит
Или понадобится что-нибудь,
Скажи, что хочешь повидать меня.
Я еду в свите юной госпожи,
Как главная наставница. Ты понял?
Зовут меня — запомни! —
Си-гэ-но-и!

Вдруг Санкити
Стал белым как бумага
И задрожал.
Молчит.
Во все глаза
Он смотрит на кормилицу. Но та,
Не замечая, продолжает:
— Право,
Чем дольше на тебя смотрю, мой мальчик,
Тем ты мне больше нравишься.
Наверно,
Твои родители больны, несчастны,
Дошли до крайней нищеты... Иначе
Зачем — еще малыш — ты стал бы
Простым погонщиком?

Но Санкити молчит.
Он только смотрит.
Он словно весь окаменел. Язык
Его не слушается.
Наконец:

— Вы... Вы та самая Сигэнои?.. Вы кормилица молодой госпожи и служите во дворце князя Юруги?..
Так знайте: вы —
Моя родная мать!

И он — стремглав —
Бросается к кормилице и хочет
Ее обнять...

— Прочь! Прочь! Да что с тобой? Это еще что за выдумки? Какая я тебе мать? У меня нет сыновей-погонщиков! —

Она отталкивает мальчика. А он
Опять цепляется за платье Сигэнои.
Она рвапулась прочь,
Но Санкити прильнул
К ней головой,
Руками крепко обнял
И, задыхаясь, говорит:

— Зачем я стану лгать? Мой отец был твоим мужем.
Он служил в этом доме... Самурай, настоящий самурай!

А имя моего отца Датэ-но Ёсаку. Я его сын. Это ты,
ты меня родила! Ёносукэ — вот кто я на самом деле!
Я знаю, мой отец не угодил князю

И должен был уйти из здешних мест.
Когда в последний раз
Отца я видел,
Всего три года было мне, но я
Его немного помню...

Вот что говорила мне старуха, которая присматривала за мною в деревне Куцукакэ: «Я воспитала тебя. Надеялась, что ты найдешь своего отца... Мало, мало на это надежды!

Но ты можешь найти свою мать. Ее зовут Сигэнои. Она кормилица в доме у князя Юруги.

Вот покажи ей мешочек для амулета. Она своими руками сшила его для тебя: уж она-то должна будет узнать свое рукоделие!»

Так говорила много раз старуха.
Когда же мне исполнилось пять лет,
Она, жестоким капшем мучась,
Пошла на праздник храмовый в Тоба,
Там в горле у нее застряло моти,
Она и померла.
Чужие люди
Меня в деревне приютили.
Я выучился погонять коней...

Вот я и работаю на хозяина конного двора на станции Исибэ в Оми.

Взгляни на этот вышитый мешочек

Для амулета! Узнаешь его?

Нет! Я не лгу!

Молчишь?..

Теперь ты поняла?

Да! Я твой сын!

Мне ничего не нужно...

Я одного хочу: найти отца!

Найти отца мне помоги. Хотя бы

Один денек — втроем — побудем вместе!

Ты знаешь, я умею из соломы

Плести сандалии.

Я прокормлю тебя.

Я прокормлю отца.

Найдем его!

С моим отцом должна ты помириться!

И, плача, он хватается за платье

Кормилицы. Она потрясена.

Как? Этот маленький погонщик,

Похожий на косматого зверька,

Он — сын ее? Давно пропавший сын!

Возможно ль это! Вглядываясь, ищет

Знакомые черты в его чертах...

Глядит — и начинает узнавать.
Да! Это он! Конечно, это он!
Вот и свидетельство прямое:
Мешочек, вышитый ее рукой.

Ей страстно хочется обнять ребенка,
Прижать к груди...
Но честь?.. Но стыд?..

«Нет, главное на этом свете — долг,
Позор моей семьи набросит тень
На имя юной госпожи.
Что ж, обмануть его и побранить?
Нет-нет!..
Прогнать его?
Но я не в силах!
О, как мне хочется обнять его,
Хоть на мгновенье
Тайком прижать его к своей груди.
Ах, что же делать мне?»

О, радуга скорбей!
О, слезы тысячи печалей!
О, слезы, красные и голубые,
Бегущие
Из безутешных глаз...

И Сигэнои,
Упав, захлебывается в слезах.

Вот-вот, рыдая, чувств она лишится.

Но... надо с мыслями собраться: «Нет!

Нет сомнения, он — мой сын. Мне кажется, Санкити очень умный мальчик. Если я попытаюсь его обмануть, он все равно мне не поверит.

И он не должен презирать меня, его родную мать, как женщину с низким сердцем: это было бы слишком ужасно!

Да! Я открою ему всю истину. Я заставлю его понять мое положение... его положение...

Он все поймет! И лишь тогда я отошлю его!»

И Сигэной

Слезы осушила

И твердым голосом зовет:

— Ёносукэ!

Пойди ко мне! —

И за руки его

Она берет:

— О-о! Как же ты вырос! Ты уже совсем взрослый. Ты сможешь все понять.

Ах, почему, почему тебя не так воспитали, как подобает сыну знатного самурая? Лицо твое почернело от солнца. Твои прекрасные волосы висят лохмами. А руки? А ноги? Они грубее, чем у дикой обезьяны. Я гляжу на тебя — и не узнаю. В тебе ничего не осталось от прежнего... Даже руки не те, даже ноги не те!..

О, недаром говорится: «Воспитание важнее знатного рода!» —

И Сигэной снова

Надрывно плачет.

— Слушай и пойми!

Хоть я и родила тебя, но ты

Теперь не сын мне.

Я тебе не мать!

Пойми, я говорю это не потому, что ты стал Санкити Дикарем.

Я все, все тебе расскажу. Это было давно-давно. Я и тогда была на службе у благородной супруги князя.

А твой отец — Ёсаку — был слугой

В покоях женских...

Волнуемый ветром страсти,

Мы, словно молодые деревца,

Сплетались,

Обнимались...

А ночь одна

Звала другую ночь...

Свиданья становились чаще...

Я потеряла в комнате для слуг

Любовное письмо.

Начальник стражи

Нашел его и поднял.

Прочел... донес...

О, ты не знаешь,

Какая строгость в княжеских дворцах!

А в нашем замке

Обычай был особенно суров.

Высокие вассалы собрались
И вынесли решение: обоим
Виновным — смерть!
Позор и казнь!
Но госпожа моя молила князя
Простить меня...
Так госпожа меня любила,
Что предлагала жизнь свою —
Взамен моей!
Да! Милосердью князя нет границ!
Нам жизнь дарована была...
    И мало этого —
        Был найден выход:
Нас объявили мужем и женой.
Отец твой — самурай Ёсаку,
Упав так низко,
Стал понемногу снова подниматься
По лестнице чинов.
Он стал главою слуг,
Распорядителем хозяйства в замке.
Ему большой назначили оклад
На зависть прочим, —
Тысячу и триста
Мешков с отборным рисом.
Пойми же, если я еще жива
И головы отец твой не лишился,

То живы мы по милосердью князя!
И если князь умрет,
Наш долг — последовать за ним.
Вспороть себе живот и умереть.
Теперь ты понял силу долга
И благодарности?..

. . . . .

Тем временем я родила тебя.
У князя дочка родилась,
О-химэсама,
И госпожа в знак милости своей
Кормилицей назначила меня!
Ах, если бы судьба и дальше
К нам оставалась благосклонной,
Теперь ты был бы сыном самурая,
И, гордый милостью господ,
Ты никому из сверстников своих
Не стал бы уступать дорогу!
Но, на свою беду, на наше горе,
Отец твой послан был в Эдо
По делу службы...
Там он повадился
Ходить в квартал любви,
Вконец запутался и погубил
Ему порученное дело.
Князь приказал ему: умри!

Ты знаешь сам: для самурая
Последний долг и выход —
Харакири.

Но если самурай взрежет себе живот, тогда его вдова опозорена, она не может служить во дворце. Все женщины в доме говорили госпоже: опасно менять кормилицу! Если о-химэсаму сейчас отнять от груди, она заболет, она зачахнет...

И вот ради меня твоему отцу снова даровали жизнь. Но его лишили должности, отняли жалование... прогнали его!

О, если бы я тогда ушла вместе с ним из дворца, долг любящей жены был бы исполнен. Но обречь доверенного мне ребенка на болезнь и страдания... Нет, нет! Немыслимо, невозможно! Как я могла уйти с твоим отцом? Ведь ему даровали жизнь только ради того, чтобы я осталась главной кормилицей при моей маленькой госпоже!

«Кто и в каком рождении сможет возблагодарить этот дом за все его благодеяния? — так говорил твой отец, расставаясь со мною. — Остайся здесь — и заплати долг благодарности за дважды дарованную мне жизнь!»

И вот — по слову твоего отца — поставила я верность княжескому дому превыше всего... выше верности мужу...

И мы, рыдая, разошлись навек.
Ты еще мальчик. Но должен понять: ты сын провинившегося человека, опального самурая. Я за тебя страшусь! Никому не говори, что твой отец — Датэ-но Ёсаку!

А теперь... скорее уходи за ворота. Мы слишком замешкались. Время не ждет...

А-а-а!..

Какая кара тяготееет надо мной?
Мой сын — погонщик на большой дороге.
Мой муж — он скрылся от людей
Неведомо куда!
Какая радость в том,
Что я ношу богатые одежды?
Что слуги и служанки,
Почтительно склоняясь, говорят мне:
«Мы повинуемся»?
Что путешествую я в пышном паланкине?
К чему все это?..

И она не в силах
Рыданий удержать.

Ёносукэ

За свой короткий век немало видел
И много пережил. Чем глубже

Он понимает мать,
Тем горше плачет.

— Твой печальный рассказ...
Его я услышал и понял.
Но старуха всегда повторяла:
«Санкити, помни:
Грудь матери твоей породнила
Тебя и дочь
Всесильного князя.
Если сумеешь,
Найди свою матушку — Сигэнои, —
Знай, и отец твой тогда
Честь свою восстановит.
Ты должен князя молить
Отцу твоему даровать прощенье», —
Так говорила старуха,
Меня воспитавшая.

— Тише!

Молчи, молчи!
Все это тяжкий грех! —
И Сигэнои
Рот ему зажала: —

Не смей никому говорить, что ты ее молочный
брат! О-химэсама едет в Эдо.

Знатнейший князь
Ее в невесты прочит сыну,
Наследнику прославленного рода.

Пойми: добрая слава девушки — превыше всего.
Честь девушки драгоценна. Ведь о-химэсама едет
в чужой дом, к чужим людям. Что они скажут?

«Погонщик Санкити — ее молочный брат?

Вот новость!» И они смеяться будут.

На ее доброе имя падет пятно. А это может поме-
шать ее замужеству. Кажется, пустяк, а какое
серьезное дело!

Плотина рушится
От норки муравья!

Но... мы все шепчемся и шепчемся. Нас могут под-
слушать!

Сюда сейчас придут. Ты слышишь шум?..
Беги! Беги скорей!

Но Санкити ей возражает:
— А, матушка! Уж слишком ты робка.
Всего боишься: «Нас услышат! Нас
Осудят!»

Ты на дверь косишься взглядом...

Нет! Князя надо умолить!

Пойди к нему. Скажи, что ты нашла
Родного сына! Милости проси!

— О, значит, ты меня совсем не понял!
Чего ты требуешь?
Чего ты просишь?
Разве может мать
Позабыть сына?
Разве может жена
Позабыть мужа?
О нет! И все же
Долг — превыше всего.
О, непонятливый!
О, бестолковый!

А между тем из внутренних покоев
Несутся возгласы:
— Где Сигэной?
— Где старшая кормилица? Ее
О-химэсама требует!

— Ты слышишь?
Скорее уходи!

Она в испуге
Толкает сына к двери. Санкити
Заплакал в три ручья.
Его глаза
От слез совсем запухли.

Сандалии свои он поднимает,
Засовывает их за пояс. К двери
Уныло он бредет. Его спина
Понуро сгорбилась...

И сердце Сигэнои
Не в силах выдержать:

— Эй, послушай, Санкити! Ёносукэ! Вернись сюда
на минуту!

Смотри, будь осторожен
На трудных горных перевалах,
На трудных переправах через реки.

Если в дороге тебя захватит дождь, сильный ветер,
снежная буря, ты притворись, что болен, отдохни
два-три дня. В дороге не ешь ничего вредного. Осте-
регайся лихорадки. Смотри, корью не захворай.
У тебя такой жалкий вид. Не могу смотреть на тебя!
Душа надрывается... За какую вину выпала тебе та-
кая доля! Нищий, отверженный... А ведь ты должен
был наследовать отцовское жалованье — тысячу
триста мешков риса. Бедный мой сын!

...Она рыдает.

Ничком она упала на ступени
Высокого крыльца, приподнялась,
Достала из-за пазухи кошель

И высыпала тридцать золотых.
Потом монеты завернула
В платок из шелкового крепа.
— На, возьми, —
Протягивает сверток сыну, —
Возьми — и спрячь на крайний случай!
— Нет! —

Мальчик в гневе обернулся: —

Нет! Раз ты не мать мне, а я тебе не сын, так и нечего обо мне заботиться! Заболею я или умру — тебе-то что за дело? Я не возьму от тебя и одного медного гроша!

Я простой побродяжка, и конец! И вся недолга!
А мой отец — Датэ-но Ёсаку — опозоренный, разжалованный самурай. Зачем я стану брать деньги от чужой женщины? Чужой, совсем чужой...
А, бессовестная! А, бессердечная! Ты еще пожалеешь о своей жестокости!

И он не может слезы удержать.
Увидя, как он плачет, Сигэно
Готова потерять сознание. Все же
В последний раз пытается она
Разгневанного сына образумить:

— О, пойми! Пойми же! Если бы я не думала о моей юной госпоже... Ах, ведь я ее, как и тебя, вскормила

своей грудью! И о милостях этого дома... и о своем долге... разве я прогнала бы свое единственное дитя?

О, как тяжко,
Как грустно в княжеском дворце
служить! —

Они рыдает горько...

В этот миг

Во внутренних покоях суматоха

И голоса:

«Пора! Мы отбываем!

Все в сборе!

Поднимают паланкины

И строятся в процессию!

Скорее!

О-химэсама села в паланкин!

За нею вслед поедет Сигэной!

Да где ж она? Куда ж она девалась?»

Начальник шествия

Выходит из дворца,

И, овладев собою,

Сигэной

Небрежно говорит ему:

— Да, вот что!

Пускай этот мальчик-погонщик пойдет вслед за моим паланкином. Он будет и в дороге забавлять юную госпожу. Пусть он затянет песню!

— Повинуюсь! —
Кормилице надсмотрщик отвечает. —
Что ж, это можно! Эй, Дикарь!
А ну-ка, песню затяни! Смотрите,
С чего бы он?

О чем мальчишка воет?
Нет, это не к добру! Как смеешь ты
Слезам портить час отъезда? Ну!
Молчи! Довольно выть!
Что? Все еще ревешь? Так получай! —
И кулаком его с размаху бьет
Пос кула м. — Пой!

И Синкити — сквозь слезы —
Поет:

«Солнце горит, горит
Над горой Судзука,
А над «Горой встреч»
Облака, облака
Плачут о нашем горе».

Но упрямей, чем дождь осенний,
Льются слезы
Матери... сына...
Где укрыться
От ливня скорбей?
Горе темною тучей нависло.

— Эй, эй, сюда! Сюда, пожалуйста! Дело идет к вечеру. Заверните к нам с дороги! У нас в гостинице берут недорого! Господин самурай, здесь и самому рай, и коня вашего накормим — лучше не надо!

Почуйте здесь! У нас все есть: и хорошие комнаты, и комнаты попроще, на любой вкус, кто что попросит!

Посуда чистая. Циновки новые: этим летом переменяли. Постели мягкие, вино отборное, чай крепкий, горячий, душистый.

Эй, заночуй у нас! Верно, ног под собой не чуешь! Деньги берем только за уголь, а уголь даром. А угли под чаном так и пылают пожаром. Вода бурлит, так и ходит ходуном. Обмоешься, станешь здоров. Уплати только за вязанку дров, грязи дорожной как не бывало!

А когда разбудить вас прикажете? В какую стражу? Можно в четвертую, можно в пятую, на самом рассвете! Мы всегда на страже.

Если пожелаете подругу для изголовья, найдется скромная девушка или скромная женщина. Любая закрутит с вами любовь.

Ноги разотрет, поясницу разомнет, спину погладит,
трубку наладит, огонь разожжет.

По жилам побегит огонек! Или вам невдомек?.. Нет
наших девушек горячей!

О, да это, никак, Рокудзо из «Горячих ключей»! Легкую
девицу везешь на своем коньке. А сам бежишь налегке! Ноги-то у
самого стали легки, словно крылья у птицы!

— Отцепись, болтуня! Ну что ты плетешь?

— А! А! Вот Сансукэ и Сандзо из вашего «кусаче-
го» Кусацу! Не угодно ли вам закусить с дороги? Кинкити из
Исибэ! Кинкити из Исибэ! Угодишь и себе, и своим седокам, если
к нам угодишь на ночь! И зачем искать далеко, харчевни все
одинаковы. И наша поет в лад, словно соловей весною... Хотя
осоловей от вина, цена-то всюду одна. Это у нас святая
заповедь!

А вы, господин, мне сдается, идете к святым местам, в Исэ,
по морскому берегу? Ах, из ваших глаз соленая влага уже
полилась! Или это у вас от несчастной любви? Заверните к нам
хоть на час!

И вы, монах, куда так спешите? День-то теплый, а на вас толстая
одежда бумажная, да еще подбитая ватой. Вы, наверное, из
Сэндая? По покрою узнаю всегда я!

А этот путник откуда? Угадаю! Всю правду открою!
Ох, наверное, из Явѣта: ноги-то у него волосатые,
как чертополох!

А вон бедняк бредет, гольш гольшом! Видно, все
ему нипочем! Шляпа дырявая, из осоки плетенная.
Верно, все в карты продул — под метелочку. Вот
ветер его и продувает. Вы, прохожий, похоже, из
Хоки, из округи «Метла»? Какой вас метлой к нам
замело?..

Эй, молодой человек! Вы из Акаси? Или из Этиго?
Уж очень мне нравится, как пряди волос у вас на
висках курчавятся, словно жатый шелк! Да какой
толк: мимо прошел, проклятый!..

А вон — в паланкине
Князь, окруженный свитой!
Ох, и сердитый!
Нос задран. Сколько гордыни!
Лицо длинное, словно семечко дыни.
Верно, родом он из столицы,
С Дынной улицы
Или Тыквенного переулка...
Урожай хорош.

Ну, зазывала, помолчи,
Не то конец,
Пропадешь ни за грош.

А это что за юнец — с неподбритой челкой? И нос
как хорош — иголкой! Ух ты, какой нос: точь-в-точь
мыш у морского залива. Эй, молодой человек! Не
шагайте так горделиво. Задержитесь, отдохните
у нас!

А вот — гонец.
Еле волочит ноги,
Словно в коленках налит свинец.
Словно камни дороги

Смазаны птичьим клеем.
Право, он из Микава,
Там варят отличный клей.
Эй, ноги свои пожалей!

А кто эти путники? Это, пожалуй, слуги из Эгтю.
А как я узнала? По повязке набедренной. Да, гос-
пода, не вредно было бы вам отдохнуть по пути,
тугие повязки свои распустить... Да куда вы?
Куда вы? —

Так в сумерках
На станции «Застава», —
Застава здесь поставлена любовью, —
Болтает зазывала у дверей,
На постоялый двор
Сирокая
Прохожих и проезжих завлекая,
В харчевню.
Там живут
Три девушки-красотки, мастерицы
Любви продажной,
Прославленные красотой
На все сто двадцать ри
Дороги Токайдоской...

Одной рукой они прохожих манят,
А на другой —

В широком рукаве —
Висит корзинка с конопляной пряжей.
И, в сердце скрытая глубоко,
Любовь накручивает
Нити страсти
На мотовило горестной судьбы...

Что ждет их впереди?
Увы! Суровый холст —
Вот их печальный жребий!

— Послушайте, Коёси, Кодзёро,¹ —
Подругам говорит Ко ман, —
не правда ли, слишком много различий среди девушек
нашего ремесла! Столичная куртизанка — это
дама высокого ранга... А потом все ниже и ниже,
ступень за ступенью, пока дело не дойдет до нас —
служанок в придорожных харчевнях. Нам-то уже
не на что надеяться.

С рассвета на ногах:
Беги к колодцу,
Да подметай, да стряпай...
А с полудня
Встречай гостей веселою улыбкой...
До самой ночи — словно воробы
В чащобе тростников —
Должны, не уставая,
Мы щебетать беспечно... А потом...
А по ночам...
Скажите, отчего
В последний год
Гостей почти не стало?
Да! Гости!.. Где они?
Куда девались?
Зайдет один,
Проглотит чашку
Горячей снеди...

Здравствуй — и прощай!

Да и таких все меньше...

Вот по соседству остановилась дочка князя Юруги. Сегодня уже третий день, как она гостит у нас в селенье. Служанки в других харчевнях — прямо с ног валятся. Легко ли! Вечером, утром — сто шестьдесят человек!

Так девушки суетятся! Так хлопочут! А у нас что? У нас и последний слуга не заночует.

У хозяина лицо кислое-кислое. На лбу, как у черта, рога от злости выросли, да такие длинные, ветвятся во все стороны: того гляди, нас забодает!

Даже погонщики лошадей, наши прежние дружки, позабыли нас. Не приводят к нам больше гостей. Да что ж это такое? Что за беда приключилась?

Да, к слову сказать, Кодзёро! Твой-то любезный Ситини из Мацудзакá, он-то почему глаз не кажет? Что это у вас, любовная ссора? Или он слишком долго возился с тобой под лестницей, да и ские? Смотри, совсем ослабнет, так и лошадей погонять не сможет. Разве что мух отгонять подбородком. Ты хоть слепни от слез, а ему и дела нет. Слепни его закусайте... —

Так говорит Коман.

И Кодзёро

Задумалась:

— А!.. Ситини?.. Ты, верно, говоришь о Курусукэ?
Ах, как давно это было, словно в прежнем рождении... Теперь у нас все любезности кончились. Не услышишь даже, как он погоняет коней: корэ-корэ!..
Но-о-о!..

А прежде как меня любил он!
Ну, так и льнул ко мне.
Бывало,
Чего он только мне не покупал:
Шнуры цветные для волос,
Помаду,
И пояса, и ноговицы... Словом,
Задаривал меня.
И даже деньги
На башмаки давал.
Все было ложью!..

Он только глаза отводил мне. А сам напропалую крутил. И не то что с одной или двумя девушками — со всеми сразу! С Огэн из Минакути. Отец ее — известный кремень, продает в своей лавчонке трут, а его дело табак! С вдовою продавца гребней из Цутяма. С толстухой о-Ёнэ из Сёно: так и вцепился в ее бедра, пухлые, как мешки с рисом. Да разве всех перечесть? Надувал меня, свою подружку, с каждой девкой.

Я знаю, если попрошу его,
Он, может быть, ко мне еще вернется.
Да мне самой
Теперь не нужен он:
Все просадил он в карты,
Все продул!
Что у него осталось?
Только куртка
На вате да исподнее. На что
Такой гольш мне сдался?..
Сдали карты,
А у него четверка и девятка...
Тринадцать! Хуже не бывает.
Да, надо же, как не везет ему!

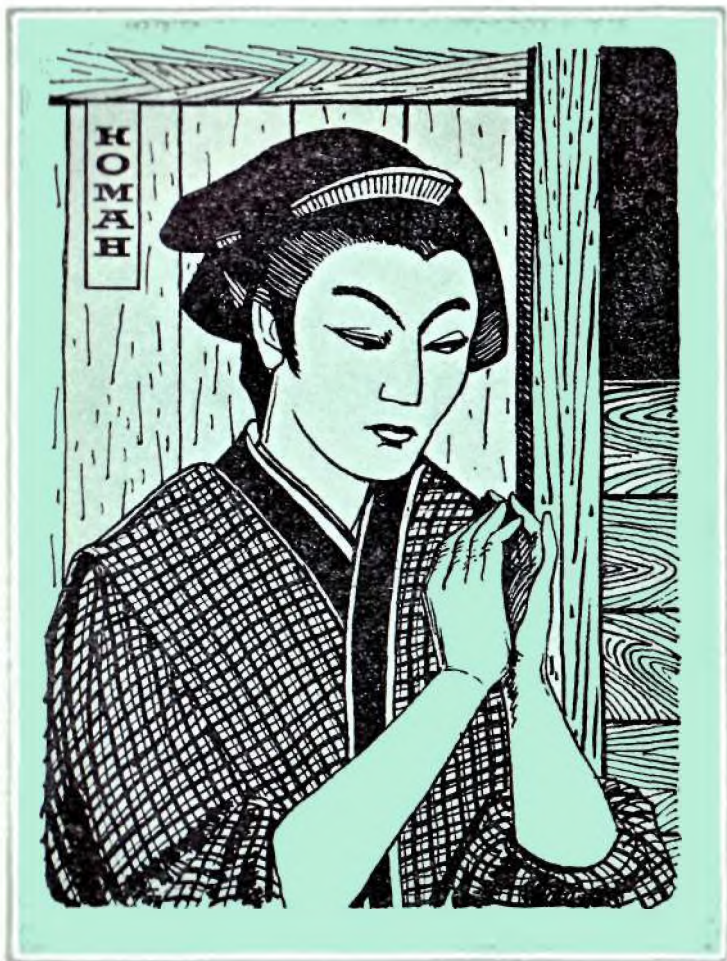
Он, верно, и хозяину не сможет заплатить за лошадей!

А знаешь, Коман! Я слыхала, что твой милый тоже из этой картежной компании. Если ты любишь своего Ёсаку, удержи его от игры. Пристыди его, хорошенько пробери! А то как бы не попал он в беду. Ты, Коёси, верно, тоже слыхала?

И Коёси

Тихонько подтверждает:

— Да-да-да! Вот послушай, Коман. Наш хозяин кое-что пронюхал в одной оптовой лавке в Камэяма.

Я подслушала, как он с женой своей шептался:
«Этот паршивец, погонщик Ёсаку, дружок нашей
Коман, стал главарем шайки игроков. А уж отсюда
один шаг до воровства! Если он к нам пожалует,
турни его хорошенько, не пускай его в дом ночевать.
Он мне здорово задолжал. Положим, долг я с него
взыщу. Догола раздену, а стрелю. А потом можно
его и по шее».

Коёси

Еще не кончила,
А уж Коман
Слезами залилась:
— Вот-вот! Кругом напасть!
Я говорю,
Что в нашем ремесле
Мы низшие из низших!
До сих пор
Я даже вам, моим подружкам,
Не говорила о моей беде...

Отец мой — крестьянин из деревни Ёкота. Ему уже
шестьдесят шесть лет, и вот его, старика, бросили
в водяную темницу за недоимку. Требуют с него два
мешка с лишним рисового зерна... А всех детей
у него — одна я. Не на кого ему надеяться, кроме
как на меня.

А я простая служанка в харчевне, только и всего, но даже князя знают, как умеет плясать девушка Коман. Имя мое не вовсе безвестно... Неужели я могла допустить, чтобы моего отца уморили в темнице? Нет, нет, любой ценой надо было спасти его.

Сказала я хозяину: «Иду
В паломничество».
Получила отпуск.
Пошла в управу,
К старосте села,
И обещала, твердо поручилась,
Что за отца
Внесу я недоимку
До урожая. Время подошло,
А денег нет... Я не сдержала слова.
Освободить отца
Освободили...
Да вот, надолго ли?
Что делать мне?
Ума не приложу!
Где денег взять?..

Я так грущу, так тоскую! Гости ко мне ходить перестали... День и ночь кручу да мотаю пеньку. А иной раз останутся у нас женщины на ночлег, узнают, что я та самая прославленная Коман, и пожалуют мне чаевые... Вот и весь мой жалкий доход.

Словно журавлю просяные зернышки подбирать!
Одно горе! Жалкая моя участь. Подходит срок уплаты.
Я совсем упала духом! Взгляните, как я исхудала...

Я стараюсь защитить моего Ёсаку — всеми силами.
Но все так дурно говорят о нем!.. Одна я еще в него верю.

О, как безрадостен наш мир!

Коман
В слезах
Упала на корзинку с пряжей.
И вдруг:
— Он! Он! Вы слышите? Идет,
Спешит! Поет
Он песню Комуро,
Напев любимый свой...
Эй, эй! Ёсаку! —
Коман ему рукою машет.
Песня
Все ближе... все слышней...

«До чего же конь хорош —
Сонсорэва!
Две корзины по бокам —
Сонсорэва!

Семь попонок на спине —
Сонсорэва!
И глубокое седло —
Для возлюбленной моей —
Сонсорэва!..

И мне в старину случалось
На статном
Коня развезжать.
Шелками было расшито седло,
Но никто
Об этом не помнит,
Все прошло, все быльем поросло!»

Ёсаку своего коня подводит
К открытой стороне харчевни
И помогает путнику сойти
С седла на землю...
Потом приказывает:

— Эй, Коман!

Угости этого господина хорошенько и устрой его на
ночь в лучшей комнате. С ним еще трое пеших слуг,
и о них тоже хорошо позаботься! —

И он спешит
Поклажу отвязать.

Коёси, Кодзёро
Хлопочут:
— Ах, скорей зайдите в дом!
Вам надо отдохнуть
И обогреться!
Горячая вода для ног готова!
Сегодня нет у нас других гостей.
Располагайтесь на просторе.

Гостя
В харчевню девушки ведут.

Ёсаку
Сгрузил тюки с поклажей и бросает
Их прямо в дом,
А следом — длинный ящик
С большим мечом.
— Готово! Ну, Коман,
Давненько не видал тебя.
Я рад,
Что ты здорова.
А теперь — прощай!
До нового свиданья!.. —
И он хватает лошадь под уздцы
И прочь — бегом!

Коман бежит за ним,
Проворно догоняет
И перехватывает повод:
— Стой!

Что же это такое? Я столько должна тебе рассказать!
Да и тебе, верно, есть о чем со мной перемолвиться!
Куда ты мчишься так нетерпеливо?
Как? Ни словечка ласки?
Ни привета?
Побудь со мной хоть немного...
— Э-э!
Не приставай!

Ты видишь, я спешу!
Ведь болтовня твоя не к спеху,
А я... я тороплюсь! —
Ёсаку с силой
Ее отталкивает.
Но Коман
Его опять руками обвивает:
— Да полно, милый,
Что с тобой случилось?
Что ты скрываешь от меня? Скажи!

Коман его насильно тянет к дому:
— Пока по скажешь,
Я не отпущу!
Какая тяжесть
У тебя на сердце?

— Ах, да оставь меня в покое!
Что ты?..
Какая тяжесть?..
Тяжести сгрузил я
И бросил в дом, —
Ты видела сама!
Ну ладно, будь по-твоему, тебе
Я расскажу про все мои несчастья.
Чертовски мне не повезло!

Демон зависти так и подзуживал меня: не давал мне покоя! Что, мол, в самом деле: все мои дружки выиграли кучу денег, кто в карты, кто в кости... А я? Я хуже их, что ли?..

А тут как раз Кюта из Сэга затеял большую игру в отгадыши. «Ну, отгадай, сколько грошей зажато у меня в кулаках?» Я и подумал, отчего ж не рискнуть сотней медяшек.

Мне сперва здорово повезло. За один раз я загреб семьсот монет.

О-го-го! Недурное начало!

Дзинь-дзинь-дзинь,

В поясе весело забренчало!

Добрались мы до «Стонущего оленя». Все опять взялись за игру. И я попробовал свое счастье. Да как уставил на моих дружков рога — пришлось им постонать громче оленей в осеннюю пору.

Еще шестьсот медяшек отхватил!

Вот если бы я тогда оставил игру! Да ведь говорится: от жадности глаза слепнут. А мы, погонщики, как раз застряли в деревне «Зоркое». Тут уж я сам стал за главного играть — гляди в оба. А счастье отвернулось от меня... Только и слышу: «Не угадал! Не угадал!»

Так с самого полудня

До вечера мы резались.

И что же?
Хотя б монетка высунула нос!
Все просадил.
Весь выигрыш спустил.
Да и своих, как говорится, кровных
Медяшек пятисот
Как не бывало!..
Досады демон начал грызть меня:
Во что бы то ни стало
Отыграюсь!

Дотащились мы до «Сливовой деревни», знаешь, где аптека этого Дзэса, который «ватюсан» продает — целебный порошок. К этому времени я был готов сам себя в порошок истолочь... Стали мы снова играть, да что толку! Никакой «ватюсан» не помог. Все я промотал, все денежки прахом пошли!

В деревне
«Сыпучие пески» я пересыпал
Все денежки
В чужие кошель.

Да мало того! Задолжал еще один золотой бу с четвертью. Золотой долг потяжелее медного: не так-то легко свалить с плеч!

Ну, я и уговорил Шмея Хатидзо из Исибэ поручиться за меня. Хуже глупости нельзя было придумать! В городе Оцу на Восьмой улице я просадил восемь

раз по сто монет. А возле могилы красотки Комати прохлопал еще девяносто девять, как раз по числу ее любовных ночей.

Тут уж мое счастье повисло на тоненькой нитке. На перевале «Игла» меня словно уколело: надо острее играть, острее, подумал я, не то под гору покатишься... А в деревне «Катушка» я перемотал наново все мои планы!

В лавчонке около храма Каннон в Морияма заложил я все свое барахло, до последней вещицы. И выдали мне тридцать три моммэ серебром. Тут мною будто овладели все демоны разом: так неистово я стал играть... Но в храме Тамура в Цутияма — вот уж правда, на пути яма! — моего демона усмирили, да как! Только ненадолго: скоро я опять поддался искушению...

Когда в Исэ
Мы остановились,
В чайном домике
«Утренняя звезда»,
Всю ночь напролет
Мы резались в кости.
Выпала утром
Густая роса,
Но я,
Я был досуха выжат...

Приехали мы к «Сосновой горе». Тут заблудился я среди трех сосен... Совсем голову потерял: что делать? Хочешь не хочешь, пришлось занять денежек под двойную лихву.

На переправе Кумодзу было время одуматься. Подсчитал я свои долги, вижу — задолжал я этому мерзавцу Хатидзо — будь он четырежды проклят! — четыре раза по два кана серебром. Где же мне такую уймаицу деньжищ наскрести?

А может, отыграюсь?

Или нет,

Отныне зарекусь играть...

Как вдруг,

Я вижу, кто-то бойко гонит лошадь.

А, это Хатидзо!

Проклятый Шмель!

Вот принесла нелегкая

Не к месту,

Не вовремя...

Я думал, что меня он не заметит!

Куда там!

Подбежал, схватил за ворот

И начал в ухо мне жужжать:

«Эй, ты! Когда заплатишь долг?

Ты хочешь отвертеться?

Ха! Не выйдет!»
И вправду Шмель,
Вот-вот ужалит!

Что ж! Не мог же я перед ним распинаться да разли-
ваться в жалобах. Я и говорю ему: так, мол, и так.
Деньжат у меня сейчас маловато. Да ведь я у тебя
деньгами-то и не брал. Так, на словах только... Ведь
это проигрыш. Я деньжонки просвистал, а ты их
прожужжал, то есть поручился за меня. Вот давай
лучше сыграем — в отгадыши. Либо ты простишь
мне восемь канов, либо я тебе буду должен все
шестнадцать. Ну, валяй, начинай!

А этот хитрец Хати Шмель опытный игрок. Он гово-
рит: «Ты уж и так мне восемь канов задолжал.
Если я проиграю, выходит, ты мне ничего не дол-
жен. Но если ты проиграешь, придется тебе ше-
стнадцать канов выложить».

А где ты их возьмешь?
Нет-нет, дружок,
Меня не проведешь!
Так, без залога,
Я играть не стану!»

Не мог же я
От слова отступить!

«Ладно, — говорю. — Нравится тебе эта лошадь? На конной ярмарке в Тирю за нее дали девять рё и один бу. Конек этот не мой, он моему хозяину принадлежит. Но я готов рискнуть. Я поставлю эту лошадку против моего долга. Хотя — по правде сказать — такой конь вдвое больше стоит... Ну что, согласен теперь?»

Мы бросили наших седоков и пошли на обочину, под дерево.

Каждый зажал по несколько монет в кулаке.

Я спрашиваю: «Сколько всего монет у нас обоих?»

Он отвечает: «Семь!» И, словно нечаянно, приоткрыл ладонь. Я мельком заглянул, а у него, как мне почудилось, две монеты.

А я пять монет в кулаке держал. Ох, думаю, сейчас он выиграет!

«Шесть!» — говорю. А сам потихоньку одну монету из кулака скинул и припрятал: чтобы ровно шесть получилось. Словчил я, словчил!

А он смеется и жужжит. Разжал он кулак, а у него три монеты! Как он третью подsunул — ума не приложу! Я скрыл монету, а он подложил!

Вот горе, вот горе! Тут-то я и понял: не передерни я — моя была бы игра! Спрятать-то я спрятал монету в рукав — а вышло, что ему в руку сыграл. Вот досада, вот досада!

Я совсем упал духом. А подлец Хатидзо взбодрился от своей удачи — и орет: «Моя лошадка! Моя лошадка!»

И всей десятернею

Хвать за повод!

Какой он шмель,

Он просто — грязный овод!

Но сегодняшний ездук, спаситель мой, стал настаивать: «Я нанял эту лошадь и этого погонщика. А ну, Ёсаку, поехали до следующей станции!» А у жужжалы Хатидзо седок тоже был самурай. Он как заорет на Шмеля: «Ты что там застрял, погоняй коня!» — да так страшно, глазищи у него чуть на лоб не вылезли.

Хати Шмель говорит: «Я провожу моего господина до Кубота, а там уж заберу твою лошадку!» — и понесся вприпрыжку, словно скороход...

Вот не повезло! Дальше некуда! Крышка!

Если он заберет у меня лошадь моего хозяина, то уж о Токайдоской дороге и думать нечего. Даже на самых дальних дорогах Кисо и Накасэн нельзя будет мне показаться... Чем я тогда буду жить?

Спрячемся в доме поскорее, пока этот прохвост Хатидзо не прибежал!

Глаза Коман наполнились слезами.
Ее душа
Глубоко погрузилась
В крошечный мрак...
— Так, значит, люди правду говорят:
«Когда судьба изменит,
Меняется и сердце...»
Беда! Беда!
Как опустился ты,
Ёсаку! Прежде был ты самураем.
Таких, как я,
Тогда б ты не пустил
К себе на кухню — в судомойки!..
Видно, судьба велела,
Чтобы, как ветки под ветром,
Мы приникали друг к другу,
Сплетались...
Словно наши сердца
Слились в одно,
Словно ничто на свете
Не расплетет наших рук!
Нечасто такая любовь
Встречается в нашем мире!
Нет, не на радость,
На горе —
Моя любовь

Все растет и растет!
Как жить нам теперь?..

Твоя душа
Отравлена игрой.
О, подлая забава!
Камнем

Становятся сердца у игроков.

Ты ведешь себя, как самый последний кули. Я знаю, трудно тебе сторониться своих дружков-погонщиков... Но ты забыл обо мне!

Я же говорила тебе: если не смогу покрыть недоимку моего отца до шестого дня десятой луны, старика снова бросят в водяную тюрьму. А этот день уже не за горами... Вот-вот сельская управа пришлет отцу бумагу с печатью: плати недоимку. О, мое сердце, как оно томится, как тоскует: это я ввергаю моего отца в ледяной ад!

Я не хочу тебя огорчать, но ты ко мне так равнодушен! Ты полонен игрой, думаешь только о ней, любишь только ее... Как подумаю об этом, слезы сами собою льются... —

Она захлебывается в слезах.

Но вдруг

Ёсаку тоже зарыдал.

— Нет, это слишком жестоко! Я не из корысти играл, не ради забавы... Подумать только! Что значи-

ли мешок-другой риса для меня, Датэ-но Ёсаку,
в прежние годы! Столько — и много более — жало-
вал я последнему слуге из моей свиты, оборвышу,
который нес мои сандалии, погонщику моего коня.
А теперь...

Любимая, хотел тебе помочь я
Спасти отца!
Толкнула на игру
Любовь, а не корысть!
А не подумал я:
Куда же мне
Играть на счастье!..
Ведь с ним я не в ладу.
Я неудачник —
В жизни и в игре!..
Я, самурай,
Придворный князя,
Начальник
Над всеми слугами...
Я, получавший
Довольство:
Тысячу и триста
Мешков, набитых рисом...
Скажи, кто я теперь?
Погонщик... хуже
Погонщика!..

Я покорно терплю мою долю. Небо карает меня за то, что согрешил я против моего господина. Но как жестоко с твоей стороны, Коман, упрекать меня, называть бессердечным, каменным, — завзятым игроком! Да, я играл — ради твоего отца. О, если бы все мои мысли были написаны на моем сердце, я вырвал бы его из груди — и показал тебе! —

И он

Себя колотит в грудь,

И слезы брызжут

Из глаз его.

Повязка на груди

От горьких слез обиды

Промокла, как в грозу,

Хоть выжимай!..

Коман, всплеснув руками, говорит:

— О, как тебе я благодарна!

Прости меня!

Ах, если б сразу

Ты все мне объяснил, поверь,

Не стала бы я упрекать тебя!

Я продала все свои летние платья, чтобы вызволить из беды моего отца. И у подружек моих тоже взяла в долг! Так я наскребла почти всю недоимку — сто тридцать моммэ серебром. Чутьочку только не хва-

тило: но я набрала остальное, мотая пряжу. Вот, взгляни! —

Она выхватывает деньги
Из тайника на дне корзинки
С готовой пряжей.

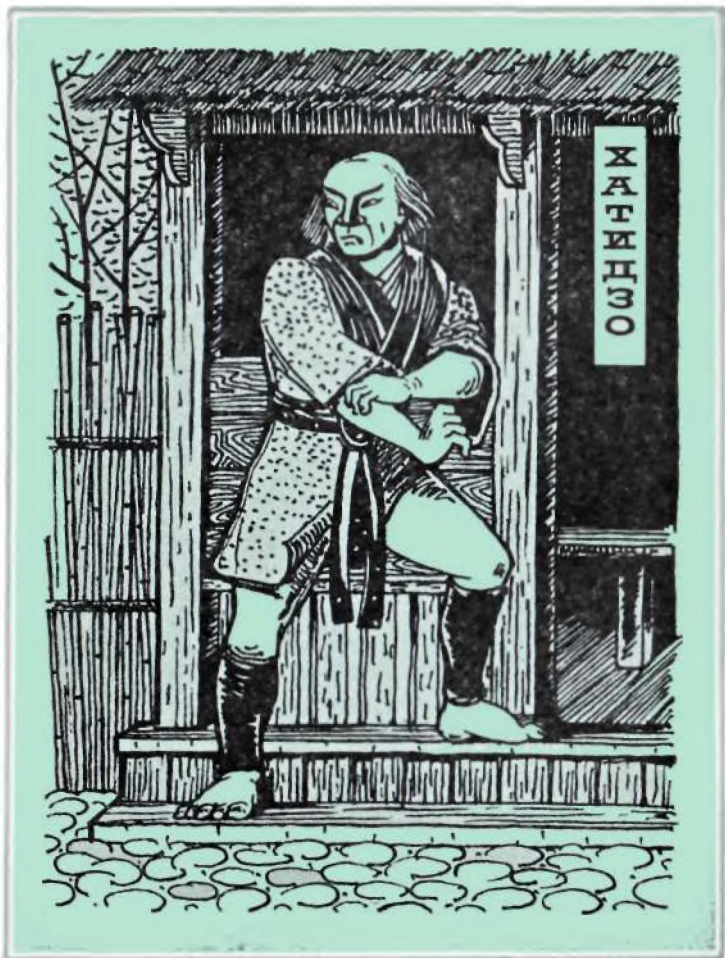
— Вот цена жизни моего отца! Что же, возьми эти деньги — и не тревожься больше!

На дороге темно, скоро ночь, и, уж наверно, Хати Шмель сегодня не придет сюда. Привяжи свою лошадь покрепче — вон там, и пройди в дом. Ляжем рядом. Развеем все наши печали и отдохнем душой... —

Коман

Развязывает длинные шнуры
Его соломенных сандалий.
Вдруг вваливается в ворота
Непрошенный и нежеланный гость —
Сам Хатидзо из Исибэ.
Он видит: вот — Ёсаку, вот — Коман,
И черные его глаза
От гнева загорелись:

— А-а! Да это Ёсаку! Скажите на милость: привязывает мою лошадь к столбу, как свою собственную. Да разве ты не знаешь, что я Хати Грубиян? Я все вижу — все, как сквозь сито, как сквозь грубое рядно...

Ни за стеной, ни за горой от меня не укроешься. Я тебя и в преисподней разыщу.

Ах ты, грязный ворюга! Ты, что же, хочешь, чтобы я задаром простил тебе двести моммэ серебра? Больно хитер. Отдавай коня! Отдавай коня!

Он хочет отвязать коня.

Ёсаку

Бросается к нему,

Рывком хватает за руку

И с силой

Ее выкручивает.

— Эй, ты, чертов Шмель! Ты что делаешь? Оставь коня в покое! Хотя ты и грязное рядно из Исибэ, да я-то ведь Ёсаку из Тамба!

Ты что же? За долг в двести моммэ хочешь получить лошадь ценою в пятьсот? Ты парень не промах. Да не выйдет дело! Раньше подай сюда разницу — триста моммэ. А там забирай коня.

Я, Ёсаку, на всей Токайдоской дороге из кого хочешь сок выжму, любого в порошок сотру! Нишкни у меня, падаль паршивая! —

Он за ворот хватается Хатидзо,

Трясет его, толкает прочь к воротам.

Шмель вырывается, крича:

— Ого, как развоевался! Туда же еще, самаура из себя корчит. Выкладывай лучше монету, выкладывай. А!.. Ты драться хочешь? Ну, давай!

И разъяренный Шмель

Бросается вперед... Он налетает,

Но тут Коман

Повисла на его руке.

Она пытается Шмеля утихомирить:

— Послушайте, господин Хатидзо! Что это вы оба словно рассудка лишились? Вы люди подневольные — и тот и другой. Ну, хорошо ли забирать у своего товарища хозяйскую лошадь? Неужели кто-нибудь вас за это похвалит?

Зачем бесчинствовать, кричать и драться?

Немного потерпите:

Он все отдаст,

Он все сполна заплатит.

Иль сердца нет у вас? —

Коман, бедняжка,

Не выдержав, заплакала.

— А, шлоха!

Привыкла хныкать.

Нюни распуской

Перед своим Ёсаку. А меня

Слезами ты не проберешь. И так уж

Я уступил ему:
Взамен монет
Беру коня!

— А я, Коман из Сэки,
Я не позволю увести коня!
Нет, этого не будет!

— Ах ты, стерва
Зловонная!
Ну, погоди, тебя
Я угощу бамбуковым хлыстом!

Ёсаку вспыхнул гневом:
— Как, мерзавец,
Ты хочешь драться с женщиной?
— Эге!
А почему бы нет?

И Хатидзо,
Взмахнув хлыстом,
Наотмашь бьет Коман —
И прямо по лицу.
Коман упала.
Ёсаку заслонил ее.
— Подлец!
Да как ты смеешь бить ее? Она

Принадлежит хозяину харчевни!

И ты перед судом ответишь!

— Хо!..

А не твоя ли

Она подстилка? Вроде как жена.

За это я ее и колошмачу!

— Так вот тебе

Спасибо от жены! —

И, сжав кулак,

Ёсаку бьет Шмеля

По переносице,

Чуть-чуть мозги
Не вышиб кулачищем!

Шмель заорал:
— Ты драться, падаль?
Так получай!
В долгу я не останусь...

Они вцепились в волосы друг другу.
Пихаются ногами.
Рвут. Ломают.
Молотят кулаками.
Норовят
Ударить по глазам или в живот.
Топочут,
Словно бешеные кони.
Вот как у нас погонщики дерутся!

Шмель-Хатидзо
Силен как бык. Зато
Ёсаку знает ловкие приемы —
Сумо и дзюдо.
И — лишь только Шмель
Замахивается —
Ёсаку мигом
Его хватает за руку,

Лягает
Ногою в бок,
С размаху отшвырнув
Его к воротам.

Шмель о верею
Расшиб крестец.
Опешил. И, жужжа,
Штатается, таращась на Ёсаку
В бессильной ярости.

— Подлюга! Вор!

Ну погоди: попомнишь ты Шмеля!
Всем расскажу про твой поганый нор,в,
Про гнусный твой обычай!
Все узнают...
Надсмотрщики...
Смотрители всех станций...
Хозяева харчевен... постоялых
Дворов...
Владельцы лошадей...
Все... все!
Я по миру пуцу тебя...
Пойдешь
В лохмотьях,
С чашкой нищего в руках...
Вымаливать объедки будешь,

Как шелудивый пес!

Ты!.. Ты!..

Он поперхнулся дикой злобой
И хочет проскочить в ворота. Но

Коман опять на нем повисла:

— Полно!

Господин Хатидзо! Господин Хатидзо! Чем жить погонщику, как ему прокормиться, если на него донесут начальству, будто он вор и мошенник?..

Взгляните на меня: вот я стою перед вами, сложив руки, как на молитве, и я умоляю вас...

Ведь настоящий мужчина не сердится долго за драку. Ну простите Ёсаку... смените гнев на милость! Пожалуйста! —

Но чем она униженнее молит,

Тем Хатидзо

Становится наглей.

— Еще что скажешь, грязная девка! Он, мерзавец, нагрел меня на двести моммэ серебром да вдобавок еще спину мне сломал!

Простить его? Это было бы ему на руку, да мне-то худо!

Вот только выйду из ворот — и начну вопить: погонщик Ёсаку — прожженный мошенник, нечистый игрок, гнусный вор.

И Шмель бросается к воротам.
Коман бежит за ним.
— Пойдите! Поглядите!
Вот здесь сто тридцать моммэ!
Вот, взгляните!

Это заветные деньги. Они должны были спасти
жизнь одному человеку!.. Но мне...

Мне для Ёсаку ничего не жаль!
Возьмите их в счет долга!

Хатидзо
Выхватывает деньги:
— Ну, смотри!
Не вздумай у меня зажилить
Остаток долга!

А в какую цену пойдут эти медяки?

— Мне все равно!
Назначь любую цену.
— Ну, хорошо!

На рынке за тринадцать моммэ серебром дают один
кан медяков. Значит, здесь как раз десять канов.

Попомни!

Еще шесть канов за тобой! —
И Хатидзо сует проворно деньги
В бумажный свой кошель.
— Прощай!

Шмель наконец
Убрался восвояси.
Калитка хлопнула. Коман,
Печально голову склонив, вздыхая,
Бредет назад
И тихо говорит
Угрюмому Ёсаку:

— Я отдала ему все мои деньги, и он ушел. О, я надеюсь, что ты больше не будешь водиться с такими, как этот Шмель! —

Ёсаку онемел
От неожиданности и от гнева.
Потом он, задыхаясь, говорит:

— Как ты могла! Эти деньги, эти заветные деньги...
Я побегу за ним, я их отниму! —

Он на ноги вскочил.
— Пстой! Пстой!

Ты ведь должен ему! Как же ты можешь взять эти деньги обратно?..

Нет, теперь не прежние времена! Нынче все дороги под строгим надзором. И если Шмель пожалуется на тебя смотрителям и про тебя пойдет дурная слава, то тебе конец, ты пропал! Все ворота закроются перед тобой. И мы уже не сможем встретиться!..

А если во дворце твоего прежнего господина узнают... Узнают, что ты опельмован как мошенник... тебе

никогда не смыть позорного пятна, не заслужить себе прощения.

Я буду все оттягивать и оттягивать срок уплаты... А если мне не удастся уговорить сельскую управу, что ж, я пойду в водяную темницу вместо моего отца. Я это твердо решила!

Только бы вызволить из беды тебя, моего любимого! —

Увы! не так-то просто
Взбешенного Ёсаку успокоить.

— Еще что скажешь? Какой позор может грозить мне, нищему погонщику? Ты столько выстрадала, чтобы собрать эти деньги ради спасения твоего отца, и вдруг — отдать их этому процелыге, этой грязной скотине! Нет, я этого не допущу! —

...И он

Бросается бежать за Хатидзо!

Но вдруг...

— О, три сокровища

Святого Будды...

Я, кажется, попал в беду!

Смотри, Коман! Вон идет твой хозяин Садзи с целой оравой зрителей и старост. Видно, что-то стряслось! Не знаю, в чем дело, но поднялась суматоха. Мне лучше не попадаться им на глаза. Я спрячусь, а ты мигом отведи мою лошадь куда-нибудь! Скорее!

Ёсаку замечает паланкин
За занавескою,
У входа в лавку.
Крадется.
Тихо открывает дверцу.
Одной ногой ступает в паланкин...
И вдруг оттуда детский крик:
— Ой, больно!
Кто мне на ребра наступил? —
И маленький погонщик Санкити,
Зевая во весь рот,
Высовывается из паланкина.

— О-о! Это ты, маленький Дикарь?
— Смотрите-ка! Да это Ёсаку!
— Ты что здесь делаешь?
— Да отдыхаю, сплю. Я гоню лошадей до самого
Эдо. Нас тут, погонщиков, уйма на соседнем постоя-
лом дворе. Мы сопровождаем дочку князя. Гостиница
для знатных людей полным-полна. Шум, суета, негде
отдохнуть...

А мне захотелось после ужина вздремнуть маленько.
Я и заполз сюда. А ты, Ёсаку, зачем здесь?

— Ну уж это, Дикарь, не твоего ума дело. Я не хочу
встретаться с хозяином харчевни. А ну-ка, потес-
нись. Спрячь меня здесь.

Санкити глядит

Сквозь щелку в занавеске.

— Э-э-э! Я вижу Коман. Вот уж кто молодчина так молодчина! Я знаю, что вы в дружбе. Ну, лезь сюда. Я тебя спрячу! Для кого-нибудь другого я бы не потеснился. Вот еще! Но тебя зовут Ёсаку, а это имя мне дорого! Уж если кого-нибудь зовут Ёсаку, такому человеку я ни в чем не откажу!

Они влезают оба в паланкин
И тесно прижимаются друг к другу.
Несчастный Санкити!
Не знает он,
Что рядом с ним — отец.
И все же смутно
Он чувствует сыновнюю любовь.

Хозяин постоялого двора
Кричит, в воротах стоя:
— Эй, вы, там! Все служанки, все девушки! Живо вставайте! Знатные господа к нам пожаловали: все главари «пятидворок», надсмотрщики, старосты сельской управы. Жена, и ты вставай, выйди к нам.

Разбуженные криком,
Все служанки

Проворно выбегают из харчевни.

Потом выходит

И сама хозяйка.

Начальники, все разом, говорят:

— Эй, жена хозяина! Слушай нас. Сегодня мы совещались все вместе. И как раз получили приказ из главной сельской управы. Вот что написано в бумаге:

«Отец известной девицы Коман, Хикобэй из Ёкота, был заключен в водяную темницу за недоимку четырехлетней давности — он должен два коку и два то рисового зерна. Его отпустили на свободу по просьбе и поручительству его дочери Коман. Вы, должностные лица, смотрители здешней станции, должны, не слушая никаких отговорок, взыскать с поручительницы Коман этот долг».

Так вот какой приказ

Мы получили!

Вы слышали,

Хозяин и хозяйка?

Вы накрепко должны стеречь Коман,

Не то — ответите

Перед судом!

Коман, закрыв лицо,

Тихонько плачет.

Хозяйка

Удивлена, огорчена:

— Коман!

Что натворила ты?

Как ты могла

Наделать неприятностей и мне,

А главное — хозяину?

Хозяин,

Не сдерживаясь,

Резко говорит:

— Какие там неприятности хозяину? Знать ничего не знаю, ни за один медный грош не отвечаю!

У нас господа приезжие щедро одаривают деньгами знаменитую Коман. Кто дает сто медных монет, а кто и двести отвалит. Да она за одну ночь целое моммэ огребает: бамбуковый хвост у весов так и взлетает вверх, словно хвост у чайки!

Да она за каких-нибудь полгода могла бы скопить сто моммэ серебром или два рё золотом — ровным счетом!

Так нет, она все до последнего гроша отдает этому мошеннику Ёсаку, этому проклятому игроку!

Летние платьишки все спустила, в сундуке у нее даже исподней одежды не осталось!

Мы-то Ёсаку здесь в долг кормили — она поручилась за него. Небось расходная книга не забудет: все записано!

Вот! Вот! Смотрите: шесть ночевок с одной кормежкой, вина — четыре мерки с половиной, семьдесят порций закусок по десять грошей каждая, восемьдесят пять порций вареного батата с китовым мясом и еще сто пятьдесят — сто пятьдесят! — дюжин сладких колобков. Вот как он набивал себе брюхо! А теперь что ему денежки — звук пустой!

То и дело крути ему утку на вертеле. А как дело закрутилось, ему все шутки: думает отвертеться!

Ты, Коман, кормишь бездельника, деньги на ветер бросаешь, твое дело! Меня не касается, что бы с тобой ни стряслось! Если этот подлец Ёсаку даже шкуру с себя сдерет и продаст, все равно ему не покрыть твоего долга. Заставь-ка лучше его заложить свою лошадь, да и расплатись.

Эй, вы! Заприте Коман в доме! Да хорошенько ее сторожите!

Прошу прощения за беспокойство, господа! Прошу прощения!

И он, ворча, уходит в дом.

Дверь хлопнула,
И щелкает замок.

Смотрители переглянулись.

Они посмеиваются:

— Хо-хо!

Скажите, кто бы мог подумать, что этот Ёсаку такой обжора! Мало обычного ужина, подавай ему колобки, да вино, да разное варево — и девицу Коман в придачу, перед сном закусить!

И все смотрители

Уходят восвояси.

Ёсаку отирает пот со лба.

Он вылез наконец из паланкина.

Заглядывает в дом

Сквозь паз дверей,

Сквозь щели ставен —

Ничего не видит,

Вытягивает шею, прижимаясь

К бамбуковой решетке...

Там за окном все тихо, все темно.

Вдруг... кто-то изнутри припал лицом

К решетке... кто это?

Ёсаку прыгнул прочь.

— О! Не пугайся! Это я.

— Коман?..

— Да, милый!

О Ёсаку! Ты слышал все, о чем они говорили? Какая беда со мной случилась! Вот я и стала птицей в клетке!

Какая грусть!.. Но, по крайней мере, моего отца не тронут: теперь я одна, одна за все в ответе!

Уж и не знаю, свидимся ли мы когда-нибудь на этом свете? Быть может, это наше последнее прощание. Мы ведь живем на самом дне; разве мы знаем, как поступят люди там, наверху?

Ёсаку к ней протягивает руки.

Коман к ним прижимается лицом

И горько плачет.

Но Ёсаку шепчет:

— Молчи! Есть еще просвет в тучах! Не пойму, отчего я так полюбился этому маленькому погонщику — Санкити? Он готов для меня на все. Когда мы сидели с ним в паланкине, я подговорил его стянуть деньги у дочери князя, она остановилась в соседней гостинице. Я втолковал ему, что это — дело, достойное мужчины.

Я уж сумел его подбить,

Мальчишка

Весь так и загорелся! Говорит:

«Я непременно украду».

Удастся —

Мы спасены.

А попадется — что ж?

А нам какая разница?

— Нет, нет!

О, ни за что! Пожалуйста, не надо.

Как можешь ты

Ребенка не жалеть?

Толкать его на грех?

— Коман! Коман!

Ты слишком боязлива:

Ну, поймают,

Ну, поколотят малыша — и все!

Эй, Санкити! Я на тебя надеюсь.

Не вздумай отвитьнуть!

— Я не таков.

Сказал — и сделаю.

И нечего размазывать. Не хочешь, чтобы я украл для тебя, так плюнь на меня — и дело с концом! Я Санкити Дикарь, я не отступаю, если уж дал слово. Нет у меня ни отца, ни матери. Моя голова стоит дешевле рисового колобка.

Мне голова моя не дорога.

Поймают, голову снесут...

Пускай!

Поверь, не испугаюсь!

Вот каков
Он — Санкити Дикарь, простой погонщик.

Не знают ржавчины
Порода самурая
И золото.
Но как печально,
Что мальчик благородной крови
Готов идти на преступленье!

Ёсаку подстрекает мальчугана:
— О, ты храбрец, настоящий самурай! Я на тебя надеюсь. Я доверил тебе дело жизни и смерти!

Но Санкити смущен:
— Как! Я боюсь?
Что с сердцем у меня?
Оно так сильно
Колотится.
Быть может, оттого,
Что страшно перед другом осрамиться?
Ну, отойди
Куда-нибудь, Ёсаку.
Эй, Коман!
Ты милочка!
Ты видишь амулет?
Прошу, возьми его на сохраненье!

— Да что ты, Санкити?
Твой амулет?
Как раз сегодня... он тебе так нужен!

— Нет-нет! Ты знаешь, имя
Мое написано на нем,
Не прозвище,
А данное отцом
Мне при рождении.
      Меня поймают?
Что за беда! Беда, когда прочтут,
Как я по-настоящему зовусь:
Мне будет стыдно.

Санкити снимает
Свой амулет.
Большие чувства
Таятся в этой маленькой груди!
Передает через окно Коман
Свое сокровище
И подтыкает
За пояс полы кимоно...
Тихонько
Он крадется
К гостинице для знатных
Проезжих...

Между тем Ёсаку
За ним следит издалека.

— Коман!

Коман! Меня ты слышишь?

Пойду спрячусь в доме Яроку, у подножия горы.
Вернусь сюда в полночь. Отойди от окна. Иди к себе...
— Ах, я так боюсь... Холодная дрожь пробирает...
Сохрани нас, Дзидзо-сама, Дзидзо-сама!

О, три сокровища святого Будды!

— Э-э! Ты думаешь, теперь молитвы

Помогут нам?

Но тише... тише...

Ты слишком громко молишься.

Нас могут

Подслушать. Спрячься!

И Ёсаку тихо

Прощается с Коман,

Бредет

Вниз по холму,

О камни спотыкаясь...

Вот-вот он упадет.

На сердце камень.

В душе темно, как в преисподней.

А он идет все вниз...

Все ниже... ниже...

Когда случается, что князь
В гостинице задержится, охрана
Всю ночь не дремлет.
И о-химэсама,
Дочь князя,
Охраняется надежно.
Проходит с гулкой колотушкой сторож,
Отстукивая время.
Девять
Ударов — скоро полночь...
Тишина...
Потом опять проходят сторож.
Восемь
Ударов...

О, неразумное сердце ребенка!
Как ловко все удалось!
Никто не заметил!
Удача! Удача!
Сжимая в руках
Парчовый кошель,
Из ворот выбегает
Санкиги, не помня себя
От восторга.
Ему не до сторожа.
Он колотушки не слышит.

Бежит. Бежит, задыхаясь.
Стремглав.
Но сторож увидел
И бросился следом —
В погоню!

...Мальчик

Заметил. Заметался.
На замке
Все двери.
Негде спрятаться.
Юркнул
В знакомые ворота.
В паланкин!
Дверь запирает изнутри.
Ложится,
В комок свернувшись, на полу...
Но сторож
Увидел все!
Он подбегает,
Нажал на дверцу,
Поднял занавеску.

— Я-а! Вот ты где! И кошелек с деньгами в руках!
Эй, люди! Вор! Вор! Держите! Маленький погонщик
Санкити своровал кошелек с золотом! Эй! Эй! Все
идите сюда!..

Так он вопит.
Бедняга Санкити
Попал, как мышка в мышеловку,
В ловушку, что из этой тесной жизни
Ввергает в преисподнюю.

На крик
Сбегаются все слуги, все служанки,
Охрана с палками,
Большие самураи
Из свиты юной госпожи, другие

Проезжие, разбуженные криком
И суматохой.
Тащат паланкин
На середину улицы. Приносят
Шесты с подвешенными фонарями.

Является начальник стражи.
— Отчего тревога? Всех на ноги подняли из-за
мальчишки! Вытащите его из паланкина!

— Мы повинуемся! —
И стражники проворно
Распахивают дверцы паланкина.
— Ну! Выходи! —
Но Санкити молчит.
Они его вытаскивают грубо
За маленькие руки.

— Вот те деньги,
Что я украл!
Вот кошелек, начальник!
Возьмите! —

Санкити глядит кругом,
Наморщив брови
И сверкая дико
Глазами.

— Хо! Да он совсем ребенок!
Не мог же он один
Устроить кражу? Что-то не похоже!
Найти его сообщников!
Всех-всех
Погонщиков собрать сюда!

— Приказ
Немедленно исполнен будет! — Стражи
В соседние гостиницы бегут.
Сзывают всех погонщиков. Ведут
И Хатидзо Шмеля,
Хоть вдребзги он пьяный...

Шатаясь, Шмель гудит:
— А где он, вор?
Ха! Ты, черенок?
Опозорил нас,
Погонщиков!

В тюрьму его!
Казнить!

Распять его! Распять! —
И он с размаха
Бьет Санкити ногою в спину.
Мальчик
Летит на землю кувырком. Разбил

Он лоб о камень.
Кровь струей пурпурной
Окрасила лицо.
Но дикий дух
В его груди еще не укрощен!
Он на ноги вскочил:
— Как! Ты посмел
Меня пинать ногою? погоди,
Проклятый Шмель!
Тебе я ноги-руки
Пооборву!..

Он хочет броситься на Хатидзо.
Его удерживают силой.
Старший
Бранит Шмеля:
— Как, негодяй, ты смел
При нас, при самураях, бить ребенка,
Пинать ногами?
Грязная скотина!
Ответишь ты за буйство!

Санкити
Опять рванулся.
— Он меня ногою
Ударил! Негодяй!

А я-то думал,
Никто из низкой черни не посмеет
Меня ударить!..

И не только ногою пнуть, но даже мечом зарубить
не посмеет! А теперь у меня на лице позорные
рубцы!

Нет-нет! Я отомщу тебе, проклятый!
Пусть голову мне отсекут!
Но раньше
Зубами в морду я тебе вцеплюсь!
Мечь Дикаря узнаешь! —
Слезы гнева

Из глаз его ручьями полились.
Такая ярость в этом юном сердце,
Что волосы
Невольно встали дыбом
У всех, кто это видит...

Сигэнои,
Разбуженная шумом,
Из дома выбегает, посмотреть,
Что за бедастряслась.
И видит сына,
Толпу погонщиков и стражу,
Узнает,
Что сын украл...

Она теряет силы
От страшной вести —
Может только плакать!
Ах, если все откроется, к чему
Ее старанья тайну сохранить?
Что, если слух пройдет:
«Молочный брат княжны —
Простой погонщик,
Да к тому же — вор!»
Досада, жалость, ужас, гнев, любовь
Ее терзают.
— О, какое горе!

Ах, неблагодарный! А я-то о тебе так заботилась с самого нашего отъезда! Все мои хлопоты о тебе пропали попусту.

Ты совершил ужасное преступление. А мне казалось, что в твоих жилах течет благородная кровь!

О, как жаль, как жаль, что тебя так дурно воспитали. Ты так испорчен! Видно, оттого твои родители и не хотят тебя узнавать. Оттого и стал ты простым погонщиком!

Я тоже знаю, что такое — иметь дитя. А сердце матери всегда одинаково. Если бы твоя мать узнала, что ты сделал, ну как ты думаешь, прибежала бы она сюда спасать тебя, даже если она готова броситься в огонь и в воду для твоего спасения?

Пусть со стороны кому-нибудь и кажется, что мать равнодушно позволяет погибнуть своему ребенку. Но разве — в глубине души — она не взывает к богам и буддам, моля сохранить твою жизнь?

Но ребенок твоих лет не мог сам пойти на такое преступление. Кто приказал тебе украсть? Быть может, твой отец, впавший в нищету? Или кто-нибудь чужой?

О, я представляю себе, что сейчас творится на сердце у твоей матери! Мы с тобой эти дни так подружились в дороге. Да, я хочу спасти тебе жизнь. Если б только на доброе имя моей юной госпожи не упало позорное пятно, я была бы готова сказать, что ты мой сын, что ты ее молочный брат, лишь бы спасти тебе жизнь. Ну, отчего ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь в свое оправдание! —

Из глубины души,
Из самых недр
Тоскующего сердца
Льются слезы
Несчастной матери.
Ее рыдания
Как будто умоляют всех понять,
Что перед ними — сын...
Что перед сыном — мать...
Но мудрено им догадаться!

И Санкити Дикарь
Пытливо смотрит
В лицо несчастной матери — и вновь
К земле глаза он опускает... Слезы
Ему сжимают горло...
Он молчит...
И наконец:

— Послушай, госпожа кормилица! Я один, один
пустился на это позорное воровство. Да и чего же
ждать от простого мальчишки-погонщика?

Я никого не стыжусь. Но перед тобой мне стыдно.
Вот ты спрашиваешь меня: не ради ли моего отца
я украл? Жестокие слова! Поверь, будь у меня отец,
не пришлось бы мне лошадей гонять. Но я не знаю,
есть ли у меня отец. Хоть краем глаза взглянуть бы
на него!..

Правда, у меня есть мать, но она боязлива, как все
женщины... И она служит в знатном доме. Мы теперь
чужие друг другу.

К чему мне оправдываться? Все равно: теперь я
заслужил кличку «вор»! Меня опозорили перед це-
лым светом.

Я никогда не посмею взглянуть в глаза моему
отцу! Я молю, убейте меня! Скорее убейте
меня!

Когда ты так говоришь со мной и жалеешь меня, я

теряю мужество. Еще немного — и я не захочу уми-
рать.

Отойди от меня. Вернись в гостиницу для знатных
людей. Я не хочу больше видеть твоего лица!..

Он прижимает оба рукава
К своим глазам
И плачет...
Сколько силы
В его мятежном сердце!..

Сигэнои
Совеем теряет разум:
— Умоляю!
О, будьте милосердны!
Пощадите
Воришку... мальчика!..
Я, Сигэнои,
Готова жизнью поручиться
За этого несчастного ребенка!

Она рыдает в голос,
Позабыв,
Что самураи смотрят на нее
И слушают...
Она ломает руки

И падает без сил,
Ничком, на землю...
Тут старший из вассалов — Хонда
Ядзаэмон — выходит из дверей:
— Мне доложили
О происшествии!
И я постановляю:

Поскольку украденная вещь была возвращена, а главное, поскольку мы находимся в пути, следовательно, в чужих владениях, — считать, что столь ничтожное дело не требует судебного разбирательства.

Дарую жизнь тебе.
Вставай — и уходи! —
Он поднимает Санкити с земли
И ставит на ноги.
Но дикий мальчуган
По-прежнему глубоко безутешен:
— Так опозорить
И потом простить?

Как же мне жить теперь? Нет-нет, если у тебя в сердце есть сострадание, вели казнить меня! А лучше — убей меня сам, своим мечом! —

Он снова падает на землю.
Старый Хонда
Разгневан.

— Ах ты, маленький наглец! Ни в старых, ни в новых законах — нигде не сказано, чтобы карали смертью за такой ничтожный проступок.

Вставай, ну! И проваливай отсюда! —

Но Санкити упрям:

— Так вы насильно,

Жестокие,

Мне навязать хотите

Поруганную жизнь?..

О, о! Теперь

Я знаю, что мне делать!

Санкити

Вдруг вскакивает ла но г и . — Я-а!

Ты, подлый Хатидзо!

Меня ногами,

Как червяка, топтал!

Оставил знак

Позорный на моем лице! А я —

Сын самурая. Каждый самурай,

Когда он опозорен, умирает.

Мои слова ты слышал —

И не понял?

Не кончив говорить,

Одним рывком

Короткий меч,
Отточенный как бритва,
Из ножен выхватив,
Вдруг
Санкити
Бросается к Шмелю —
И быстрым взмахом
Ему перерубает шею!

Взмах —
Как молния удар!

И голова
Слетела с плеч.

«Убийство! Стой!» —
Все разом вскрикнули.
Его хватают.
«Пощады не проси!»
Десяток рук
Веревкой скручивают малыша,
Сам Хонда потрясен.
Он объявляет:

— Да! Приходится сдать его с рук на руки старосте
этого селения. Послать его под стражей в здешнюю
управу!

Ну что ж ты сел на землю? Встань!

И стражи
Убийцу маленького поднимают
И ставят на ноги.

Мать — Сигэнои, —
Теряя разум,
Может только плакать.
Она понять не в силах, что стряслось,
И только повторяет:

— Я еще никогда, никогда не слышала, чтобы в

такое время... в такое время, когда свадьба готовится... кого-нибудь веревкой связывали... бросали в тюрьму... Я еще никогда...

Она шатается...
Ее уводят в дом.
Она шагнет,
Оглянется — и снова
Шагнет бессильно...
Мальчик провожает
Глазами мать.
Потом покорно,
Закрыв глаза,
Стоит, как будто в камень
Он обратился.
Но в себя приходит
И говорит:

— Что ж... этого я и хотел. Не мог я
Жить опозоренный. Меня ногами
Пинали. Лоб расшибли. А потом
Швырнули жизнь, как нищему — подачку.
Э! Одному спуститься в ад? Не лучше ль
С собою взять попутчика? И разом
Поклажу двух хозяев подвезти?
За тот же путь словчить двойную плату?
Умрут все люди. И отец и мать

Когда-нибудь умрут. И под конец
Мы, трое, там сбредемся, не боясь
Разлуки. Все приходят из другой
Гостиницы на землю. И должны
Мы к вечеру в харчевню возвратиться.
Пошла в обратный путь, моя лошадка!
Споткнулась, стерва? Но!.. Корэ-корэ!
Хоп-хоп!..

Любой бесстрашный самурай
Его отваге может подивиться.
У седовласого Ядзэмона
Слезинки навернулись на глаза.
Жаль смельчака!

И Санкити уводят.
Толпа расходится угрюмо...
Все тихо.
Только крики сторожей,
Следящих за огнем, стук
                        колотушек
Порою нарушают тишину
Гостиницы,
Где сном глубоким спит
О-химэсама
Со своею свитой.

Ёсаку узнал:
«Синкити пойман!»
Как только услышал,
Проворно бежит
К воротам гостиницы,
Громко крича:
— Я виноват! Это я
Подбил мальчишку
На воровство!
Вяжите меня! —
Все тихо. Все спят.
Ворота закрыты.

Коман подзывает Ёсаку,
Стуча по решетке: — Скорее!
Ко мне подойди!

Ёсаку к ней подбегает.

— Что, что стряслось? Он попался в воровстве? Его поймали?

— О, ты еще ничего не знаешь. А я все видела отсюда!

Мало сказать — попался в воровстве! Он убил человека, убил Хатидзо! И все ради нас.

Он голову отрубил Шмелю, а завтра ему самому

снесут голову. О, бедный Санкити! Несчастный мальчик! —

Так она шепчет сквозь слезы.

Ёсаку, дрожа, говорит:

— Наму Амида! Наму Амида! Это мы его убили. О, какие мы страшные преступники! —

Они со слезами в глазах

Глядят друг на друга.

— Послушай, Ёсаку! Мы не смеем даже на один час пережить Санкити. Неужели ты не согласен со мной?

— О! если ты так решила... я согласен! Если так, то я спокоен... и доволен!

Еще с вечера л думал об этом, но затаил в сердце свои мысли. Все мне казалось, что ты не захочешь покинуть своего отца в беде. Разве ты не тревожишься о том, что с ним будет без тебя?

— Нет-нет! На меня обрушилось такое несчастье, что ничем уж не могу я помочь отцу.

Но знаешь? Если мы будем так долго рассуждать, то, пожалуй, раздумаем. Решено! Забудем обо всем на свете — и скорее уйдем отсюда.

— О! Я рад! Но я не могу бросить хозяйскую лошадь... Лучше возьмем ее с собой — к месту нашей смерти. Она повезет тебя. Я приведу лошадь. А ты пока постарайся вынуть решетку.

— Это не трудно! Ведь через окно пробирался любовник к моей подружке Коёси. Стоит только нажать на решетку, сама выпадет.

— Да-да! Для Коёси это окно вело к любовному свиданию. А для нас это железные ворота, ведущие в ад! —

Он, тихо жалуясь,

Коня приводит.

— Коман! А где кинжал,

Который я тебе оставил?

— Здесь!

Он цел и невредим. Он у меня

За поясом!

— А, хорошо!

Спускайся осторожно. На седло

Ставь ногу. Так! Не ушибись!

И он,

Который охраняет,

И она,

Которую оберегают, вместе

Готовятся к последнему пути

При свете убывающей луны...

Конь лунной масти,

Хвост его взлохмачен

И вымочен в росе.

И рукава
Ёсаку и Коман мокры от слез...

Коман легко спускается на землю...
Они выходят на дорогу,
Проворно пробегают
По тихой улице. Потом, замедлив шаг,
Ёсаку говорит:

— Слишком много людей спует по Токайдоской дороге. Не лучше ли нам расстаться с жизнью на дороге в Исэ?

— Ах, ты напомнил мне! Погоди: мне Санкити оставил свой амулет. Надо посмотреть, какому богу он посвящен. И у меня на груди тоже есть амулет: из великого храма Исэ. Мы можем осквернить амулеты своей смертью, и это помешает спасению наших душ. Лучше я оставлю эти святые вещи здесь, в храме Дзидзо!

— Да-да! Это разумно. Хорошо, что ты об этом вспомнила!

Она открывает
Узорный мешочек,
Подбитый пурпурным шелком,
И в руки Ёсаку
Кладет амулет.

При свете луны

Он читает:

— «Великий храм богини Солнца в Одара. Благополучие и долгая жизнь для Ёносукэ, сына Датэ-но Ёсаку, родом из округа Та м б а». —

Ёсаку точно молнией сражен.

Он вскрикнул:

— О, три сокровища святого Будды!

Так это мой Ёносукэ! Его,

Трехлетнего, покинул я, проклятый!

О!.. Мальчик не знал, что я его отец, родной отец! Но он любил меня, он почитал даже самое имя Ёсаку. А я ни о чем не догадался! Я сам толкнул его на воровство — и довел до плахи! Словно я сам руку протянул, чтобы отрубить голову моему ребенку! —

Он падает на землю. Кулаками,

Ногами бьет дорогу.

Он кричит,

В отчаянье рыдает. И Коман

Безудержно рыдает вместе с ним:

— Мы, верно, были прокляты в прежнем рождении... Мы преступники... Какие мерзкие поступки совершили мы... один ужаснее другого!

Да, только решив умереть, мы следуем высшей воле. Ах, чем дольше мы пробудем в этом мире, тем больше нагрешим! Скорее в путь!

— Да, ты права! —
Ёсаку хочет встать.
Его не держат ноги.
— Как мне стыдно!
Смотри, Коман: я не могу подняться.
— О, как ты духом слаб!

Коман пытается поднять Ёсаку,
Но у него колени подогнулись,
Он снова падает...
И слабыми руками
Коман возлюбленного тянет вверх.
Он грузно оседает вниз,
На землю...
Она его приподымает вновь,
Он падает... еще... и много раз.

Ёсаку
Родился в Тамба,
Где столько цветет каштанов.
Как быстро жизнь его отцвела!
Тридцать с немногим
Он прожил лет...
А сколько видел несчастий!
Коман сажает его на коня
Лунной масти.

По шести дорогам вселенной
Проедут они, гоня
Спотыкающегося коня.
Путь длинный-длинный.
Спуск — крут. Подъем — высок.
Зыбучий песок...

Как поется в песне старинной:
«На горе Судзук^а облака
Туманятся... туманятся...»
Гора — слева. Гора — справа.
Впереди переправа
Через подземный поток
К трем путям преисподней.
Но любящие и там не расстанутся.

Но-о!.. Но!.. Вперед!
Копыта стучат: тон-тон!
Еще сегодня
Добраться им надо
До железных ворот
Ада.

О, наш мир!.. Это — сон.

МИТИЮКИ

СТРАНСТВИЕ ПО
ДОРОГЕ СНОВИДЕНИЙ

Эй, Ёсаку из Тамба!
Ты погонщиком был,
А теперь от погони
Сам бежишь, словно конь,
Озираясь пугливо
Средь далеких лугов!

Средь далеких лугов
Звучало
Имя твое — Ёсаку, Ёсаку из Тамба!
Там, бывало,
Про тебя пели птицы,
А теперь...
Даже маленькая трясогузка,
Любви обучившая богов,
В мертвой траве,
В осенней траве
Замолчала.

Сквозь ночной осенний мрак
Погоняй коня, Ёсаку,
Колокольцами звеня!
Но-о!.. Корэ-корэ!..

«Только вспомню тебя, Ёсаку,
На луга туман упадет».

О, не твои ли слезы, Коман,
Пролились печальным дождем?

Но-о!.. Корэ-корэ!

Путь не близкий.
Надо коня покормить.
Мы оставим сухую траву
И камыш
С кровли хижины низкой
Про запас,
На прокорм коню...
Пусть не знает
Он голода утром,
В час,
Когда нас не будет на свете...
Ах, как скоро вянет трава!

Как эта трава луговая,
Мы увянуть должны
На рассвете,
Под звон осенних цикад.

И под звон осенних цикад
Погоняет коня Ёсаку
Под гору вниз.

— О Коман, погляди, погляди!
Вниз по склону холма
Торопится всадник
На усталом, выючном коне...
Где найдет он ночлег — в Ёккайти?

И нам
Надо спешить.
И нас ожидает ночлег
И покой долгожданный,
Но раньше
Семь раз по семь
Дней и ночей
Мы будем блуждать
В преддверии ада,
Покорно,
Как стадо овец бредет... бредет...

Но-о!.. Корэ-корэ!..
Вниз — под гору. Вверх — по горе.
Скорей, скорей!
О, горе!..

Он дергает повод,
Понукая коня.
Но конь упрямится,
Замедляет шаг,
Словно чуя скорый конец
Коман и Ёсаку.

С двенадцати лет,
Коман, бывало,

Зазывала гостей ты
Голосом нежным,
Как пенье флейты.
Сколько ж друзей
У тебя побывало!

— Ах, как мало
Осталось теперь у меня
Друзей и подруг!
О, их дружба короче
Летней ночи,
Недолговечней осенних цветов.
Кто, кроме коня,
Станет грустить надо мною
В мой смертный час?

И, покачиваясь на ходу,
Конь протяжно заржал,
Словно чуя беду...
Конь устал,
Не хочет бежать во мгле,
Ступает едва-едва.
Ёсаку согнулся в седле.
И градом сыплются слезы
На его рукава.
Так сыплются семена с ветвей
На усталого путника...

— Коман, ты помнишь?
Как в первый раз
Словами любви мы обменялись?
С тех пор три года прошло.
Паломники, шли мы на поклоненье
И встретились на пути случайно...

Посреди Кусид^а,
По дороге в Исэ,
Я тебе признался, Коман,
В любви — навсегда!
О, твоя шляпа — в вечерней росе —
Красная, красная!
Помнит статуя святого Дзидзо
В храме селения Сэки,
Как поклялись мы оба
До гроба не разлучаться...
И за гробом... Навеки!

Хоть я и нес покорно
Все эти годы тяжкий груз
Моей любви к тебе, Коман,
Но было мне легко на сердце!
Я бодро гнал навьюченную лошадь,
И ноги весело шагали по земле.
О, и сейчас
Моя любовь к тебе не угасает.

И все ж сегодня ночью
Морозный иней пал на землю,
И на рассвете кончится наш путь
В глубокой пади,
На самом дне вселенной,
Где имя я свое похороню.
Так низко я упал...

Коман сквозь слезы отвечает:
— О, как судьба странна!
В те годы пи единым
Не обменялись мы обетом,
Начертанным на храмовой бумаге.
Мы только у стремнин Кумбдзу,
Согнув мизинец,
Как маленькие дети —
Друг другу тайный показали знак.
Так мы уговорились
Не разлучаться в этой жизни,
Не разлучаться в будущих рожденьях.
В те дни,
Паломники,
Не смели мы отдаться
Любовной страсти. Но, горя любовью
Сильней и слаще, чем на брачном ложе,
Мы брали за руки друг друга

И медленно бродили
В вечернем сумраке.
Закуривая трубки
От одного огня,
Обмениваясь ими в знак любви.

— Напрасно
Ты вспоминаешь эти дни, Коман!
Ведь мы — как летние цикады,
Которые не знают ни весны,
Ни осени...

Ёсаку и Коман
Льют слезы,
Печалась о своем прошедшем,
Вздыхая о возмездии грядущем,
Грустя над темной
  участью своей —
Под медленным дождем,
Который льется, льется
На сосны древних роц Ано.
А ночь все гуще, гуще...

Как рыбаки в Акого
Упрямо, шаг за шагом, тащат сети,

Так, шаг за шагом, волокут
Они свою несчастную судьбу
К последней цели...

— Коман, я вспоминаю
Давно минувшее...
Мы словно две скалы
В заливе пенистом Фу́тами.
Они окаменели — муж с женою, —
Войдя в святилище
Без омовенья. Вот урок для нас!
И мы умрем,
Железом осквернив свои тела.
Преступники, мы преступили долг,
Любовью увлеченные... О, вспомни,
Когда с тобой мы встретились впервые,
Переходили мы из храма в храм
В томлении любовном,
А теперь
Должны мы странствовать
В преддверье ада.

— Не надо думать
О невозвратном прошлом!
Я слез не в силах удержать...

— Не плачь, Коман,
Молю тебя, не плачь!
Как горько мне!
О, как кричат вороны!
Не раз я слышал,
Что карканье ворон
Вещает людям горестную гибель.
Теперь я знаю: это правда!..
Ты видишь? Из тумана
Возносится вершина Асама,
Как будто смерть сама,
Подстерегая нас,
Пригнулась за горою.
Нельзя нам медлить: здесь мы оскорбим
Двойным самоубийством
Обитель жриц, не знающих греха.
Какой позор! Два грешных тела,
В запекшейся крови,
Покинутые посреди д о р о г и, —
Такое зрелище для глаз,
Что даже
Паломники, отпрянув, содрогнутся.
Кто, сострадательный,
Помолится за нас?
Никто, никто..
Как жестока судьба... и как печальна!

Где прошлые дни?
Где будущие года?
Взгляни, взгляни на сегодняшний день —
И все ты поймешь, узнаешь.
Взгляни: без следа убегает вода...

Коман взглянула на Ёсаку
Сквозь льющисся слезы:
— Слышишь
Удары барабана? Восемь раз!
Какой высокий звук
Летит
Из храма на «Высоком поле»!
Ущербная луна
Стоит высоко.
Недолго ждать нам до рассвета...

Много было у нас по пути
Приютов, гостиниц,
Где мы ночевали
На ложе любви...
Но длиннее,
Чем тысячи тысяч ри,
Тянется путь на Запад
До райских селений,
И негде сменить нам усталых коней!

На пороге обители Ста Наслаждений
Встретят нас бодхисатвы —
Каннон и Сэйси.
За руки нас, истомленных, они поведут
И даруют покой
На подножии-лотосе,
Где, кроме нас,
Иных не будет гостей...
Помолимся Будде:
Наму Амида Буцу,
Наму Амида Буцу!

И пусть надеяться нелегко
Тому, кто в грехах закоснел!
Они умоляют
О прощении, о защите
Амитабу
Из храма Ко,
Милосердней которого нет,
И с молитвой подходят к сосне
«Тысячи жертвенных монет».
Наступает мгновенье расплаты...

Потомок гордых самураев,
Прославленных стрелков из лука,
Ёсаку в эту ночь
Решил расстаться с жизнью...
И, спрыгнув на плотину, он надежно
К стволу сосны
Привязывает повод
Усталого коня.

Стряхнув росу,
Он раздвигает заросли бамбука
И подзывает грустную подругу.
Глядит — сквозь влагу слез —
в глаза Коман

И за руки
Ведет ее в глубь чаши.

— Сюда! Скорей!.. Подумай, Коман: тебе двадцать
один год, мне — тридцать один! Вместе нам всего
пятьдесят два года. Это и для одного человека не
очень-то долгая жизнь!

Любимая!.. Сейчас тебя убью...
О, если хочешь,
Сердце облегчи
В последние мгновения. Скажи,
Что тяготит тебя?..

— О, что ты! Разве у женщины, готовой умереть

вместе со своим любимым, может еще остаться в душе сожаление о нашем бренном мире?

И все же —

Гнетет мне сердце тяжкий камень.
Хотя... теперь...
Былого не вернешь.

Она не досказала. Но Ёсаку
Спешит ее прервать:
— К чему печаль?
О чем заботиться?
Забудь про все земное!
Пока мы дышим, нас влекут вперед
Шесть наших чувств.
Желаньям нет предела.
Отбрось заботы и забудь стремленья
Земные.

Не печалься!

Изгони

Из памяти все горестные думы.
Освободись
Из сети вожделений,
Из невода земных забот. Должны
Мы вырваться
Из их круговорота.
Жизнь! Смерть! Не все ль равно?

Когда-нибудь

И мы к воротам подойдем Нирваны!..

Поверь, мне тоже хочется поведать тебе тысячи тысяч моих дум. Но я отрываю их от себя — и бросаю прочь!

Впрочем... Одна моя ошибка... Только вспомню — и дрожь берет!

В ящике, который я передал тебе на сохраненье... там остался свиток. На нем начертаны имена моих предков, перечислены их владения, их подвиги во многих битвах. После моей смерти люди найдут этот свиток. И они будут не только меня клеймить позором, но и бесчестить имя моего рода. Вот что терзает меня...

Довольно!

Оставим это... О, какая скорбь!

Как тяжело мне;

Мой сын, Ёносукэ,

Погибнет утром, так и не узнав,

Что я его отец.

Его зарубят.

За что?

Чем согрешил он?

Он умрет.

Его погубит преданность отцу,

К которому он потянулся сердцем.

О, горе!..
Ведь это я, я виноват во всем!
Я не отец его,
Я враг ему!
Великий грех —
Убить родного сына:
Вот что кромсает душу! —
Он, рыдая,
Упал ничком на землю.

— О!.. Ты плачешь?
А мне ты запрещаешь говорить?
Нет, я молчать не в силах. Мой отец,
Несчастный мой отец!..

Он старик. А единственная его дочь сойдет в могилу раньше его самого. Я умру — и никто на всем свете, никто ему не поможет...

— Какая грусть!
Не в силах мы отбросить,
Как шелуху, земные наши чувства,
Забыть любимых. Мы обречены
За гробом странствовать
Вдали от рая.
О, мы забыть не можем:
Я о сыне,
Ты об отце.

Не можем удержать
Горючих слез..
Хотя бы нам пришлось
Упасть на дно пылающего ада!
— Ты прав! Ты прав!
Не в силах изменить
Мы наши думы и забыть о близких!
Так — в жалобах,
                                    в стенаньях — изольем
Все, что томит нас,
Все, что нас терзает!
Я не могу забыть
Судьбу отца.
Не можешь ты забыть
О казни сына.
Пусть нас за это адом наградят!

Они, обнявшись, плачут.
Голос ветра
С полей Тоёку
Вторит их рыданьям.

— Смотри туда, Коман!
Огни! Огни!
Ты видишь? Скороходы с фонарями!
Куда они бегут?

Мы слишком близко стоим к дороге. Отойдем в глубь чащи. Нужно выбрать другое место для нашей смерти! —

Они отходят
В глубь зарослей лесных.
А мимо пробегают скороходы
С большими фонарями, обливаясь
Обильным потом,
И кричат друг другу:
— Скорей, скорей!
Нам надо торопиться!

Почтенная кормилица, конечно,
Нас наградит!
В святилище Исэ
По настоянию ее должны
Исполнить поутру священный танец
С молебствием.
Нельзя нам опоздать!
Успеем до рассвета! Э!
Вперед! Нас ждет богатая награда!

Их крики затихают вдалеке...

Ёсаку

Со вздохом говорит:

— Коман! Как ты думаешь? Чья это может быть кормилица? Верно, ребенок, которого она кормит грудью, тяжело занемог. Вот она и молит богов о его спасении. А мы обрекаем на бесполезную гибель две наши жизни. О, если бы мы могли отдать их в обмен на жизнь этого ребенка! —

Коман сквозь слезы

С ним соглашается:

— О, я была бы счастлива умереть во спасение ребенка... Но не ради чужого, нет! Ради твоего мальчика, твоего сына, которого казнят на рассвете. О, я согласна пойти на любую пытку, на любую казнь; пусть меня изрубят на мелкие части всю,

с головы до ног. Пусть погибнет моя душа, лишь бы спасти его!

В ее простых речах
Звучит печаль
Самоотверженной души, готовой
Пожертвовать собою...
Вот решимость,
Которая сильнее любых обрядов,
Сильнее тысяч храмовых молитв!

Вдруг... шорох.
Осторожные шаги.
Со всех сторон
Крадутся люди.
Их сорок,
Пятьдесят. Разбились цепью,
Как на облаве.
В темноте
Кого-то ищут... Шепот:
«Посмотрите!

Лошадь без всадника! Привязана к дереву... одна...
в ночной темноте. Здесь что-то неладно!»

Раздался крик:
«Откройте фонари!»
С потайных фонарей покров отброшен.

Светло, как днем.
Светлей, чем в праздник
«Ста тысяч фонарей».

«Они недалеко!

Ищите в поле или на опушке,
Обшарьте все кругом —
Шагов на двести!»

И множество людей, крича: «Ёсаку!
Коман! Ёсаку!» —
Окружает их...

Из круга воинов
И стражников теперь
Нельзя им ускользнуть.
— О, наму самбо!

Коман! Скорей умрем!
Не то двойной
Позор падет на нас! —

И он рывком
Выхватывает свой клинок из ножен.
Блеснуло лезвие!
«Смотрите! Вот они!» —
И воины, подкравшись, вдруг хватают
Ёсаку и Коман, разводят их
И ставят порознь.

— О, если вы — самураи и вам понятно, что такое честь самурая, имейте ко мне сострадание! Я Датэ-но Ёсаку. Вы захватили меня врасплох. Я должен покончить с собой. Неужели вы помешаете мне — в последнее мгновение моей жизни — исполнить мой высший долг?

Какое унижение! Пустите!

Он бьется, вырывается из рук
Десятка воинов...
Из паланкина,
Стоящего поодаль, звонкий голос
Дает приказ.
И торопливо
К Ёсаку подбегает самурай:

— Да-да!

Сомнения нет. О, это ты, Ёсаку,
Пропавший без вести.
Ты узнаешь меня?

Вглядиись! Твой друг — Сагисак^а Сан^ай.
Удача! Вовремя тебя нагнали!

Ты, конечно, знаешь, что наша юная госпожа изволит следовать на Восток — навстречу счастливой судьбе. Но события этой ночи омрачили ее радостный путь. По ее высочайшему приказу мы спешно провели расследование и в изголовье девицы Коман нашли

САНАИ

САЛУКАНА

свиток, где означено твое подлинное имя. Нам также стало известно, что Санкити, по прозвищу Дикарь, твой родной сын Ёносукэ.

Но больше всего тронули сердце нашей госпожи верность и преданность ее старшей кормилицы Сигэнои. Она даже родного сына не пожалела. Не признала его, чтобы не омрачить своей воспитаннице свадебного путешествия.

Узнав все обстоятельства дела, о-химэсама даровала Санкити жизнь и в безграничном милосердии своем сама сюда прибыла, вместе с Санкити и его почтенной матерью, чтобы спасти жизнь вам обоим.

В ожидании окончательного решения сиятельного князя она назначает тебе свиту в пятьдесят человек. Девицу Коман она тоже принимает в свой дом и обещает даровать ей свою высокую милость.

Так повелела нам о-химэсама.

Я передал тебе

Ее приказ.

Будь благодарен ей.

Вернись — и следуй

За паланкином юной госпожи!

Ёсаку до земли склонил свой лоб:

— О! О! Мой род!..

Он мною опозорен!

Я ничем, ничем не отплатил князю за беспримерные его милости ко мне — с тех самых пор, как я вошел в число его слуг!..

Небо покарало меня за мою неверность. Я пал так низко, что во мне ничего не осталось от доблести самурая. Я даже не узнал моего родного сына!

Теперь мой долг —

Оставить па дороге

Мой окровавленный, позорный труп!

Ни в этой жизни, ни в будущих рождениях не забуду я великой доброты юной госпожи.

Моя жена и мой сын показали такую твердость духа... Кто посмеет смеяться над ними? Но я... Как я смогу показать перед людьми свое лицо? Я, опозоренный?..

Из сострадания,

Мой старый друг,

Скажи, что мертвым ты меня нашел

Здесь, у дороги.

А теперь — прощай!

Коман твоим заботам поручаю.

Прощай — навек!

Он хочет заколоться.

Коман бросается к нему:

— Что? Как?

Мне говоришь — останься? Что же,

Я без стыда и совести! Подумай!
Все будут восхвалять твою жену,
Ее решимость, преданность. Меня же
Позорить... И винить во всем.
Ты мне даруешь жизнь? Зачем?
На стыд и на позор?
Чтоб каждый встречный
В глаза и за глаза
Смеялся надо мной?
Но нет,
К чему слова пустые!
Еще подумают,
Что я хочу
Кого-нибудь разжалобить, лукавлю.
Нет, этого не будет!
Я умру!
Прости, что я тебя опережаю!

Она выхватывает свой кинжал.
Ёсаку кинулся...
Схватил за руку...
Остановил.
— Коман! Да, ты права.
К чему возвышенная речь! Слова
Хвалений, благодарности — для тех,
Кто умереть готов?

Все это — шелуха,
Пустая кожа — и только...
Спаси нас, Будда!
Ты готова?

Они хотят друг друга заколоть.
Санай к ним бросился,
Кинжалы
У них он вырвал
И швыряет прочь
В лесную чащу.
Скрежеща зубами
От гнева а досады, он кидает
Ёсаку и Коман на землю...

— А, неблагодарный! Недостойный называться человеком! Чудовище!..

Ведь в прежние времена князь наш поставил тебя начальником над своими воинами! В пути всегда за тобой следовали два копыеносца! Но теперь у тебя в груди — сердце неразумного погонщика!

Было у меня много друзей в товарищей, но именно тебя я, Сагисака Санай, считал своим братом, — вот что обидно! Ведь мой отец Саконьэмон в день твоего совершеннолетия надел тебе на голову убор взрослого мужчины и дал тебе имя Ёсаку! Ты вопишь: «Умру! Умру!» Неужели умереть — это

уж такое небывалое дело? Ты полагаешь, что самоубийство — смерть, достойная война?

Вот первому ворваться в замок вражий,

Испробовать свое копьё в сраженьё

Иль голову срубить

Могучему врагу

И, нападая, пасть в бою — такая

Смерть подобает воину!

Но помни:

Она дается только смельчаку,

Ее завоевать не так-то просто!

Э!.. Ни в одной священной книге не сказано, что закончить с собою вместе с девицей — это великий подвиг!

Ты боишься мелкого унижения. Но разве не последний позор — ответить черной неблагодарностью на милосердие князя? Или ты уже забыл об этом?

Презренный! Да если бы все показывали на тебя пальцами, обзывая собакой, то и тогда твой долг повелевал бы тебе проглотить этот позор! Вот что значит быть настоящим самураем, прямодушным воином, для которого честь и верность выше обиды!

Но ты уже не способен отличить истину от лжи. Что ж! Убей себя. Я, Санай, не стану тебя удерживать. Поступи по своему разумению!

Однако не подобает простому погонщику погибнуть от воинского меча. Хочешь умереть — откуси себе язык, спрыгни с каменной скалы, а еще лучше — удави себя грязной уздой от ломовой лошади!

А я — из сострадания к тебе —

Останусь тут и погляжу...

Э! Я всю душу вымотал свою,
Внушая чувство чести человеку,
Который был когда-то самураем,
Теперь — не самурай! —

И он в сердцах

Зевает во весь рот...

Ёсаку зарыдал:

— Я был неправ, Санай!

Мой разум помутился.

Несчастья омрачили душу мне

И спутали мне мысли. Отдаю

Свою судьбу тебе.

Повелевай,

Я повинуюсь!

Он сложил ладони

И поднял их в мольбе.

Санай встает.

— Так ты согласен? Отлично! Отлично! Теперь ты опять прежний Ёсаку. Я сам буду просить милости для тебя у нашей юной госпожи!

Он громко говорит:

— Прошу вас, почтенные дамы, доложите нашей госпоже: ее приказ исполнен.

Ёсаку,
Послушный повелению,
Остался жить и отказался
От мысли о самоубийстве!

Возгласы радости!
Носильщиков веселые крики!
Спешат поднять паланкины,
Подносят их ближе...
Раздвинуты занавески.
Распахнуты дверцы.
Санкити, по прозванию Дикарь, —
Теперь он снова — Ёносукэ, —
И кормилица Сигэнои
Склоняются в чинном поклоне,
Как пристойно супруге и сыну
Благородного самурая...
Ёсаку и Коман
Склонились вместе с ними.

Все четверо
Взглянули друг на друга.
Глаза блестят
От благодарных слез.
Нет сил для долгой речи...
Они, собравшись с духом,
Говорят
(Рыдания слова их прерывают):
«О-химэсама,
Наша госпожа,
Нам даровала счастье,

Жизнь и милость,
И мы ей вечно будем благодарны!»

Юная госпожа
Чуть-чуть раздвигает
Парчовые занавески.
— Так это — он,
Ёсаку из Тамба,
О котором песни поют?
А прославленная Коман,
Я вижу, еще красивей,
Чем на пестрых картинках
В книгах моих.
Говорят, она прекрасно танцует!
Мы здесь проведем целый день,
Пусть Коман покажет
Искусство свое:
Я велю моим самураям
Щедро ее наградить!

Она говорит,
Как подобает
Властительной госпоже,
И каждое слово ее
Рождает тысячу мер зерна,
Тысячу золотых монет,

Счастье тысячи поколений,
Чтобы дольше жил
Прославленный род,
Дольше, чем тысячетлетние сосны,
Дольше, чем вековечные скалы.

Дорогу, дорогу коням!

Единое слово —
И снова ты стал самураем,
Счастливец Ёсаку из Тамба.
Мы в песнях имя твое прославляем,
Ёсаку из Тамба!
Ты снова можешь гордиться
Двумя мечами
В столице вишневых садов — Эдо!

Дорогу, дорогу коням!

По длинной дороге
Ты шла, Коман,
Сквозь туман и ненастье,
Тоскуя и плача,
Не зная, что впереди — удача,
Что судьба тебе уготовит счастье.

Дорогу, дорогу коням!

Звонкие флейты
Сзывают юных танцовщиц.
Радостно топают кони
Под дробный гром барабанов.
Прекрасны движенья
Юных плясуний,
Их одежды прекрасны —
Золотые, красные,
С головы до ног —
Загляденье!

И Коман в их кругу —
Всех прелестней —
Танцует
Под звуки песни,
Кружится, кружится
На осеннем дугу.

День радости!
Праздник любви!

**САМОУБИЙСТВО
ВЛЮБЛЕННЫХ
НА ОСТРОВЕ
НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ**

«Подожди меня у моста!

Баккара-фунгоро — у моста! —
Просил о н . — Скажи, подождешь?
Фунгоро-нокоро — подождешь?»

«Ах, я с собой не взяла зонта!
Гляди, собирается дождь!

Баккара-ваккара-фунгоро,
Баккаря-ваккара-фунгоро!»

Все говорят:

«Селенье любви» —

Рай на земле

Для простака»,

Но девушек здешних

Любовь глубока.

Здесь течет Сидзими,

Ракушек река,

Но моря любви

Не вычерпать ими,

Не осушить до самого дна.

Здесь любовь до смерти верна.

Полно гостей

В квартале Сонэдзаки.

Всегда шатается здесь разный сброд.

Разгуливают, пляшутся без дела,

Горланят песни
Из любимых пьес,
Кривляются, актерам подражая,
Ломаются, насмешничают, пляшут —
Ну, кто во что горазд!..

Есть и такие гости:
Прочтут на фонаре
Название дома:
«Застава радостных письмен»,
И сердце
Подманивает их остановиться.
Стоят и слушают,
А там, в покоях верхних,
Призывный звон
Веселых сямисэнов.
Ну как тут устоять и не зайти?

И такие гости бывают,
Что праздник «момби» они забывают.
Девушек — всех подряд —
В день «момби» дарят
Монетою звонкой,
А этот норовит
Проскользнуть сторонкой.
Прячется в тень,

Даже съжится весь,
Хоть каждый вечер
Гуляет здесь.
Денежек жаль иному скряге,
Он и спешит пройти поскорей.
Но служанка Киё,
Полна отваги,
Сторожит у дверей.

«Жалкий беглец! Кажется, он?»
Цоп! И хватает за капюшон.
Киё, как герой, на поле битвы,
Словно Кагэкиё, хватает врага.
«Стой, если жизнь тебе дорога!
Входи!»
Не помогут просьбы, молитвы!
Войдет, а там уж его обучат!
Там одурачат!
Колпак нахлобучат!
Кошель растрясут
Скупердиям в пример.
На то и «момби»,
Праздник гетер!
И такие гости бывают.

Здесь каждый мост
Цветка название носит:
«Мост сливы», «Вишен мост»...
И вот среди цветов
Еще один цветок,
Та самая Кох'ару
Из дома «Кинокуния».
Оставив бани южного предместья,
Она теперь живет
В «селении любви»

И легкий свой халат переменяла
На праздничный наряд гетеры.
«Кохару» — «Малая весна»,
Ведь так зовется
Последнее тепло поры осенней...
Такое имя — знак несчастья, знак,
Что эта девушка
Покинет мир
В десятый месяц года
И оставит
Запятнанную память о себе.

Откуда слышен дальний зов кукушки?
Сегодня ночью кто позвал Кохару?
Она идет по улице.
За ней
Служанка Суги еле поспекает.
Навстречу им еще одна красотка
Торопится куда-то
И вдруг при ярком свете фонаря,
Узнав Кохару, замедляет шаг
И говорит:
— Да это ты, Кохару?
Давным-давно
Не веселились мы с тобою вместе,

В одной компании!
Как поживаешь ты?
Постой, как ты осунулась, бедняжка!
Какое изможденное лицо!
Как похудела ты!
Ты не больна?

Говорят, у тебя много огорчений из-за Дзихэя, торговца бумагой. Будто тебе строго-настрого запретили с ним встречаться. Я слышала еще, будто твой хозяин так и впивается глазами во всех твоих гостей. Боятся, как бы не пробрался к тебе твой возлюбленный. Тебя, говорят, редко-редко посылают куда-нибудь. Веселая жизнь, нечего сказать!

Да от кого-то я еще слыхала,
Что хочет выкупить тебя торговец
По имени Тахэй
И ты должна
Поехать с ним в провинцию Итами.
Все это правда?.. Или...

Но Кохару
Подругу прерывает:
— О!.. Молчи!
Не смей напоминать мне про Итами!
И там, в Итами,
Стану я томиться!..

Вот горе: ничего особенного нет между мной и Дзихэем. А этот болтун, пустослов, этот сплетник Тахэй распускает про меня гадкие слухи. Дурная слава — что может быть хуже? Ты права: меня покинули все хорошие гости. Мои хозяева не позволяют мне встречаться с Дзихэем. Они говорят, что вся беда из-за него. А теперь нам даже переписываться не позволяют, вот до чего дошло!

А нынче я удивлена: меня
Послали в чайный домик «Кавасё».
Там будет гость, какой-то самурай.
Меня он пожелал,
И вот спешу!
Но я в тревоге,
Как бы по дороге
Не встретиться с Тахэем.
Боюсь его: он словно кровный враг мне!
Постой!..
Не он ли там виднеется в толпе?

Подруга оглянулась.
В самом деле!
Из первого квартала
С толпой гуляк идет *намайда-бодзу*,
Переодетый бонзой скоморох.
А среди толпы пьянчуг и оборванцев

Какой-то затесался весельчак,
Разряжен в пух и прах,
В причёске фатовской.
И сразу видно,
Хвостун и грубиян.
— Конечно, он, Тахэй!
Скорей беги, Кохару!
Толпа валит сюда...

Кохару не успела убежать,
Как появляется монах-кривляка.
Он в рясе шутовской, а рукава
Закатаны на волосатых лапах.
В такт гонгу своему бормочет чушь,
Юродствуя, горланит он молитвы
И дзёрури
О битвах Коксинги
И о безумцах,
С собой покончивших из-за любви.

«День-день-день» —
Трезвонит дребедень
Он целый день,
Не жалея сил.
— День-день-день!
Коксинга возгласил:

«Говорят, жил китаец Хан Кай.
Был могуч он и смел,
И добился он славы:
Лучше всех он умел
Крушить заставы!
А по мне, славы достоин
Только один:
Асахина — японский воин!
Вот кто ловок был и силен!
Лучше всех ворота проламывал он!»
Вот идет на врага
Коксинга,
Полон бешеной злобы.
Что запоры ему
и железные скобы?
Разобьет поперечную балку ворот
И ограду из бревен тоже сдерет!
Обезглавит Урёко,
Обесславит Сарёко
И с победным кличем,
Могучий,
Идет
Сквозь заставу Луны и Солнца,
Как Луна и Солнце пролетают
сквозь тучи.
Вот как исстари повелось!

Помилуй нас... помилос, помилос!
Намайда-намайда!
Дон-дон-дон!..

Вот обезумевший Ванкью,
Оборванный и нищий.
Он ищет милую свою,
Возлюбленную ищет.
Он бродит средь толпы зевак,
Утешиться не хочет.
То плачет горестно, чудак,
То весело он хохочет.
Вот как он плачет: о-о-о!
Вот как хохочет: ха-ха-ха!
Сто девушек — и что же?
Нет ни одной на нее похожей.
Как пес, он валяется на траве,
В канаве у забора.
С таким смятеньем в голове
Наш мир он покинет скоро!
Вот жизни горестный конец!
А был он богач! А был молодец!

Вот как погибнуть ему довелось!
Намайда-намайда!..
Помилуй нас... помилос, помилос!

Эй-эй-эй-эй!
Красильщик Токубэй,
Сколько варил он составов и масел,
Всё ткани красил,
И невзначай окрасился сам
Любовью к красотке Фуса!
Самая стойкая краска!
Ни мылом ее не проймешь,
Не выбелишь щелочком,
Не сотрешь любовной работой.
Стал он мотом и щеголем.
Деньги свои распхвирял без счета,
А где их снова возьмешь?
С этого горе его началось.
Помилуй нас... помилос... помилос!..

Он кончил петь.
Но тут служанка Суги
Монетку достает из рукава
И подает ему:
— Послушай, бонза!
— Чего тебе?
— Не накликай несчастья!

Твои песни — зловещие песни. Что это ты вздумал распевать про самоубийцу Токубэя? И как раз теперь, когда в нашем квартале любви уже давно не

слышно о самоубийстве влюбленных. Лучше спой нам про битвы славного Коксинги, про его путешествие!

Но скоморох не хочет:

— Что такое?

Как? За один или два гроша

Путешествие за три тысячи ри?

В далекий Китай?

Эта песня слишком для вас хороша!

Будет с вас песен... Буде!.. Буде!..

Помолимся Будде! Помолимся Будде!..

Бу-бу-бу!..

И бонза-шут,

Под нос себе ворча,

Уходит прочь с гуляками.

Кохару,

С толпой зевак смешавшись, впопыхах

Вбегает в чайный домик «Кавасё».

Ее встречает бойкая хозяйка:

— Скажите пожалуйста, как скоро пожаловали! Вот спасибо! А то о вас последнее время и слух пропал. Редкая гостья, госпожа Кохару! Давно не заглядывали, госпожа Кохару! В добрый час, госпожа Кохару!

Вот тараторка!
Бойкий язычок!
Хозяйка так трещит, что за семь улиц,
Пожалуй, слышно: «Госпожа Кохару!»
— Что вы! Что вы! На улице слышно! Умоляю вас,
не называйте громко моего имени. Там, у входа —
ненавистный злодей Ри Тотэн. Ну, вы меня понимаете.

Я вас прошу, потише!

Не успела
Она договорить,
Как в чайный домик
Три удалыца с Тахэем во главе
Без спроса ворвались.
— А, так! Я, оказывается, Ри Тотэн! Я злодей
Ри Тотэн! Нечего сказать, одолжила! Спасибо, спасибо!..

Друзья мои, поглядите! Вот она, та самая Кохару!
Я о ней рассказал вам по секрету всю подноготную.
Вот она, знаменитая Кохару, несравненная по уму
и сердцу, несравненная в постели! Станет ли она на
днях моей женой, или ее выкупит хозяин бумажной
лавчонки Дзихэй? Что и толковать, девица нарасхват.
Так и рвут на части! Прошу любить ее и жаловать.
Отнесите к ней запросто, по-дружески.

Тахэй идет к Кохару
И с наглым видом
За руку хватается.
Кохару отвернулась от него:

— Я вас не стану слушать. Отпустите!

Вы полагаете, что это подвиг, достойный настоящего мужчины, — распускать дурные слухи про людей, о которых вы ничего толком не знаете? Можете говорить все, что вам угодно, я и слушать не хочу! Пустите меня!

Кохару вырвалась. Но грубиян
Опять ее хватается... И, достав
Тугой кошель, перед ее лицом
Бренчит деньгами:

— А, не хочешь слушать?..

Не хочешь меня слушать? Так я заставлю тебя, заставлю — звоном моих золотых. Нечего сказать, хорошую судьбу ты себе готовишь! Здорово тебе повезло! В трех частях города Осака мужчин хоть отбавляй. А ты? Ну кого ты выбрала? Дзихэя?.. Дзихэй, бумажный торговец Дзихэй! Да он связан семьей по рукам и по ногам! Отец двух детей; женат па своей двоюродной сестре; тесть у него — муж его родной тетки! Торговлишка у Дзихэя захудалая, катится под гору. Он даже не знает, как рас-

платиться в срок с оптовиками. Вот какая у него торговля!

Ну, подумай сама, как он может выложить за тебя выкуп — целых десять каммэ серебром? Смешно! Все равно что сядет богомол посреди дороги и станет махать передними лапками, чтобы остановить экипаж!

А я?.. Я — вольный Тахэй!

Нет у меня ни детей, ни жены.

Нет у меня ни тещи, ни тестя.

Я — Тахэй «Сам по себе»,

Ни от кого приказаний не слышу.

Я не живу по чужой указке!

В бахвальстве я, пожалуй, не смогу потягаться с этим Дзихэем. Но уж если речь пойдет о деньгах — тут Тахэя никому не одолеть! Да-да-да! Тут уж, друзья, все мне подвластно! Все могу купить!.. Уж наверно, это он, пройдоха Дзихэй, вызвал Кохару сюда на ночь. Но я ее отобью. Переманю ее, перекуплю! Тахэй «Сам по себе» никому не уступит возлюбленной.

Эй, хозяйка, давай вина!

Всем нам подай вина!

Так он буянит.

Хитрая хозяйка

Пытается его утихомирить:

— Что вы, господин Тахэй! Нельзя, нельзя! Нынче ночью Кохару занята: к ней придет гость, знатный гость, почтенный самурай — с двумя мечами. Он вот-вот пожалует. А вы ступайте с друзьями своими. Развлекитесь в каком-нибудь другом чайном доме! —

Тахэй упрям.

Его не образумишь.

Он нагло продолжает болтовню:

— Глупости! Гость — все равно гость, кто бы он ни был. Носит он два меча или один, самурай он или горожанин. Ведь у каждого есть свой собственный меч! Хо-хо!..

Ты говоришь: самурай, самурай!

Да если он будет при полном параде,

И то у него только два меча:

Короткий и длинный!

Раз-два — и обчелся!

А я, богач, ничего не значу?

Беру Кохару

С самураем в придачу!

И куда от меня убежишь, Кохару?

Ведь если написано на роду,

Везде я тебя найду!

Вот и сейчас нашей встрече помог

Монах-скоморох.

А я, Тахэй,
Чем не монах?
Я тоже могу бормотать молитвы!
О, дивная сила великих сутр!
Вот сковородка — отличный гонг,
Вот колотушка — табачная трубка!
Бум-бум-бум!

Эй!..

Бумага, бумага!
Дзихэй! Дзихэй!
Ума он лишился:
В красотку Кохару влюбился!
Ну, быть беде:
А деньги-то где?..
Обрывки, клочки, мусор бумажный!
А золото где для девицы продажной?
Ну хоть не золото — медь!
Одни лоскуты бумаги рисовой,
Нагнись, подними и нос утри с в о й , —
Да противно и нос утереть!
Вот под ногами
Дзихэй-ханагами,
Дрянной бумаги клочок,
Дзихэй — обманщик, пустой стручок!
Все богатство его в грязи расплзлось!

Намайда-намайда!

Помилуй нас... помилос... помилос!

Пока Тахэй бахвалится, шумит,

У двери появился новый гость.

И ночью прячет он свое лицо,

Надвинул низко

Шляпу-амигасу,

Тахэй пришельца принял за Дзихэя.

Конечно, незадачливый соперник

Украдкою пожаловал!

И гостя

Тахэй без церемонии хватает

И тащит в дом,

Крича и гогоча:

— А! Дзихэй!.. Пожаловала бумага, дрянная бумага! Бумажный мусор с помойки! Грязные обрывки, обшарпанные лоскуты! Ну что ты упираешься?

Трус! Ты боишься

Моих молитв!

Скорей — говори:

Помилуй нас Будда!

Зови на помощь себе Амитабу,

Не то сдery

С тебя амигасу! —

Буян пытается

Отнять у гостя шляпу,
Под фонарем взглянул —
Остолбенел:
И вправду — настоящий самурай!
С двумя мечами —
Длинным и коротким;
Под сенью шляпы
Черные глаза,
Свирепые, от гнева округлились,
Как два блестящих гонга.
И Тахэй,
Не в силах вымолвить
Ни «боже», ни «спаси нас!» —
Скорее на попятную... Дрожит,

Старается

Не показать испуга

И все же хорохорится:

— Да-да! Ну-ну... Так-так... видно, я ошибся. Ну, госпожа Кохару, я — горожанин, длинного меча никогда не носил. Зато дома у меня немало найдется серебра, полновесного серебра. Я полагаю, что блеск моего серебра может затмить блеск любого клинка.

А что касается

До вашего Дзихэя,

Бумажного Дзихэя, — это мусор,

Негодный мусор! Все его богатство —

Обрывок рисовой бумаги! Э!..

И где ему соперничать с Тахэем

«Сам по себе»?

Пошли, друзья, пошли!

От «Моста вишен» и до Накамэти —

Широкая дорога.

Уж наверно,

Мы где-нибудь бумажника найдем

И втопчем в грязь его!..

Тахэй ушел,

Гордясь, что так удачно

Скрыл свой испуг.

За ним его друзья

Пошли, крича и чванясь.
Но Кохару...
Вся побледнев, почти лишилась сил,
Оскорблена, испугана, страшась
За милого...
В слезах...
Она забыла
Приветствовать, как подобает, гостя.
Она лицо закрыла рукавом...

Но тут из дома «Кинокуния»
Стремглав служанка Суги прибежала
В большом смущеньи:

— Простите, простите! Когда я проводила сюда госпожу Кохару, дорогой гость еще не успел пожаловаться. И мои хозяева — ужас, ужас, как меня разбрали за то, что я не проверила: уж не переодетый ли это Дзихэй?

Так я должна проверить!
Извините
Мою невежливость,
Почтенный гость.
Хозяева велели убедиться!

И Суги, шляпу гостя приподняв,
К его лицу фонарь подносит.

— Гм!..

Конечно, это не Дзихэй!

Простите!

Ну, госпожа! Я покидаю вас

В приятном обществе.

Оставьте гостя на ночь.

Да!.. Ночка будет бурной.

Не беда!

Для этого дождя не нужен зонтик.

Повеселите гостя, покажите

Искусство ваше!

Много-много раз

Распахивайте веер!

Свой салат

Приправьте красным перцем!

Пусть огурчик

Помаринуется на славу в сое!

Хозяйка! С вами я еще увижусь, —

Так сыплет шутками служанка Суги.

Но до сих пор молчавший самурай

Заговорил,

Он недоволен, он

Разгневан:

— Да что же это в самом деле? Здесь так изучают лица гостей, как придирчивый покупатель разгляды-

вает подозрительный товар. Крутят меня во все стороны, как гончар — чайник или чашку. Хотят меня оболванить, что ли? Разве я пришел сюда затем, чтобы надо мной издевались?..

Из ограды замка моего господина даже днем нелегко выйти, а чтобы отлучиться на ночь, нужно выпросить разрешение у самого начальника дворцовой стражи, и притом расписаться в книге отпусков. Правила у нас строгие, строже не бывает! Но я наслышался о красоте госпожи Кохару и стал томиться любовью к ней. Недавно я сам заходил сюда уговориться о ночном свидании: я сам пришел, не прислал слугу!

Госпожа Кохару! Я-то думал, что свидание с вами останется для меня приятным воспоминанием на всю жизнь, если я хоть на одну ночь доверюсь вашей любви! И что же?.. Ни одной улыбки, ни слова привета. Вы все время смотрите вниз, словно деньги считаете у себя за пазухой. Не заболела ли у вас шея? Что же это такое, хозяйка? Пришел в чайный дом к веселой красавице, и на тебе — тоска такая, словно должен ухаживать за роженицей. Это невероятный случай!

Вот как разгневан этот самурай!
Хозяйка хочет гостя успокоить:

— Вы правы, вы правы. Разумеется, все это кажется вам странным. Но я все вам объясню!.. У госпожи Кохару есть любимый гость, по имени Дзихэй. Сегодня — Дзихэй, завтра — Дзихэй, каждую ночь — Дзихэй. А другой гость к ней и не сунься. Богатые гости так и разлетелись во все стороны, как листья в бурю. А если такая страсть разыграется, то уж оба словно одуреют от любви. Далеко ли до беды? Тут может случиться несчастье и с девушкой и с гостем. А главное, нашему делу от этого большой вред бывает. Понятно, что у нас, хозяев, повсюду один обычай: такой любви надо мешать. Вот почему мы так придирчиво оглядываем всех гостей:

Как бы Дзихэй украдкой не пробрался!
Девушка-то, пожалуй, права,
Станешь тут угрюмой и грустной!
Но и гость по-своему прав.
Гость-то повеселиться хочет!
Вот и выходит,
Что каждый прав!
Но, как хозяйка, я так скажу:
Самая правильная правота —
Не портить себе настроенья.
Ну-ка скорей
Выпейте чарочку!

Госпожа Кохару! Госпожа Кохару! Веселее, веселее! Улыбнитесь, прошу вас!

Так болтает хозяйка,
Желая умаслить гостя,
Но Кохару молчит...

Вот она подняла лицо,
По которому катятся слезы:

— Позвольте спросить вас, господин гость.

Смерть никого, конечно, не минует.

Но говорят,

Что тот, кто умирает

Во время «Десяти святых ночей»,

Хоть грешник он,

Становится святым

И в Будду превращается на небе.

Что, это правда?

— Мне откуда знать?

Спросите лучше у монаха в храме.

— Я так и сделаю,

Как вы сказали.

Но я еще осмелюсь вас спросить,

Что легче — петля или меч? И если

Решился кто-нибудь

Покончить с жизнью,

Что проще —
Удавить себя петлей
Иль перерезать горло?

— Что за странная девушка! Откуда мне это знать?
Я ведь не пробовал ни повеситься, ни зарезаться.
Спросите меня лучше о чем-нибудь веселом. А то я
хоть и воин, а как-то жутко становится на душе.

Гость хмурится.
Бывалая хозяйка

Торопитесь вмешаться в разговор:

— Госпожа Кохару! Госпожа Кохару! Это уже черес-
чур — так опарашить гостя, который пришел в пер-
вый раз. Ну придите в себя! Соберитесь с мыслями!
Схожу-ка я лучше за своим муженьком.

Выпьем вина! Выпьем вина!

Скоро ночь.

Не войти ли нам в дом?

Вслед за хозяйкой в дом они вошли.

А на небе вечерняя луна

Склоняется к закату.

Облака

Уже развеялись...

Шаги прохожих

Почти затихли...

В Тэмма есть храм,
Бога обитель,
С кровлей высокой.
Там обитает
Бог — покровитель
Города Осака.
В Тэмма — квартал,
Где повисли, пестря,
Вывески-флаги.
Кто не видал
Лавку Дзихэя,
Продавца бумаги?
В храме
Любой прихожанин заметен.
В храме ударили
В священный колокол... сплетен!
Со всех сторон
Несется трезвон,
Словно к беде и пожару:
Бумаготорговец
Влюблен
В красотку Кохару!
В несчастный час
Их любовь родилась.
Связали их боги
В несчастный час

Священным шнуром!
Но шнур пополам разорвали,
И бог найдется в небе едва ли,
Чтоб связать концы надежным узлом.
Они в разлуке живут, печальась,
Хотя обетами
Обменялись...

Каждую ночь, каждую ночь
Дзихэй из дома
Уходит прочь.
Он бродит
По улицам опустелым,
Словно душа расстается с телом.

Они поклялись
Повидаться хоть раз,
И это будет их смертный час!

Дзихэй и Кохару, поверьте,
Уже давно
Приготовились к смерти.

Дзихэй сегодня ужинал в харчевне
И новости узнал.
Как?.. У нее свиданье?..

В домишке «Кавасё»?.. Гость — самурай?
«Сегодня ночью, — думает Дзихэй, —
Сегодня ночью
Вместе мы умрем!»
И к дому «Кавасё»
Подкрался он.
Лицом припал к решетке и глядит.
Любимую он видит.
В глубине
Он видит самурая в капюшоне.
Лица не видно.
Слов не слышно. Только
Чуть шевелится подбородок гостя.
Дзихэй бормочет:
— Бедная Кохару!
Несчастливая Кохару!..

Она все время отворачивает свое лицо от лампы. Как она побледнела! Как она похудела! Я чувствую, что ее сердце полно тревогой обо мне. О, если бы я мог потихоньку шепнуть ей, что я здесь, близко! О, если бы я мог убежать с ней куда-нибудь... В Умэда?.. В Китано?..

О!.. Как подать ей весть, позвать ее?

И в мыслях он с возлюбленной бежит
В счастливый отдаленный край...

А тело,
Как высохшая скорлупа цикады,
Приклеилось к решетке у окна.
Дзихэй рыдает,
Глядя на Кохару.

А гость,
Беседуя с красавицей, зевает:

— Какая тоска иметь дело с влюбленной девицей!
А на улице как стало тихо! Пойти, что ли, на веранду,
поглядеть на фонарь у входа, все станет душе не-
много веселее. —

Они вдвоем выходят на веранду.

— О боги милосердные! Скорей!

Я должен спрятаться! —

Дзихэй пригнулся.

Он в плечи голову втянул...

И тихо

Прокрался в тень решетки.

Но Кохару

И самурай его не замечают.

Гость продолжает

Прежнюю беседу:

— Ну, Кохару, по некоторым вашим словам я по-
нял, что вы хотите покончить самоубийством вместе
с этим — как его? — бумаготорговцем Дзихэем,

о котором тут болтала хозяйка. Я ведь не ошибся, правда?

Я хорошо знаю, что уши человека, который находится во власти у бога смерти, глухи к разумным уговорам. И все же я скажу: это ваше решение глупо, глупее не бывает, поверьте мне. Вот послушайте! Когда вы оба покончите с собой, то родные вашего возлюбленного не его будут винить в безрассудстве. Конечно, они во всем обвинят вас и станут вас проклинять. Чего только они не придумают про вас! Сотни зевак обступят мертвое ваше тело, будут глазеть на ваше обезображенное лицо. Какой стыд! Какой позор!.. Может быть, ваши родители умерли. Но если они живы, вас на том свете ждет еще наказание за дочернюю непочтительность. Нет-нет! Тогда уж вам не стать буддами в раю! Вас обоих разлучат на том свете, непременно разлучат. Даже в преисподнюю вместе вы не попадете. Как это ужасно! Как печально!..

Послушайте меня. Я вас вижу в первый раз. Но я — самурай. Не годится самураю безучастно глядеть на вашу гибель. Может быть, деньги могут все устроить? Я могу вам помочь, если пять или десять золотых чему-нибудь послужат. Да покарает меня Хатиман, бог — покровитель самураев, да лишит он меня своей милости, если я

когда-нибудь кому-нибудь хоть слово скажу обо всем этом.

Мне можете довериться, Кохару,
И расскажите без утайки все.

Спокойно, ласково он говорит
С несчастной девушкой.
Она сложила
Свои ладони:

— Как я благодарна!
Как тронута я нашей добротой!
Вы даже поклялись,
Хотя меж нами
Ни дружбы не было,
Ни связи, ни любви.
Я плачу...
От признательности плачу.

Говорят, любовь на лице написана. И верно: ее не скроешь. Вы угадали: мы уговорились с господином Дзихэем вместе умереть. Мы ведь не можем больше встречаться. И он не может меня выкупить. Какое горе!.. А мне осталось еще пять лет... — пять лет! — служить моим хозяевам. А если в эти годы меня выкупит кто-нибудь другой, это покроет позором не только меня, но и моего возлюбленного.

«Смерть легче, чем позор!
Умрем вдвоем!» —

Так он сказал.

«Умрем! — я обещала. —

Такая жизнь постыдна».

И теперь

Смерть — это наш неотвратимый долг.

Вот мы и условились ждать первого удобного случая. Не для любовной встречи... Когда господин Дзи-хэй даст мне знать: «Выйди украдкой!» — это будет знаком, что мы должны умереть. Вот так и живу я — в ожидании этого дня. Живу... и не живу.

А мать моя уже стара годами...

Ютится в жалкой хижине она

И кормится поденною работой.

Умру — что станет с ней?

Она должна

Стать нищенкой

Отверженной, скитаться

С рукой, протянутой за подаянием.

Она умрет

От горя и позора.

Какая грусть!..

Еще признаюсь вам:

Я молода,

И смерть мне ненавистна!

О, вы сочтете меня ничтожной обманщицей. Мне так стыдно. Но я отброшу стыд. Главное для меня — не умереть!

Пожалуйста, пожалуйста, молю
У ваших ног:
Не дайте умереть мне.
Ах, помогите мне! Я не хочу,
Не смею умереть,
Мне умереть нельзя,
И вам я буду преданна до гроба!

Так говорит она.
А самурай
В раздумии качает головой.

Дзихэй все слышал,
Он приходит в ярость.
Так вот как это дело обернулось!
Не верит он своим ушам.
Что?.. Как!..
Он вне себя
От гнева и стыда,
Он словно с дерева свалился,
Как незадачливая обезьяна.
— О-о!.. Обманщица!

Все, значит, было ложью?
Три долгих года?
Подлая лисица!
Она меня обманывала, значит!
О!.. Потаскуха с низкою душонкой!
Боишься умереть?
А долг?..
А стыд?..
Ворваться к ним и задушить ее?
Покончить разом с ней,
Одним ударом?
Иль просто осрамить ее?..
Не знаю.
Что делать мне?
Как душу облегчить?

Зубами он скрежещет.
Слезы льются
Из глаз его — от горя и обиды.
А на веранде слезы льет Кохару
И горько жалуется:

— Я знаю, я трусливая девушка, и моя просьба — позорная просьба. Но я прошу милосердия самаурая. Я не могу, я не смею умереть. Приходите ко мне чаще. Не покидайте меня! Приходите еще и еще... всю эту зиму... и всю весну...

И каждый раз,
Как этот человек
Придет ко мне просить,
Чтоб умерла я,
Мешайте и препятствуйте.
Я буду
Тянуть, оттягивать последнее свиданье...
И наша связь —
Как знать? — вдруг распадется.
Я не умру — и не умрет Дзихэй.
В несчастный час дала я обещанье
С ним умереть.
Печальная судьба!..
О, как жалею, как жалею я
Об этом обещанье!

И она,
Уткнувшись головой в колени гостя,
Рыдает.

— Я согласен вам помочь, —
Враздумье отвечает самурай. —
Гм-гм!.. Согласен!
У меня есть план.
Но ветер дует здесь. И люди могут
Услышать нас. —

И он встает и с шумом
Захлопывает раздвижные рамы.

Дзихэй, подслушивавший, обезумел
От бешенства:
— А!.. Барсучиха! Тварь
Продажная!
И как не раскусил я
Ее породы?
Мелкая воровка,
Мою судьбу укравшая и честь!

Что ж! Зарубить ее?
Проткнуть мечом?

Вот на бумаге рамы
Видны их тени:
Кохару тень и профиль самурая.
Дзихэя душит гнев:

— Избить ее!

Шнырнуть на землю!

Топтать ее ногами!

И о чем

Они молотят языками?

О чем болтают?

А Кохару

О чем-то просит, умоляет. Он

Нашептывает что-то ей...

Не в силах

Я это видеть. Растираю грудь!

Ну как все это вынести?

О, сердце!..

Он в иступление.

Он стремглав из ножен

Выхватывает острый меч работы

Сэки-но Магороку,

И, нацелясь,

Оп с криком:
«Вот где грудь Кохару!» —
Бьет,
Разит наотмашь сквозь решетку рамы,
Бумагу продырявив...
И по локоть
В отверстие рука его уходит.

Кохару, к счастью, далеко сидела.
Меч не достал ее.
Хоть испугалась,
Но невредима.
Самурай вскочил,
Раздвинул рамы настезь
И, за руки схватив Дзихэя,
Снимает быстро перевязь меча,
И мигом к перекладине окна
Дзихэя он прикручивает руки.
Не вырваться теперь.
Надежен узел.

Гость поспешил Кохару успокоить:
— Тревожиться не надо.
Но в окно,
Прошу вас, не выглядывайте. Стойте
Спокойно в стороне...

А в это время
На крик бегут хозяин и хозяйка.
— Что, что случилось тут?
— А! А!.. Пустое! —
Спокойно отвечает самурай:

— Какой-то буйан пробил мечом окно. Вот я и прикрутил его руки крепко-накрепко к оконной решетке. Прошу вас, не отвязывайте его. У меня есть свой план, свои соображения!

Ну, госпожа Кохару!
Того гляди, сбегутся сто зевак
И разыграется скандал.
Ни вам,
Ни мне здесь оставаться не годится.
Пойдем в глубь дома.
Поздний час. Пора
Нам лечь в постель.

«Да!» — говорит Кохару,
Хотя она в тревоге. Этот меч,
Пробивший раму, кажется знакомым.
Он не пронзил ей грудь,
Но ранил сердце!

— О, пьяные буйства — не редкость у нас, в квартале любви. Я думаю, что лучше отпустить этого

буяна подобру-поздорову. Не правда ли, господин
Кавасё? — хозяина Кохару убеждает.

Но гость настаивает на своем:

— Ну, нет, ну, нет!

Я не согласен. Мне

Все дело предоставьте. Все устрою.

Пойдемте в дом.

За мною все идите!

Они проходят в комнаты. Дзихэй

Следит, как тени их

Скользят и исчезают.

Но он прикручен накрепко. Шнуром

Он, как оковами преступник, связан.

Он вырывается, но только ту же

Затягивает узел...

Какой позор!

Невыносимый стыд!

Как низко пал он!

Он теперь как пес,

Прикованный к позорным

вожделям!

Из глаз кровавые струятся слезы.

Не может даже спрятать он лицо.

О! О! Как жалок он!..

Еще беда:
Тахэй «Сам по себе» идет сюда.
Довольно он уже бродил без дела,
И шляться по кварталу надоело.

— А!.. Что я вижу?
Кто-то здесь привязан
К решетке дома «Кавасё». Да это
Знакомый наш Дзихэй! Конечно, он!
Дзихэй — банкрот, обманщик!
Я швырну
Его на землю! —
И, схватив Дзихэя,
Он с силой дергает его за ворот.
Бедняк невольно застонал:

— О!.. О ! . . . —

Тахэй доволен.
Можно над врагом
Беспомощным
Поиздеваться вдоволь:

— А, трус, ты кричишь: «О!.. О!..» Да, ты привязан
шнуром. Значит, ты что-нибудь стянул, а веревка
тебя стянула! Ах ты, грабитель, бродяга, мелкий во-
рюга! Вот тебе! Вот тебе! —

Так говоря, он бьет его наотмашь,
Коленими пинает

И кричит:
— Ах ты, каторжник! Ах ты, висельник! Тебя уже повесили, а потом и голову отрубят. Вот тебе! Вот тебе!

Эй-эй-эй!
Бумаготорговец Дзихэй
Привязан, как пес у ворот!
Отлично, отлично!
Глядите, он
В воровстве уличен
И пойман с поличным! —
Так он орет.
Проснулись соседи.
Сбежался народ.
Всегда найдутся зеваки,
Раз дело доходит до драки!

На шум
Из дверей самурай выбегает:
— Это ты тут орал — «вор», «грабитель»? Ну, говори, что украл Дзихэй? А ну, выкладывай все на чистоту! —

И он, схватив Тахэя,
Его швыряет наземь. А когда
Тот, корчась, встать пытается,
Толкает

Его ногой, и снова
Тахэй летит на землю кувырком
И падает у ног Дзихэя.

Самурай

Советует:

— А ну, Дзихэй,
Ударь разок-другой
И душу отведи!

Привязанный Дзихэй
Ногами бьет лежащего врага
То по затылку, то в скулу.

Тахэй

В грязи, в кровоподтеках.

Он встает

И, обведя глазами всю толпу,

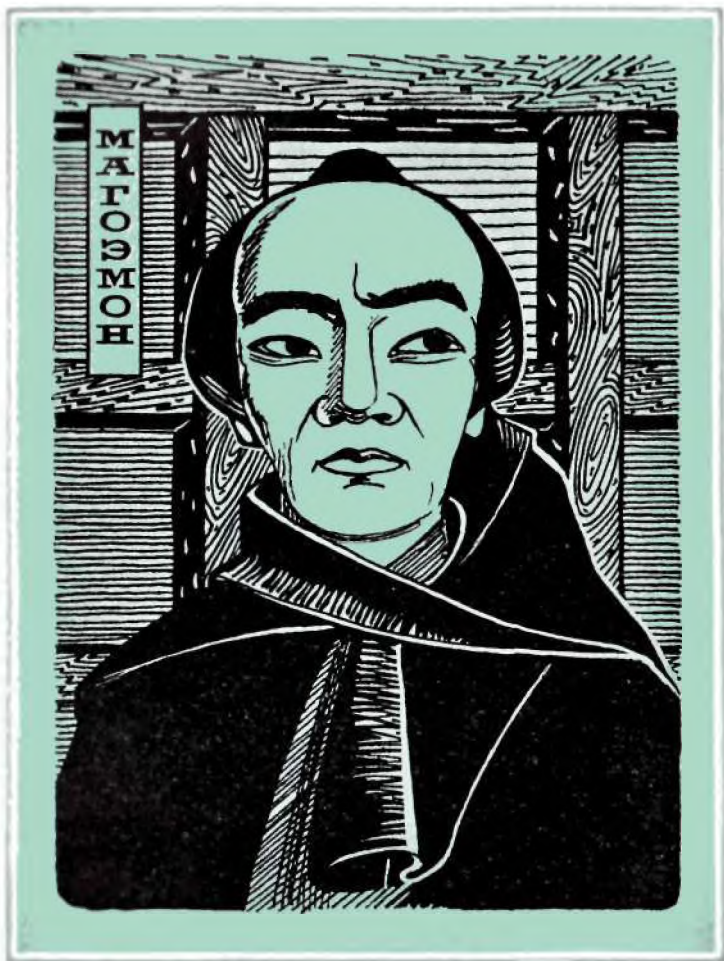
Ругается:

— А-а! Зеваки проклятые! Глазеют, как на представление, а нет того чтобы заступиться! Мерзавцы! Позволили, чтобы меня ногами топтали! Звери! Я запомнил рожу каждого из вас. Я еще посчитаюсь с вами! Будете меня помнить!

Но зрители хохочут: «Вот потеха!

Его ногами бьют,

А он трещит,

Как змей бумажный, языком.
Ему
Умыться надо!
Кто проворней? Сбросим
Его с моста в Сидзими.
Пусть воды
Он наглотеется и прохладится! Эй!
Куда?.. Куда?..
Он убежал! Держите!»
И вся толпа — вдогонку за Тахэем!

Тут, подойдя к Дзихэю,
Самурай
Развязывает шпур
И, шляпу сияв,
Показывает вдруг свое лицо.

Дзихэй взглянул
И рукавом закрылся.
— Магэмон допо! Мой старший брат!
О! Я покрыт позором! У меня
Нет больше чести...
Нет лица!.. —
И он
Упал ничком па землю
И рыдает.

Кохару выбежала из дверей:
— Как! Этот господин —
Ваш старший брат?..

Дзихэй вскочил. Он разъярен. Схватил
За вышитое кимоно Кохару
У самой шеи,
С силой притянул
Ее к себе и трешлет, как тростинку:
— Продажная! Обманщица! Лисица!
Мне хочется топтать тебя ногами,
Вот так! Вот так!
Больнее, чем Тахэя!

Он поднял ногу.
Но Магоэмон —
«Э-э! Не смей!» —
Прочь оттащил его.

— Ну вот!.. Ну вот, теперь ты видишь, из-за какого ничтожества, из-за какого пустого дела вся беда случилась!

Околпачивать мужчин — да ведь это ремесло продажной женщины! Теперь уж ты понял? Вот я, Магоэмон, с первой встречи заглянул в самую глубину сердца этой женщины. А ты?.. Простак, простак! Ты был близок с ней больше двух лет — двух лет! —

и не сумел понять, что у нее на душе! Почему ты не топчешь ногами свою собственную глупость, вместо того чтобы бить эту притворщицу!

Тебе, Дзихэй, почти тридцать лет, и ты — отец двух детей. Сыну твоему Кантаро шесть лет. Дочери твоей о-Суэ четыре года. У тебя большая лавка, есть где торговать. А ты что?.. Ты губишь свое дело. Ты, как слепой, прямо падаешь в яму!.. Увещаний твоего старшего брата ты и слушать не хочешь, пропускаешь их мимо ушей! Тесть твой — муж твоей родной тетки. Теща тебе — словно мать родная. Жена твоя о-Сан и мне тоже двоюродная сестра. Все мы связаны тесно друг с другом: узами брака, узами родства. А ты? Каждый раз, когда семья соберется, только и разговоров что про тебя: «Он таскается в Сонэдзаки! Шляется в Сонэдзаки!» Несчастливая наша тетушка!.. Муж со Годзаэмон-допо — почтенный человек, старой закалки. Он твердит: «Надул меня женин племянничек, надул!.. Погубил я свою дочь! Заберу-ка я ее домой и осрамлю зятя на весь город!» Так он ворчит. Тетушка одна несет бремя всех забот: то заступает за тебя, как за друга, то бранит тебя, как врага. Она извелась, исхудала. А если она заболит, отвечай: кто будет виноват?

Конечно, ты!

А ты, неблагодарный,

Не понимаешь, чем ты ей обязан,
Как горько прикрывать ей свой позор!
Тебе и нужды нет, да за один
Вот этот грех
Мишенью станешь ты
Небесного возмездия, повсюду,
Куда б ты ни бежал.

Если дело и дальше так пойдет, то дом твой долго не продержится. Вот я и решил, чтобы спасти твою семью от гибели, повидаться с твоей возлюбленной. Я задумал узнать, что у нее таится на сердце. И вот я договорился с хозяином Кавасё о ночном свидании с Кохару. Я хотел сам познакомиться с источником всех твоих бед. А!.. Нашел в самом деле, на кого променять жену и детей! До чего ж верная любовница! Славная победа!

О, ну и братец славный у меня!
Смотрите,
Я — для всех купец почтенный,
Мучник Магэмон.
Ну а сейчас?
Я ряженный! Я скоморох! Я шут
В процессии на празднике.
Мечи
Я нацепил и капюшон напялил.
Комедию ломаю, как актер

Последнего пошиба.
Самурай?
Позорище, посмешище, болван —
Вот кто я. О!..
От злости лопнет сердце,
И все из-за тебя!

И он скрипит зубами
И морщит лоб,
Чтоб слезы удержать.
Кохару, всхлипывая, говорит:
— О, как вы правы! —
И речь ее
Заглушена рыданием.

Дзихэй кричит, ногою топнув: — Я!..
Я виноват!
Мой брат! Да, я три года
Давал себя обманывать лисице!
Да, я пренебрегал своей семьей,
Женой, детьми,
Торговлей, тестем, тещей!
И все из-за нее!
О, я прозрел
И горько, горько каюсь.
Вырываю

Ее навек из сердца моего —
Ноги моей отныне здесь не будет.
Ты оборотень, ведьма, барсучиха,
Лисица и грабительница! Ты,
Ты тайно подкопала стену сердца
И дома моего!
Смотри сюда:
Вот доказательство,
Что я порвал с тобою!

Он с амулетами достал мешочек,
Который прежде прятал на груди.

— Вот они, вот они, эти письменные обеты, которыми мы обменивались в начале каждого месяца: их двадцать девять, двадцать девять! Вот! Я возвращаю их тебе, я их швыряю тебе в лицо. Нет у меня больше ни любви к тебе, ни привязанности. Вот они! Бери их обратно! —

И он мешочек ей в лицо кидает.

— Старший брат! Возьми у нее обеты, которые я ей дал, тщательно проверь их и сожги у себя дома. Ну, ты! Отдай сейчас же все обеты моему брату!

— Я повинуюсь. —
И Кохару, плача,
Такой же точно достает мешочек

И отдает его
Магоэмону.
А тот под фонарем
Внимательно считает все листы:
— Один, два, три, четыре, пять...
Да-да... еще... еще...
По счету точно
Все двадцать девять здесь.
Но здесь еще
Письмо от женщины!
Сейчас его прочту.

Кохару вдруг приподнялась:
— Письмо?..
Постойте, ах, постойте!
Я забыла.
Ах, это очень важное посланье.
Я не могу его отдать! И вам
Нельзя его читать!

Она подходит,
Чтоб выхватить письмо...
Магоэмон
Ее спокойно локтем отстраняет
И про себя при свете фонаря
Читает адрес:

«Госпоже Кохару
Послание от Сан,
Жены торговца
Бумагою».
Не дочитав,
С невозмутимым видом
Письмо за пазуху он прячет
И говорит:

— Послушайте, Кохару!

Полчаса тому назад я поклялся богом — покровителем самураев. А теперь, как торговец мукой Магоэмон, я призываю в свидетели бога — покровителя торговли. Я клянусь, что не покажу этого письма никому. Никому, даже своей жене.

Я сам прочту письмо,
А после брошу
Его в огонь. И все обеты ваши
Сожгу в огне.
Я вас не обману —
И клятву я сдержу.
Не надо плакать.

— Я так вам благодарна. Сохраню
Я честь свою... —
Она, упав ничком,
Безудержно рыдает.

Но Дзихэй
Не знает сострадания:
— Хо-хо-хо!
Туда же, падаль говорит о чести,
Как человек!
Скорей, Магоэмон,
Скорей пойдём отсюда.
Не могу
Я видеть эту женщину. Идем!
О, я не в силах вынести досаду.
Гнев, отвращение, презренье, боль
Мне разрывают сердце...
О, позволь,
Один лишь раз, но должен я ударить
Ее в лицо! —

И, подойдя к Кохару,
Он топает ногою по земле:
— Три года я считал тебя любимой,
Чудесной, несравненной.
Но сегодня...
Одним ударом я с тобой прощаюсь!

И он с размаху бьет ее ногой
В висок.
Кохару вскрикнула от боли
И снова залилась слезами.

Братья
Уходят вместе, полные печали.
Она их провожает скорбным взглядом,
Прощальным взглядом...
Как она тоскует!
Как слезы льются!
О, как жаль ее!..

Верна она иль не верна?
Кто скажет?
В письме и в сердце
Истина сокрыта.
Письмо написано женой Дзихэя.
Магэмон прочтет его.
А сердце
Кохару глубоко лежит в груди, —
И дум ее никто прочесть не может.

Пути влюбленных разошлись. Кохару
Осталась в Сонэдзаки.
А Дзихэй
Домой вернулся — к детям и жене.

В квартале Тэмма
 В богатом храме
 Люди молятся богу Амамицу-ками,
 Чтоб послал им счастье:
 В делах — удачу,
 В деньгах — прирост.
 Даже улица рядом —
 «Улица бога»,
 Торговая улица, посетителей много,
 Даже мост зовется —
 «Бога Тэндзина мост».
 Здесь по соседству
 И лавка бумаготорговца Дзихэя —
 От удачливых дедов наследство.
 Когда-то дело велось богато
 И бумага продавалась отличная.
 Обычно толклись покупателей сотни.
 Когда-то
 Дзихэю жилось вольготней.

Дремлет Дзихэй
 У очага-котацу.
 О-Сан торопливо
 Расставляет ширмы,
 Оберегая мужа
 От сквозного вечернего ветра.

А на улице люди торопятся в храм.
Сегодня — в последнюю из «Десяти
Святых ночей» — спешат помолиться...

У жены Дзихэя
Хлопот полон рот:
И хозяйство, и дети, и заботы о муже,
Да и торговля к тому же , —
Сотни забот.

— Дни теперь короткие, пора ужинать. *Тама* пошла на овощной рынок и не возвращается. Куда она запропала? Уж этот мне Сангоро! Одно горе, а не подмастерье. Плохо нянчит он детей! Ветер холодный, дети, должно быть, замерзли. Неужели он забыл, что сейчас уже время, когда о-Суэ просит грудь? Вот олух! Да, надо же было родиться таким дураком!

И вдруг сынок вбегает — Кантаро.
— Мама! Я вернулся один.
— Кантаро! Ты вернулся один? А куда девался Сангоро? И где о-Суэ?
— Мы играли около храма, но о-Суэ сказала, что хочет молочка, и начала плакать.
— Еще бы, еще бы! Ой, руки и ноги у тебя окоченели, словно гвозди. Скорей согрейся у котанцу, поди туда, там твой папа спит.

Ну что поделаешь
С болваном Сангоро?

О-Сан в досаде выбегает в лавку
И видит:
Подмастерье Сангоро
С развальцем возвращается домой,
Один, без о-Суэ.

— Какой болван!

Да где ж посмел ты о-Суэ оставить? —
Но подмастерье глуп.

Он отвечает:

— Смотри-ка, я, пожалуй, и на самом деле ее где-нибудь обронил. Кто-нибудь, уж верно, ее подобрал! Пойти, что ли, поискать?

— Ах ты, негодяй! Ах ты, бездельник! Да если с моей дорогой доченькой беда случится по твоей вине, я тебя отколочу, насмерть забью! —

Так в гневе на него кричит о-Сан.

Но в этот миг
Проворно входит в двери
Служанка Тама,
Неся ребенка на спине:
— Бедняжка!
На перекрестке плакала навзрыд.

Ну, Сангоро,
Ты в няньки не годишься!
Растяпа, дурень!
Кто ж детей бросает
На улице?.. —
Так все наперебой его бранят.

— Прозябла, дочка, и проголодалась!
Что, хочешь молочка? —
О-Сан садится ближе к очагу
И кормит грудью
Маленькую дочку.

— А ну-ка, Тама! Отколоти этого болвана! Чтоб он
хорошенько запомнил! Дай ему, дай ему горячих,
да побольше! —

Но Сангоро качает головой:

— Нет-нет, не стоит! Я сыт: только что возле храма
купил детям по два горячих пирожка, да и сам пяток
проглотил! —

Он балагурит на дурацкий лад.
И все ж о-Сан
Невольно улыбнулась,
И гнев ее утих...
Служанка Тама
Спешит хозяйке доложить:

— Чуть-чуть не забыла из-за этого дурака! Послу-

шайте, госпожа о-Сан. Сюда идут господин Магоэмон и ваша почтенная матушка. —

О-Сан встревожилась:

— Они идут сюда! Сейчас же надо разбудить моего Дзихэя. Вставайте, хозяин, вставайте! Сейчас сюда пожалует моя матушка, а с ней и ваш старший братец. Если они увидят, что купец спит посреди бела дня, они опять будут вами недовольны! Ведь теперь так быстро темнеет...

— А?.. Что?.. Ну ладно, ладно! —

И Дзихэй

Встает.

Одной рукою придвигает книгу

Торговую,

Другой рукою — счета.

Он притворяется, что погружен

В торговые дела.

— А ну-ка, проверим опять:

Десять разделить на два — пять.

А ну-ка, Дзихэй,

Еще раз столбец просмотри:

Девять делить на три — три.

Шесть разделить на три — два.

Прежде-то сколько случалось?

Сложишь едва, умножишь едва!

А теперь какая малость!
Семь умножить на восемь —
Выйдет пятьдесят шесть,
Сколько тетушке лет — аккурат...
Тетушка! Старший брат!
Какая честь,
Милости просим!

Добро пожаловать! А я сейчас занят быстрым подсчетом. Прошу прощения! Четыре на девять — тридцать шесть моммэ, трижды шесть выходит одно моммэ и восемь бу, еще два бу — и выйдет целый кан серебра! Кан, кан! А ну, Кантаро, живо тащи сюда поднос с табаком и трубками! О-Сан, принеси чаю почтенным гостям! —

Так с напускной развязностью
Он шутит.

Но тетка не намерена шутить:

— Нет-нет. Мы пришли сюда не затем, чтобы пить чай и табак курить. Послушай, о-Сан! Как ты ни молода, но все же мать двух детей. Быть покладистой и на все смотреть сквозь пальцы — это еще не самое главное в жизни. В беспутстве мужа повинна и жена-потатчица. Если погибнет благосостояние семьи, если супругам придется разлучиться, то позор падет не на одного только мужа.

О-Сан, будь твердой
И осмотрительной: следи за мужем!
Не распускай Дзихэя своего!

Магоэмон вмешался в разговор:

— Тетушка! Тетушка! Оставьте, все это ни к чему!
Он обманывает даже меня, своего старшего брата.
Неужели такой беспутный малый послушается укоров своей жены? Позор, позор, Дзихэй! Ловко же ты провел меня, Магоэмона! На моих глазах ты вернул этой продажной женщине все обеты, а не прошло десяти дней, и что же? Ты выкупаешь ее из веселого дома! Э-э!.. Негодяй! Ну что ты теперь подсчитывал на счетах? Отвечай! Долги Кохару? —

И в гневе он выдергивает счета
Из рук Дзихэя и швыряет их
Через окно во двор.

Дзихэй ошеломлен.

— Уверяю вас, это ошибка, это недоразумение. Мой старший брат! Я говорю правду: со времени нашей последней встречи я только три раза переступил порог моего дома! Два раза побывал у оптовика на Имабаси и один раз в храме бога Тэндзин. Выкупить Кохару? Да что вы! Я о ней даже не вспомнил ни разу!

Но тетушка племяннику не верит:
— Не лги, не лги! В прошлый раз в храме Тэндзин на службе по случаю «Десяти святых ночей» среди прихожан только и шли пересуды о том, что «один богатый покровитель» из Тэмма так влюбился в продажную женщину по имени Кохару из дома «Кинокуния», что разогнал всех ее прочих гостей и поклонников, и что не сегодня-завтра этот «богатый покровитель» выкупит ее! Вот какие шли толки!

И прихожане очень удивлялись,
Толкуя меж собою:
«В наши дни,
Когда повсюду цены подскочили,
По-прежнему и лишних денег много,
И много дураков!»

Мой старик Годзаэмон-доно услышал, что все повторяют имя Кохару, и сразу насторожился. Он хорошо понял, о ком речь идет.

Когда мы вернулись домой, он мне сказал: «Богатый покровитель из Тэмма, который спутался с этой Кохару из дома «Кинокуния», конечно, Дзихэй. Он твой племянничек, да мне-то он чужой. Дурак, который выкупает девицу из веселого заведения, способен продать свою собственную жену в чайный дом. Пока он не спустил за гроши приданое моей дочери, все ее платья и пояса, я лучше возьму ее назад к себе домой».

И он уже перешагнул порог,
Да я за ним проворно побежала
И успокоила:
«Ну что ты так шумишь?
Все надо хорошенько разузнать
И взвесить доводы
И «за» и «против»!»
Для этого я и пришла сюда
С Магэмоном вместе!

Сперва я поверила всему, что тогда мне рассказал
Магэмон: сегодняшний Дзихэй совсем не похож на
вчерашнего; он-де порвал всякую связь с кварталом
Сонэдзаки, он стал самым примерным из мужей.

Но не успела я
Порадоваться этой доброй вести,
Гляжу — еще все хуже обернулось.
Что за напасть?
Что за болезнь такая?
Покойный твой отец — мой старший
брат —

С трудом приподнял, умирая,
С подушки голову
И умолял меня:
«Дзихэй — твой зять
И твой родной племянник.
Прошу тебя,

Заботьяся о Дзихэе!»
Поверь, я не забыла слов его.
Но ты!.. Как дурно ты себя ведешь!
Напрасны были все его заботы.
Какое горе! —
И, упав ничком,
Она рыдает в голос.

Дзихэй всплеснул руками:
— А-а-а!.. Понял, понял! Кохару, про которую там сплетничали, — это, конечно, та самая Кохару. Но «богатый покровитель» — это не я, это совсем другой человек. Тахэй «Сам по себе» — вот кто этот богатый гость! Мой старший брат, вы, конечно, его помните: это он так буйствовал в ту ночь. Я его еще ногами топтал! У этого гуляки нет ни жены, ни детей, ни близких родственников. Денег ему присылают уйму, сколько ему заблагорассудится, прямо из Итами. Это его родина. Этот прохвост давно хотел выкупить Кохару, да я стал ему поперек дороги.

Как только бросил я Кохару, он
Решил:
Теперь настал удобный час.
И вот Тахэй Кохару выкупает,
А я здесь ни при чем!

Лицо о-Сан

Невольно просветлело.

— Будь я так же добра, как сам великий Будда, и то... вряд ли я стала бы потакать мужу, если б он задумал выкупить женщину из веселого дома. Матушка! Почтенный деверь! Все это правда. В словах моего мужа нет ни крупинки лжи. Я ручаюсь за Дзихэя.

Слова жены и мужа так похожи,
Так верно сходятся между собой,
Как половинки
От платежной бирки.

Магэмон и тетушка всплеснули
От радости руками:
Вот в чем дело!
И тетушка смягчилась:
— Хорошо!..

Но все же в этом деле нужна большая осмотрительность. Я очень рада, очень рада! Но чтобы нас уж совсем успокоить и чтобы мой упрямый муженек выбросил из головы все лишние подозрения, согласен ли ты, Дзихэй, дать нам письменный обет по всем правилам?

— Готов хоть тысячу я написать!

Теперь Магэмон поверил брату.
— Я рад, я рад. А я как раз купил
Священную бумагу для обета,
Когда я шел сюда! —
Магэмон
Полез к себе за пазуху рукой,
Достал священный амулет из храма
Кумано —
Лист бумаги, на котором
Большая стая воронов видна.

Дзихэй берет его.
Он, видно, позабыл
Другой обет:
Любить Кохару вечно,
Обет быть неразлучными всегда,
Как два крыла
У птицы неразлучны.

Дзихэй взял тушечницу, кисть
И пишет твердою рукой на амулете:
«Обет небесной кары.
Разрываю
Я связь с Кохару
Из дома «Кинокуния».
Клянусь,
  что даже думать перестану
О ней. А если я солгу, пускай
Обрушат кару на меня все боги:
Великий Брама, Индра, все четыре
Небесных князя,
Будды, бодхисатвы
И прочие властители судеб».
Так, не колеблясь,
Пишет свой обет
Дзихэй.
Потом своею кровью ставит

Внизу печать
И отдает бумагу.

О-Сан развеселилась:

— Ах, благодаря матушке и деверю я теперь спокойна! У меня и Дзихэя двое детей, и все же до сих пор я никогда не получала от своего мужа таких твердых обещаний. Какая радость! Какое счастье! —

И тетушка довольна:

— Правда, правда.

Раз у Дзихэя такие добрые намерения, то его поведение теперь исправится. Ваша торговля снова будет процветать. Вся семья беспокоится и хлопочет, желая добра прежде всего самому Дзихэю, да и жалея его детей. Ну, Магоэмон! Проводи меня скорее домой: я хочу обрадовать и успокоить своего старика. На улице становится холодно. Смотрите, чтобы дети не простудились.

Так вознесем моление Амитабе.

Благодаренье Будде!

Это он

Все к лучшему устроил в эти «Десять
Святых ночей».

И вот они уходят,

Веселые и радостные, словно

Уже достигли райского блаженства.

Дзихэй провожает их до дверей,
Но трудно ему от слез удержаться.

Он падает

У очага-котацу,

На голову натягивает одеяло

С похожим на решетку узором...

О-Сан с укором ему говорит:

— Ну что это значит?

Все еще сердце у вас горит

Любовью к вашей Кохару милой? —

Она одеяло срывает с силой

И видит:

Дзихэй безудержно плачет.

О-Сан заставляет его подняться,

Прислоняет

К решетке котацу

И пытливо смотрит прямо в глаза:

— Это уж слишком, Дзихэй-доно! Если вам так жалко расстаться с любовницей, то незачем было писать обет! Вспомните, вспомните: когда в последний раз мы клали рядом наши подушки? В позапрошлом году, во второй день Кабана, десятого месяца, после церемонии первого согревания очага. Не помните? Вот здесь это было, на этом самом месте. Два года тому назад! Что, у вашей жены за пазухой черт живет или змея?

Два долгих года
Одна в гнезде я оставалась, словно
Яйцо-болтун.
И в первый раз сегодня
Я понадеялась,
Что к нам опять вернется
Супружеская дружба,
Любовный разговор в постели будет.
Ах, как была я благодарна братцу
И матушке!
И вдруг —
Опять сначала!..
Противный, бессердечный человек!
О, если так грустите вы о ней,
Мне вас не жалко,
Плачьте, плачьте, плачьте!
Пусть ваши слезы
Потекут в Сидзими
И пусть Кохару их проглотит!..
О!..
Жестокий и бесчувственный обманщик!

Обняв его колени,
О-Сан скользит и падает на землю...
Он слезы вытирает рукавом
И отвечает:

— Люди плачут и от горя и от досады. Если бы слезы печали лились из глаз, а слезы досады — из ушей, ты и без слов поняла бы, что у меня на душе. Но все слезы льются из глаз... все они одного цвета... Вот ты и не можешь понять, отчего я плачу. Нет у меня ни любви, ни привязанности к этой негодяйке Кохару, к этой твари в человеческой коже, но в моем сердце еще горит злоба против негодяя Тахэя «Сам по себе». Каких только ухищрений оп не придумывал, чтобы выкупить Кохару!

Но до сих пор она,
Обманщица, лисица, негодяйка,
Противилась
Желаниям Тахэя.
Она мне повторяла:
«Ты не должен
Тревожиться:
Я никогда не стану
Его женой!
И если наша связь
Порвется, если будем мы с тобою
Разлучены навек...
И если деньги
Тахэя нас разъединят...
И если
Хозяин мой меня продаст,

Тогда...

Тогда, поверь, сумею умереть,

Тогда они узнают,

Что женщина не дрогнет

перед смертью,

Тогда они увидят

Прекрасный образец самоубийства!»

И вот смотри! Не прошло и десяти дней после того, как я порвал с Кохару, а мерзавец Тахэй уже выкупает ее! Нет-нет! У меня не осталось и капли любви к этой четвероногой твари, к этой лисице с прогнившей душонкой. Но этот прощельга Тахэй будет бахвалиться, станет трезвонить по всему Осака: «Дзихэй разорен! Дзихэй разорен! Он даже не может достать денег, чтобы выкупить любовницу!»

Стыдно!..

О, этот стыд,

Он как огнем жжет мою душу!

Сердце вот-вот пополам разорвется!

Большие купцы

Станут косо глядеть на меня!

Я плачу, я лью

Не слезы, а кровь,

Жгучие слезы обиды:

Липкие, словно смола,

Слезы досады;

Я лью слезы стыда,
Словно капли расплавленной меди!

Он снова бросается на пол
Возле котацу
И горько рыдает.
Но в душе у о-Сан
Досада сменилась тревогой:
— О-о-о!.. Если так, то беда, —
Кохару покончит с собою!

Дзихэй возражает жене:

— Пустяки! Выдумки! Хоть ты у меня и умница, да ведь ты — честная жена купца. Где тебе понять продажную женщину! Да у нее чести нет, у нее сердца нет. С какой стати ей умирать? Она о своем здоровье заботится: прижигается моксой, лекарства пьет!

— Нет-нет, неправда!

Если так, Кохару

С собой покончит.

О, она умрет,

И в гибели ее

Я буду виновата!

Я не хотела говорить...

Но если

Я равнодушно дам ей умереть,

Я буду бессердечною злодейкой,

Бессовестной преступницей!

Беда!

Я вам должна всю правду рассказать.

В сердце Кохару-доно нет и пылинки неверности.

Если связь между вами порвана, то в этом я виновата, это я так устроила!

Как только я заметила, что вы

Решили умереть

С Кохару вместе,

Я тайно написала ей письмо,
Стремясь ее разжалобить
И сердце
Пытаясь тронуть слезными мольбами.
«Молю, порвите вашу связь с Дзихэем, —
Писала я, —
Мы, женщины, должны
Всегда друг другу помогать.
Я знаю,
Как горячо вы любите его.
Но вы, любя, погубите Дзихэя!
О, если это невозможно, все же
Должны и невозможное вы сделать!
Молю, спасите мужа моего!
Отца не отнимайте у детей!»
И мне в ответ
Кохару написала:

«Хоть мой возлюбленный для меня дороже жизни, обещаю, что порву с ним любовную связь, повинувшись неотвратимому долгу». Я храню это письмо на груди, как священный амулет. Да разве может такая женщина, как госпожа Кохару, с таким твердым чувством долга, изменить любовному обету и бесстыдно продать какому-то Тахэю?

Мы, женщины,
Однажды полюбив,

Не изменяем чувству своему.
Она убьет себя!
Я поняла теперь.
Мне очень страшно!
Я умоляю вас ее спасти!

Так восклицает в ужасе о-Сан.
Но и Дзихэй
Сражен внезапным страхом:

— Верно! Верно! Среди письменных обетов, которые Кохару вернула в ту ночь, было письмо от какой-то женщины. Она нечаянно отдала его в руки Магоэмону. Так это было письмо от тебя?

И я не знал! О, если так, она
Убьет себя!..

О-Сан в отчаянье:

— Как это страшно! Если
Она убьет себя,
Ведь это значит,
Что я ее убийца и что я
Не выполнила долга,
Не сумела
Ее спасти!..
О, я молю: Дзихэй,
Не позволяйте ей убить себя.

Скорей, скорей,
Идите к ней, спешите,
Пока она еще жива!..

О-Сан,
Повиснув на его груди, рыдает.

— Ты права! Ты права! Но что же мне делать? Где взять деньги? Ведь только для того, чтобы остановить переговоры с Тахэем, я должен внести половину выкупа. Если мы не достанем сегодня же и не внесем семисот пятидесяти моммэ серебром нового чекана, мы не спасем Кохару. А где я возьму эти деньги? Хоть в порошок меня истолки, нет их, нет их у меня!

— Погодите, погодите! Не надо так отчаиваться. Столько-то денег у меня, пожалуй, найдется...

О-Сан проворно встает,
Подходит к комоду
И, выдвинув маленький ящик,
Достает мешочек,
Перевязанный туго шнуром.
Без колебания и сожаленья
Шнур развязав, достает
Бережно скрученный сверток
И кладет его в руки Дзихэя.

— Что это? Деньги?..
Четыреста моммэ! —
Дзихэй изумлен.
Широко раскрыл он глаза.
— Столько денег! Откуда?

О-Сан отвечает;

— Я вам после расскажу, откуда взялись эти деньги, Я их копила, чтобы уплатить семнадцатого числа за бумагу оптовику Ивакуни. Но это дело как-нибудь уладится: я посоветуюсь с вашим старшим братом, как оттянуть срок платежа, чтобы все было шито-крыто и чтобы торговля не пострадала. Самое главное, самое спешное дело сейчас — это спасти Кохару!

У нас уже есть четыреста моммэ,
Но где же достать остальные деньги?

Она отпирает замок
Большого комода.
Как птица из клетки,
Из ящика вылетает платье,
Серо-коричневое,
Словно перья у ястреба,
Из шуршащего шелка,
И другое платье, из тонкого крепа,

На золотистой подкладке,
Не надеванное до сего дня...
Сегодня! Не знает о-Сан,
Что нет для Дзихэя «завтра»!
И еще теплое платье
Маленькой дочери о-Суэ,
И лицо и испод
Ярко-алого шелка...
Лицо ее вспыхнуло, как от огня.
Исподтишка
О-Сан вытирает слезы...
И еще — безрукавка на вате
Кантаро.
Оторвут с руками ее,
Только снеси к продавцу!
Но мальчик... Что будет он надевать
В морозные дни?
И еще — бледно-желтое кимоно
Из полосатого шелка гуннай,
Которое так она берегла.
И еще — самое дорогое платье —
По праздникам надевать его! —
Из черного шелка хабутаэ,
С большим семейным гербом —
Лист плюща в черном кругу.
Мечтала она: как плющ и стена,

Будут жизни их неразлучны...
И к тому же —
Самое нарядное платье мужа.
А в супружестве водится так:
Дома гуляй хоть голый,
Хоть оборванный,
Как последний бедняк,
А на людях — в шелку и парче!
И еще, и еще —
Всего пятнадцать вещей.

— Что ж! По самой низкой цене
Больше трехсот моммэ заплатят! —
Говорит о-Сан
С таким горделивым лицом,
Словно есть у нее даже то,
Чего она не имеет.
Все вещи складывает она
Наспех в один тяжелый узел
И завязывает в платок,
Заодно подбросив туда
И стыд Дзихэя,
И свой собственный долг,
И преданность мужу.

— Пусть и мне, и моим детям нечего будет носить!
Но самое главное — спасти Кохару и ваше доброе

имя. Выкупите Кохару, спасите ее! И свою честь поддержите перед этим наглым Тахэем.

Так говорит о-Сан.

Но муж ее

Сидит, понутив голову, уныло,

И слезы льются по его лицу.

— Даже если я внесу задаток, а потом выкуплю Кохару, что я буду дальше делать? Поселю ее отдельно или введу в свой дом? А с тобой что станется?.. —

От этих слов о-Сан остановилась

И вздрогнула.

— Ах, в самом деле! О себе я не подумала. Что ж я буду делать? Стану нянькой у своих собственных детей? Или простой стряпухой? Или постригусь в монахини у себя же в доме?.. —

И, застонав, она ничком упала на пол.

Дзихэй в отчаянье воскликнул:

— О, какую страшную небесную кару я заслужил! Если даже меня минует возмездие за мои проступки против родителей, если я избегну наказания за преступления против неба и богов, все равно мой грех перед тобой так велик, что никогда уже мне не видеть добра!

Прости меня, о-Сан!
Прости меня! —
В мольбе
Сложил он руки перед нею.

О-Сан смутилась:

— Это уже слишком! Это чересчур, Дзихэй-доно! Зачем вы меня умоляете? Да если бы мне пришлось — ради, вас — вырвать себе все ногти на руках и на ногах, и то я себя не пожалела бы ради своего мужа: ведь это долг жены. Я уже давно стала закладывать свои платья, чтобы вовремя расплатиться с оптовиками... А сегодня мой комод совсем опустел. Ну и что? Зачем бы я стала жалеть свое добро? А вот если мы опоздаем выкупить Кохару, случится непоправимая беда. Ну, скорее, скорее! Переоденьтесь в другое платье и ступайте. Да сделайте веселое лицо!

Поспешно нижнее
Он надевает платье
Из шелковой материи гуннай,
Поверх него —
Из шелка хабутаэ
На тонкой вате черную одежду,
На плечи полосатую накидку.

Атласный пояс стягивает он,
Берет с собою меч
Не слишком длинный...
Один лишь Будда знает:
Нынче ночью
Клинок меча
Кохару кровь окрасит!

О-Сан зовет:
— Эй, Сангоро, сюда!.. —
И, приподняв, наваливает узел
На спину подмастерья,
Тот лениво
Стоит и ждет хозяина.
Дзихэй,
Кошель с деньгами спрятав на груди,
Уже готов перешагнуть порог,
Как вдруг...

— Хозяин дома?

Где Дзихэй?

И, меховой откинув капюшон,
Вошел... Кто мог бы ожидать? —
Помилуй
Нас Будда! —
Входит тесть — Годзаэмон.

Супруги онемели, словно гром
Обрушился на крышу дома...

Не знают, что сказать.

— В добрый час к нам нагрянули!.. Пожаловали,
как снег на голову!..

Годзамон

С плеч Сангоро срывает узел с платьем

И, тяжело усевшись,

Говорит

Угрюмым голосом:

— Эй, ты, женщина! А ну-ка садись!

А! Господин мой зять, в каком вы праздничном наряде: дорогая накидка, меч! Смотрите, пожалуйста, как разделся, словно и вправду важный богач! Не скажешь, что простой торговец бумагой. Что же? Опять в квартал любви отправляетесь? Вам не нужно доброй жены. Дайте о-Сан развод!

Вот и пришел я,

Чтоб ее забрать

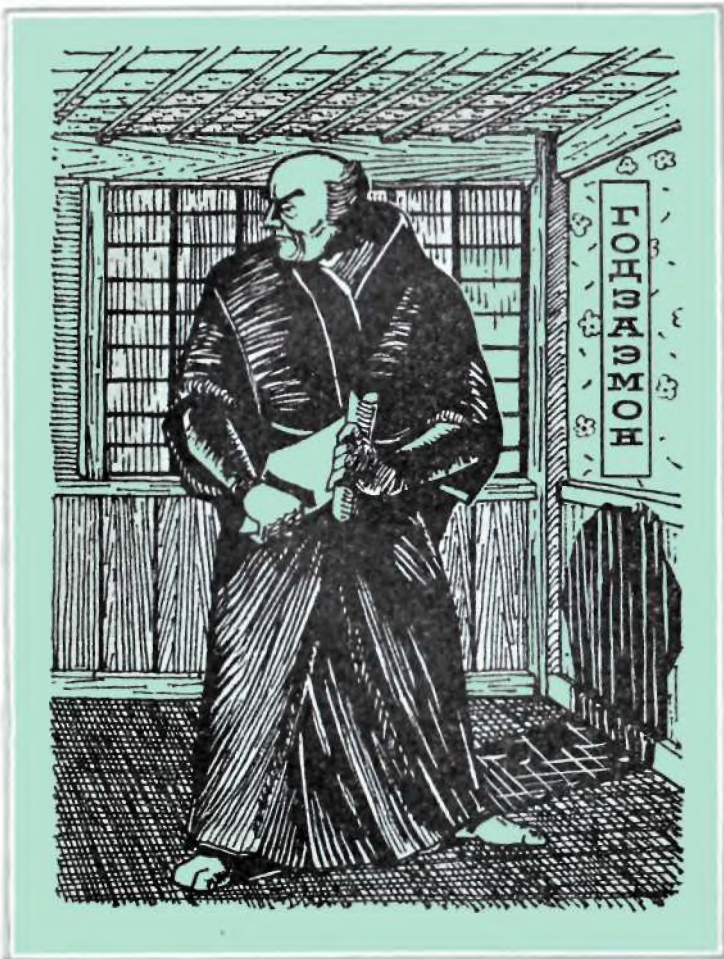
И увести к себе домой, обратно!

Колочие слова!

Как будто у него во рту иголки.

Дзихэй как будто онемел.

О-Сан опомнилась:

— Отец, вы изволили пожаловать в такой холод!
Как это любезно с вашей стороны. —

И, подойдя поближе, под предлогом
Подать Годзаэмону чашку чаю,
Она пытается
Отца утихомирить:

— Только что, вот только что моя матушка и братец Магоэмон навестили нас и упрекали моего мужа за легкомыслие. Он так тронут был их увещеваниями, пролил горячие слезы! И настолько он глубоко раскаялся, что даже обет написал.

Он отдал матушке
Бумажный амулет.
Его обета вы не прочитали?
— А! Письменный обет?

Вот этот, что ли? —

Он из-за пазухи достал бумагу.

— Такой беспутный глупец и гуляка повсюду и по любому поводу рассыпает священные обеты, как торговые расписки. «Что-то мне не верится!» — подумал я, прочитав обет, и сам пришел сюда. Вот и вышло так, как я ожидал. Ну и зятек, нечего сказать! В таком наряде вы тоже клянетесь Брамой и Индрой? Если у вас так много досуга, чтобы писать разные обеты, лучше напишите разводную! —

Годзаэмон
Священный рвет обет и мелкие клочки
Швыряет прочь.

В смятенье и испуге
Супруги быстро обменялись взглядом.
Они потрясены.
Они молчат.
Дзихэй в мольбе сложил свои ладони
И голову склонил:

— Вы вправе гневаться на меня. Я умоляю вас простить мне все грехи, которые я совершил, когда был еще другим человеком. Но теперь я исправился. Я словно заново родился. Будьте милосердны ко мне. Позвольте мне остаться вместе с женой.

И даже если должен я, Дзихэй,
Стать нищим,
Даже парией презренным,
И если должен буду я питаться
Объедками и милостыней...

Все же
Я на почетном месте посажу
О-Сан,
Я не позволю ей страдать,
Я не позволю ей терпеть лишения!
Я не могу с женою разлучиться,

Я связан с ней
Не только браком — долгом
Великой благодарности!
Поверьте
В мою правдивость!..
Месяцы пройдут —
Вы все поймете,
И вы оцените мое усердье,
Мои дела поправятся...
Молю,
На время отпустите мне грехи,
Глаза закройте на мои проступки.
Оставьте мне,
Оставьте мне о-Сан!

Он слезы льет.
Он плачет не слезами,
А кровью...
Умоляет о прощенье,
Прижавшись лбом к циновкам.
Но Годзаэмон
Неумолим:

— Вздор! Вздор! О-Сан не будет женой пари. Пиши разводную. Пиши разводную!

Хочу проверить вещи:
Утварь, платья —

Приданое о-Сан. Ко всем вещам
Привешу я печать! —
И он идет
В глубь комнаты.

— Нет, нет, отец, не надо!
Не стоит пересчитывать:
Все платья
В сохранности! —
О-Сан бежит к комоду,
Пытается загородить дорогу...
Отец ее отбрасывает прочь,
С размаху выдвигает ящик...

— Э!
Что это? —
С грохотом второй он тащит ящик.
И этот пуст.
Он открывает третий,
Четвертый, пятый... Пусто!
Не найти
И лоскутка, чтоб наложить заплату.
Укладка, и плетеная корзина
Для платьев, и сундук —
Все пусто! — А!..
Обманщик! Мот! —

От ярости у тестя
Глаза на лоб полезли.
Он дрожит
От злобы...
Для Дзихэя и о-Сан
Пустые ящички полны позором.
Так в старину
Урасима-рыбак,
Открыв пустой ларец,
Нашел в нем только горе.

Супруги отступают к очагу,
Они готовы заползти в огонь,
Чтоб только спрятаться...

Годзаэмон

Тяжелый поднял узел:
— Что тут запрятано? —
И, узел развязав,
Он по полу распхвывает платья.

— Так вот оно что! Последнее добро вы хотели спустить в закладной лавке! Хорош зять! Он готов содрать кожу с жены и собственных детей, лишь бы достать денег для своей шляхи! Подлый вор! Грабитель! Моя жена — тебе родная тетка, да мне-то, Годзаэмону, ты чужой. Стало быть, незачем мне из-за тебя терпеть убытки. Все, все расскажу

Магоэмону! Пусть твой братец вернет мне денежки... Скорей, скорей! Бери кисть, пиши разводную!

Дзихэй скорее мог бы убежать
Из преисподней
Через семь дверей,
И восемь адских разорвать цепей,
И через сто оград перелететь,
Чем выбраться из этой западни.

— Нет-нет!

Разводной я не подпишу!
Гляди, о-Сан!
Ты видишь этот меч?
Прощай!.. —
Дзихэй шагнул к порогу
И руку положил на рукоять меча.

О-Сан, крича, цепляется за мужа:

— Какое горе! Какое горе!.. Если Дзихэй и провинился, так ведь он так смиренно умолял о прощении! Отец, нельзя же думать только о себе! Вы говорите, Дзихэй вам чужой. Но ведь его дети — ваши родные внуки!

Нет-нет! Я не согласна на развод!

Она рыдает в голос.

Но отец

Старается скорее кончить дело:

— Ладно, ладно! Пусть будет по-твоему. Не надо
разводной. Идем, глупая женщина! —

И, с силой оторвав ее от мужа,
К дверям он тащит дочь.

— Я не пойду! —

Кричит о-Сан

И тянется к Дзихэю:

— Отец, пусть ваша злоба

ростом с гору,

Но разве можно разрывать союз
Супругов?

Вам не жаль Дзихэя,

Но выставить открыто мой позор

На посмеянье людям!..

Так молит дочь отца.

Годзаэмон

Не слушает ее:

— Еще какого

Позора хочешь ты?

Я прокричу

На весь квартал про ваш позор!..

За мной! —
Ее он тащит за руку. О-Сан
С ним борется,
Он дергает ее,
Она споткнулась...
О, какая жалость!
Как грустно это видеть!..

О-Сан, споткнувшись,
пальцами ноги

Задела за детей.
Они проснулись
И плачут с перепугу:
— Гадкий дедка!
Куда ты тащишь мамочку?
А с кем
Теперь мы будем спать?..

Не уходи! —

И дети, плача, тянутся за ней.
— О, как мне жаль детей!
Ведь никогда
Одни, без матери, они не спали.
Не надо плакать, детки!
С этой ночи
Не с мамой будете вы спать — с отцом.
Дзихэй!

Вы позаботитесь о детях?
Не забывайте поутру давать им
По маленькой пилюле Куваяма,
Еще до сладких лакомств,
Только-только
Они проснутся.
О, какое горе!..

Судьба неумолима. И о-Сан
Должна переступить
Порог родного дома...

Она потеряла детей
В глубокой чаше бамбука.
Отныне она не увидит Дзихэя...
О, как жестока разлука!
А прежде они неразлучны были,
Как два крыла у ласточки или
Как два ствола
От корня единого...
Но силы судьбы их разлучили.

Здесь любви, страдания и смерти
Стремнины и водоверти...
Ночная волна холодна, глубока.
В полумраке
Дремлет квартал Сонэдзакки.
Тихо течет Сидзими-река,
Не слышны волн приливы, отливы.
Редкие путники молчаливы.
Третья четверть часа Быка.
В небе сверкает
Луна пятнадцатой ночи.
Фитиль все короче:
Огонь догорает
В фонаре у ворот.
Одной чертою на нем —
«Яматоя Дэмбэй».

«Эй-эй-эй!
Осторожней с огнем!
Осторожней с огнем!!»

Ночной сторож
С колотушкой сонной
Шаркает не спеша
Вдоль длинной улицы.
Кашляет, переступая

Тощими, как у кулика, ногами.
Даже голос сторожа
Сонный, ночной:
«Эй, осторожней с огнем!»
У входа в домик Дэмбэя —
Служанка с Верхней улицы
И носильщики с паланкином.
Она открывает
С шумом и грохотом
Входную дверь
И проворно
Вбегает в дом:

— Я пришла за госпожой Кохару. Мне велели про-
водить ее обратно в дом «Кинокуния».

Голос служанки
Неясно доносится
Из внутренних комнат.
В ответ слышны
Два-три вежливых слова хозяйки,
И служанка быстро выходит во двор:

— Госпожа Кохару останется здесь до утра. Эй, но-
сильщики! Можете отправляться спать. Да-да! Я со-
всем забыла. Хозяйка! Поберегите госпожу Кохару!
Сегодня вечером господин Тахэй закончил перегово-
ры о ее выкупе. И деньги внес полностью! Вы

слышите меня? Теперь госпожа Кохару — чужая собственность, мы за нее отвечаем. Пожалуйста, приглядите за ней, чтобы ее не напоили вином.

Вот как кричит она,
В воротах стоя,
И, уходя, роняет семена
Тех роковых вестей, из-за которых
Влюбленные покинут эту жизнь,
Не дожидаясь утренней зари.

Все тихо.
Даже чайник в чайном доме
Спокойно отдыхает в час Быка.
Трепещет, догорая, пламя
Короткого светильника.
И ночь
Стуцается...
Холодный ветер
Повеял от залива. Иней
Ложится плотной пеленой.

Из дома слышен голос
Хозяина. Он провожает гостя:
— Еще глубокая ночь. Не дать ли вам провожатого?
Господин Дзихэй уходит. Разбудите госпожу Кохару. Позовите ее!

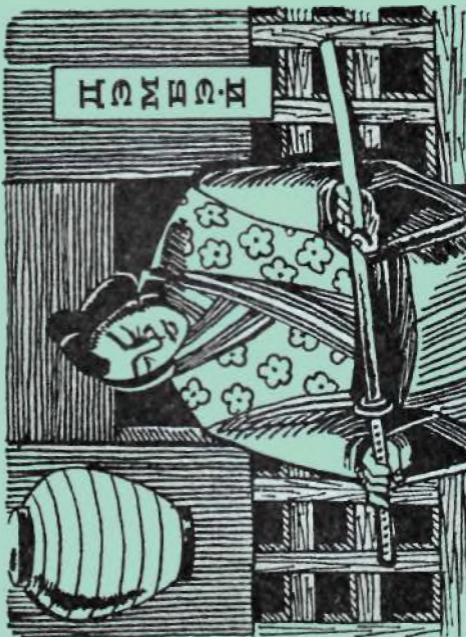
Дзихэй, со стуком отодвинув дверь,
Выходит из дому на улицу.

— Тихе, тихе, Дэмбэй! Ни слова Кохару о том, что я ухожу. Если она услышит, то задержит меня до рассвета. Вот почему я стараюсь уйти, не потревожив ее! Разбудите госпожу Кохару, когда взойдет солнце, и отправьте ее обратно в дом «Кинокуния». Как только я вернусь домой, немедленно уеду в столицу сделать кое-какие закупки. У меня там много разных дел. Возможно, что я не успею вернуться к концу месяца, когда надо расплачиваться с долгами. Возьмите себе, сколько я задолжал, из тех денег, что я вам дал на хранение.

Еще прошу вас: дому «Кавасё»
Сполна вы заплатите
Все, что успел я задолжать
За праздник любования луною, —
Сто пятьдесят серебряных монет
Новейшего чекана.
Расписку спрячьте!

Да-да! Еще и бонзе Сайэцу из Фукусима — пожертвование на покупку алтаря и одну серебряную монету, чтоб отслужил заупокойную службу по всем усопшим из моей семьи. Не забудете? Не должен ли я еще кому-нибудь? А-а! Вспомнил! Слепому

HOMEIN

Исаити пять мелких серебряных монет. Это все!..
Заприте дверь и ложитесь спать.

Дзихэй прощается:
— Увидимся опять,
Когда вернусь я из столицы!

Но не успел он сделать двух шагов,
Как быстро возвращается:
— Хозяин,
Я позабыл свой меч!
Ночной порою
Он может пригодиться.

Ну, Дэмбэй, сразу видно, что я беспечный горожанин — забыл свой меч. Будь я самурай, тут же сделал бы себе харакири. —

Хозяин отвечает:
— А я и забыл совсем, что принял ваш меч на хранение. Вот он, вот он! А!.. К нему еще нож прилажен. —

Дзихэй берет свой меч
И, оглядев его,
Засовывает плотно
За пояс, говоря:
— Когда мой меч
В моих руках, в себе я чую силы

Не одного, а многих-многих тысяч!
Ложитесь спать
И спите хорошенько.

Хозяин говорит ему вслед:
— Спасибо, что почтили посещением.
Скорее возвращайтесь из столицы! —
Он входит в дом
И с громом задвигает
Железный прут.
Все тихо. Никого.

Дзихэй назад на цыпочках прокрался.
Он к двери прижимается лицом,
Сквозь щель заглядывая в дом...
Но вдруг
Слышны шаги на улице... Идут...
Вот показались двое,
И он проворно
Скрывается в тени другого дома
И, затаив дыханье, выжидает,
Пока они пройдут...

Мучник Магэмон,
Не в силах погасить
В своей душе мучительной тревоги,

Разыскивает брата.
Торопливо,
Почти бегом, идет он. А за ним
Шагает подмастерье Сангоро.
Он тащит на спине сына Дзихэя.
Они спешат
На свет мигающего фонаря
И, подойдя к дверям Дэмбэя,
Стучатся в дом.

Магоэмон кричит:

— Эй, хозяин! Скажите, не у вас ли ночует бумаготорговец Дзихэй? Прошу вас, позовите его, мне надо с ним поговорить!

Дзихэй взгляделся.

Брата узнает он

И глубже отступает в тень...

Из дома раздается

Хриплый голос

Хозяина, разбуженного стуком:

— Господин Дзихэй только что пошел домой. Он сказал, что сегодня уедет в столицу. Нет его здесь! Нет его здесь!

И снова тишина

Глубокая.

Ни звука... Слезы льются

Из глаз Магоэмона...

В его душе тревога нарастает.

«Дзихэй пошел домой?

Не может быть!

Его мы встретили бы по дороге.

В столицу едет он?

Невероятно!

Боюсь, что он ушел с Кохару вместе!»

Не в силах совладать с тревогой,
Магоэмон
Опять стучится в дверь Дэмбэя.

Рассерженный хозяин отвечает:

- Ну, кто еще там? Кто это стучит? Уже поздно, уже поздно! Мы все уже легли спать.
- Простите, что я опять беспокою вас, но позвольте еще раз спросить: отправилась ли к себе госпожа Кохару из дома «Кинокуния»? Может быть, она ушла куда-нибудь с господином Дзихэем?
- Что такое? Что вы говорите? Госпожа Кохару спокойно поживает у нас в верхних покоях.

Магоэмон дыханье перевел:

- Спасибо, спасибо! Извините! Ох, немного от сердца отлегло. Где же прячется Дзихэй? Мы, его родные и близкие, места себе не находим от тревоги.

Ломаем голову,
Не зная, как помочь.
Мы все боимся, что в порыве гнева
Дзихэй поступит безрассудно.
Он может на ужасное решиться!
Вот почему со мною Кантаро.
Увидя сына, может быть, Дзихэй
Опомнится...

Но мы с ним разминулись,
И все старанья наши бесполезны.

Вот как тревожится Магоэмон
О младшем брате.
Слезы градом льются
Из глаз его.
Дзихэй все это слышит.
Дыханье стеснено в его груди,
И, сдерживаясь, он глотает слезы.

Теперь что предпринять Магоэмону?
Куда идти?..

— Эй, Сангоро! Не знаешь ли ты, куда еще глупец таскается по ночам? —

Но подмастерье думает:

«Глупцом

Хозяин обозвал меня, конечно!» —

И отвечает:

— Знать-то знаю, но сказать не могу: стыдно!

— Если ты знаешь, то говори скорее!

— Скажу, скажу, хозяин. Только потом уж вы меня не браните! Это дурное место, под амбарами Итинокава. Я ведь каждую ночь туда потихоньку бегаю!

Увы, Магоэмону не до смеха.

— Дурак, дурак!

Ну разве про тебя

Я спрашивал?

Пойдем, поищем брата

На дальней улице.

Смотри, чтоб Кантаро

Не простудился!

Бедный мальчик! Дзихэй — никуда не годный отец.
Несчастный Кантаро так замерз, а он у нас слабенький. Долго ли простудиться! Ах, если бы только ничего худого не случилось!

Простудится ребенок —

Нехорошо.

Но если ждет его

Большое горе и удар судьбы?

О, как ужасно!

О, как это грустно!

Вся грудь моя горит

от гнева.

Так горько сетует Магоэмон.

В его душе сменяется тревога

То жалостью, то страхом.

— Ну, пойдем!

На дальней улице поищем брата.

И, торопясь,
Они проходят мимо.
Когда их тени
Скрылись в темноте,
Дзихэй выходит из своей засады.
На цыпочки привстав, он смотрит вслед
И обвиняет сам себя:

— Дзихэй,
Ты негодяй, преступник,
Ты виновен
Во всех смертельных десяти грехах!
Да, ты умрешь.
Но даже после смерти
Ты будешь долго причинять им боль.
И верные сердца твоих родных
Тебя и после смерти не покинут.

Склоняясь, оп сложил свои ладони
И умоляет:

— О! Мой старший брат!
И все мои родные!.. Если я
Умру, детей моих не покидайте.
Еще и эту милость приложите
К сокровищу
Былого милосердия! —
Мольбу Дзихэя слезы прерывают.

— Любимая и я, мы поклялись
Не разлучаться даже в смерти. Клятва
Торопит нас.
Кохару ждет меня.

И он сквозь щель
Заглядывает в дверь.
Тень человека промелькнула в доме.
Уж не Кохару ли?..
Он легким кашлем —
«Эхэн-эхэн!» — дает условный знак.
Пора, пора!
Но к звуку кашля
Примешивается стук колотушки.
Слышны ночного сторожа шаги.
Он, шаркая и кашляя от стужи,
Бредет назад,
С трудом переставляя
Свои худые ноги.
«Кха-а-кха-кха!»
И снова колотушка «тук-тук-тук!»
Постукивает.
«Будьте осторожны
С огнем!»
И снова — «тук-тук-тук!..».
«Эй, берегись огня!»

Мучительная встреча для Дзихэя!
И без того
Он бережется
И должен прятаться в ночной тени,
Как безобразный Кацураки, бог
Такой ужасный,
Что скрывать он должен
Во тьме свое лицо.
Шаги затихли.
Дзихэй сквозь щель

Заглядывает в дом.
Но дверь немного приоткрылась...
— Кохару, ты?
— Дзихэй! Меня вы ждете?
Хочу я поскорей отсюда выйти.

Она спешит —
И все же нетерпенье
Должна сдержатъ:
Ведь двери заскрипят.
Чем их быстрее распахнуть,
Тем легче
Хозяева услышат и проснутся.
Дверь нужно тихо приподнять
И сдвинуть.
Но даже слабый стук
Грохочет в их ушах
И эхом отдается в их груди.
Дзихэй налег на дверь
И створку приподнял.
Любимой он старается помочь.
Дрожат их руки.
Их сердца трепещут.
Еще на палец...
Ширина ладони...
Как этот страх мучителен!

Тревога
Страшнее адской муки.
Ад от них —
Рукой подать.
Но демоны не видят,
И дверь приоткрывается на локоть.
Дверь дома —
Иль ворота прямо в ад?

Кохару,
Счастливая,
Как утром в Новый год,
Украдкой выбирается на волю.
Они берутся за руки. Куда
Теперь идти?
На север или юг?
На запад? На восток?
Они не знают.
Колеблются их мысли,
Словно волны
В реке Сидзими.
Полная луна
Скользит на запад по склоненью вод.
Влюбленные идут реке навстречу.
Они спешат к востоку.
Они бегут...

МИТИЮКИ
ПРОЩАНИЕ С ДВЕНАДЦАТЬЮ МОСТАМИ

Они торопятся...
Так чертят торопливо
Коноз-скорописью
Роли для актеров.

Как шапочки
У мальчиков-актеров
Всегда окрашены
В пурпурный цвет,
Так и безумцы,
Не знающие удержу в любви,
Всегда к печальному
концу приходят.

И неужели
Такой конец их жизни
Определен
Учением о карме Сакья-Муни?

И вот они спешат узнать,
Какое, следуя закону кармы,
Возмездие их ожидает.

Возмездие:

Как ветер по лугам
Летучие разносит семена,
Так завтра разлетятся вести
Об их двойном самоубийстве.

И разлетятся, словно лепестки,
Бумажные листы,
Порочащие имя
Дзихэя, продавца бумаги.

О, напечатанные наспех
С резных вишневых досок,
Раскрашенные пестрые листы,
Где на посмешище толпы изобразят
Весь горестный его позор...
Они осыплются,
Как листья облетают
Под ветром осени,
Когда осенней ночью,
Все глубже зарываясь в землю,
Все ближе к преисподней,
К зиме готовясь, замирают корни.

Ведь тот, кто близок
К преисподней
И слышит голос бога смерти

(А есть ли этот бог среди богов?),
Тот примиряется
С печальной кармой,
Покорно смотрит,
Как надвигается расплата...

Расплата
За все его грехи,
За то, что погубил
Он все свои дела
И все пути запутал.

И все ж понятно,
Что человек колеблется и медлит
На этом горестном пути,
Когда он под луной идет
Туда, где должен он расстаться с жизнью.

И он не в силах
Взглянуть в лицо своей судьбе,
В пятнадцатую ночь луны,
Когда осенняя редет тьма.

И разве это скорбное бессилье
Не знак того,
Что сердце человека,

Готового уйти из жизни,
Погружено во тьму,
В которой чуть белеет иней?..

Иней,
Что падает морозной ночью
И поутру опять исчезнет,
Как все на свете исчезает.

Но, прежде чем исчезнет иней,
Влюбленные должны проститься
с жизнью.

О, сколько раз они лежали в спальне,
Обняв друг друга,
На изголовье из сплетенных рук
И думали о том,
Как их судьба печальна;
Их жизнь разветится,
Как нежный аромат
Узорных рукавов Кохару.
Дзихэй невольно вспоминает,
Что каждый раз следил он,
Как ускользает к западу река,
Когда он по утрам, по вечерам
Переходил по мосту Тэндзин.

Вот «Сливы мост».
Здесь Сугавара-но Митидзанэ
Остановился на пути в изгнание,
Когда он плыл
В провинцию Цукүси,
И здесь, печальась,
Песню он сложил:
«Не забывай меня, цветущий сад!»
А слива, им любимая, тоскуя
По своему хозяину,
В Дадзайфу
Одним прыжком вослед перенеслась.

«Зеленый мост».

Покинутая изгнанным поэтом,
Печалилась зеленая сосна.
Потом, не в силах вынести разлуку,
Перенеслась к нему вослед за сливой.

И третий мост — «Вишневый мост».

Но вишня
Была не в силах вырвать крепкий корень
И улететь
Учителю вослед, —
И в горестной тоске она засохла.
И до сих пор

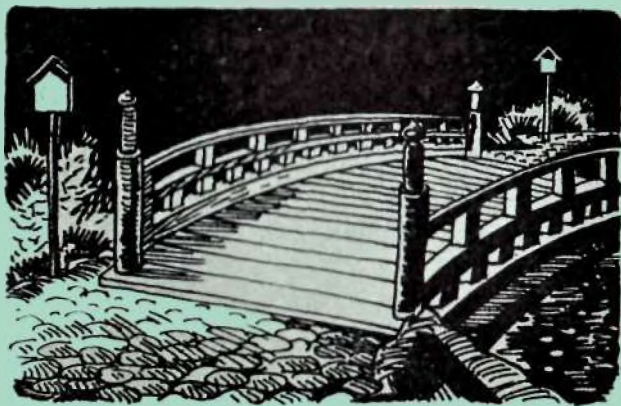

Рассказ о трех деревьях
Передают из уст в уста.
И песня
О скорбной участи Митидзанэ
По-прежнему
Полна великой силы...

Дзихэй грустит:
— Хотя родился я
В приходе мудрого Митидзанэ,
Но я убью тебя
И сам погибну.

Так в чем причина нашего несчастья,
И где его источник? В том,
Что не было во мне благоразумья
Настолько, чтоб наполнить до краев
Хоть маленькую ракушку сидзими!
Вот «Мост ракушечный»,
Такой короткий,
Как наша жизнь...
Еще короче,
Чем осенний день.
Тебе всего лишь девятнадцать лет,
Мне — двадцать восемь.

Но сегодня ночью
С тобою до порога я дойду,
Где, как изношенную ветошь, мы
Отбросим прочь
Земные наши жизни.
Мы поклялись
До старости прожить,
Не разлучаясь,
В преданной любви.
Но вместе прожили всего три года
И повстречали гибель...
Пятый мост — «Мост встреч».

Его мы быстро перейдем:
Окончились земные наши встречи.

И новый мост,
«Мост Нанива» пред нами.
О, наново взгляни на этот город!
Теперь наш путь вдоль берега, туда,
Где лодочный причал.
«Мост Фунаири» —
И чем скорее мы его минуем,
Тем мы быстрее приблизимся к воротам,
Ведущим в преисподнюю...

Так жалуется и скорбит Дзихэй,
Кохару прижимается к нему,
Ища опоры...
И тихонько шепчет:
— Мы странствуем уже по преисподней?

Они глядят в глаза друг другу. Слезы
Глаза им застилают...
Сквозь туман
Они друг друга видят так неясно.
Поток их слез... Не он ли заливает
На севере «Мост Хорикава»?

— Если
На север мы пойдем,
Еще хоть раз
Смогу взглянуть на дом родной...
Но, нет,
Не оглянусь!
Я отгоняю мысли
О грустном будущем моих детей,
О скорбной участи моей жены.
Не к северу ведет наш путь,
А к югу.
Девятый — «Тэндзин-мост». Его устои

Не сосчитать.
Не сосчитать дома
На южном берегу.
Мне непонятно,
Зачем назвали это место «Восемь
Домов». Не странно ли?..

Должны мы торопиться,
Пока паром не прибыл из Фусими.
На том пароме парами лежат
Влюбленные.
Паромщик нас заметит.

Десятый мост,
«Мост Тэмма», мы минуем —
«Мост Демона».
Как страшно это слово
Стоящим на пороге преисподней!
Здесь два потока — Ёдо и Ямато —
Сливаются в один большой поток.
Поток и рыба неразлучны. Вместе
Скользят они...
Подобно им, Дзихэй
С Кохару неразлучен...
Мы перейдем

По «лезвию ножа»
Тройную быструю,
Тройной поток, текущий в преисподней.
Пусть после нашей смерти возлиянье
Свершат речной водой
В честь божества
И в память наших отошедших жизней! —
И он, грустя, закрыл лицо...

Кохару
Печального Дзихэя утешает:
— О чем скорбеть?
Мы в этом бытии
Дороги не могли соединить.
Но в будущем рождении, я верю,
Мы возродимся
Мужем и женой.
О, и не только в будущем рожденье,
Но в будущем... и будущем... и дальше —
В грядущих возрожденьях, всегда
Мы будем неразлучны!
Так о чем же
Грустить?
Как только наступало лето,
Красиво переписывала я
С молитвой

«Сутру лотоса» святую:
«Пусть мы за гробом вновь родимся
вместе,
В едином лотосе...» —
Так я молилась
Богине Каннон,
Самой милосердной
И самой сострадательной богине.

Еще один, одиннадцатый мост.
«Кёбаси-мост» —
«Священной сутры мост».

Его должны мы перейти
Без страха —
И мы достигнем берега Нирваны,
В жемчужной чаще лотоса очнемся
И примем образ Будды.

«Нари-мост» —
«Преображенья мост»,
Прощальный мост..
Я выскажу последнее желанье:
О, если б я могла ценою жизни
Спасти всех брошенных моих подруг,
Всех проданных,
Поруганных, забытых,

Несчастных девушек
На всей земле,
Чтоб от любви они не погибали!

Увы, неисполнимое желанье,
Мольба простой души,
Неискушенной
В познании возмездия и кармы!
Нам жаль Кохару,
Жаль ее до слез!
Но утро близится.
В заливе Но́да
Поверхность вод дымится.
Чуть белеют
Края далеких гор.

Дзихэй торопит
Возлюбленную:
— Скоро утро. Слышишь
Удары колокола в храме, голос
Металла гулкого?
Пора! Умрем.
Мы разве можем дальше жить?..
И если
Должны мы в этой жизни разлучиться,
Так поторопим наш конец.

Идем! —
И с яшмовыми четками в руках,
Сто восемь пересчитывая зерен,
Нанизанных
На нить их бренной жизни,
Увлажненных
Жемчужинами слез,
Они проходят несколько шагов,
Молясь:
«Да охранит нас Амитаба!»
Вот перед ними Амидзѳима — Остров
Сетей Небесных...
Здесь странствию конец.
Здесь суждено
Остановиться им.
Здесь, возле роши
Бамбуковой,
Вблизи от храма Дайтѳе,
Где через гребень шлюзовых ворот,
Переливаясь,
Падает струя, —
Они умрут.

Дзихэй остановился:

— О, если без конца

Блуждать мы будем,

То, верно, мы нигде

Не скажем:

«Вот место нашей смерти!»

Пусть место нашей смерти

будет здесь! —

Он за руку ее берет, и оба

Сядутся на траву.

— Увы, увы!

Как грустно мне.

Хоть вы и говорите,

Что все равно, где умереть...

И все же...

О, я всю дорогу думала о моем письме к госпоже о-Сан. Я обещала ей, что разорву нашу связь и не погублю ее мужа. Когда разнесется весть, что Кохару и бумаготорговец Дзихэй покончили с собой, и наши мертвые тела будут лежать рядом, лицом к лицу, то мое обещание, мое письмо превратится в листок ненужной бумаги.

Ведь если увлеку

На путь самоубийства

Ее любимого супруга,

Что будет думать обо мне о-Сан?
«Кохару — бессердечная гетера,
Коварная, продажная.
Напрасно
Поверила я лживому письму!
Она — предательница
И не знает
Ни сострадания, ни чувства долга».
О, легче для меня снести презренье
Ста, тысячи
И многих тысяч,
Чем горестный упрек одной о-Сан.
Она должна
Меня возненавидеть
И будет дурно думать обо мне.
И вот — мое единственное горе,
Единственное, что смутит мои
Последние мгновенья...
Убейте
Меня вот здесь,
А для себя найдите
Немного в стороне другое место.

Она склоняется к нему на грудь
И нежно умоляет.
А Дзихэй

В слезах

Пытается ее утешить:

— О, все это напрасные сомнения, неразумные слова! Ведь мой тесть увел о-Сан к себе домой и расторгнул наш брак. Я и о-Сан — мы теперь чужие друг другу... Она мне больше не жена. Вспомни, о чем мы говорили всю дорогу: отныне мы двое связаны навеки. Мы поклялись стать мужем и женой в трех будущих рождениях... Если мы умрем рядом, на одном изголовье, кто осудит нас? Кто из зависти очернит нас?

— Но разве вы по своей воле развелись с вашей женой о-Сан? Разве вы этого хотели? О, вы еще неразумнее меня!

Нет-нет! Умрем

Поодаль друг от друга.

И если наши мертвые тела —
Добыча воронов и коршунов...

Я верю,

В загробном мире наши две души

Сольются в странствии одном.

И в ад

И в рай

Войдем мы вместе, неразлучно!

Она на землю падает, рыдая.

— Ты права! Наши тела — земля, вода, огонь, ветер. Когда мы умрем, они вернутся в небытие. Но наши души останутся нетленными и пройдут сквозь пять рождений... сквозь семь рождений... в вечность.

Вот верный знак того, что наши души,
Как души мужа и жены, отныне
Не разлучатся никогда! —

И он

Выхватывает острый меч из ножен
И быстрым взмахом
Свои срезает волосы
В том месте,
Где перетянуты они шнуром.

— Смотри, Кохару!

До этой минуты я еще был купцом Дзихэем, мужем о-Сан. Теперь, когда я срезал эти волосы, я покинул наш суетный мир. Теперь я — монах, не обремененный ни женой, ни детьми, ни земными сокровищами... А если у меня нет жены по имени о-Сан, то и у тебя больше нет долга по отношению к ней! —

И, плача, он отбрасывает прочь
Отрезанные волосы.

Кохару

Воскликнула:

— О, как легко мне стало на душе! —

И острый меч
Взяла из рук Дзихэя...

И волосы, которые она
Искусно так причесывала, мыла
И холила,
Теперь без колебанья
Срезает и отбрасывает пр оч ь, —
Тяжелый черный узел,
Как будто узел всех земных забот.
Какал жалость:
Бережные пряди,
Заботливо уложенные, вдруг
С пушистыми метелками травы
Сусуки перепутались
На влажной
От утренней росы поляне...

— Теперь и ты монахиня. И я
Теперь монах...
Что для меня тепер ь жена и дом?
Ведь это — долг мирянина, а я
Простился с миром навсегда.
И все же
Я выберу различные места
Для нашей смерти:

Для тебя — гора,
А мне — река.

Эта поляна — над самым шлюзом, здесь самое высокое место, похожее на гору. И это будет место твоей смерти. А я повешусь вон там, и мое мертвое тело погрузится в поток.

Да, мы умрем
В один и тот же час,
Но смертью не одной. Ты от меча,
А я от петли...

Да, мы умрем поодаль друг от друга
И совесть нашу чистой сохраним!
Так нам приказывает строгий долг
Перед моей женой.
Сними твой пояс-шнур
И мне отдай его!

Она развязывает пояс свой,
Снимает длинный шнур,
Чуть розоватый,
Как отблеск юной красоты ее,
И подает Дзихэю...

Этот шнур,
Который дважды обвивал Кохару,
Еще хранящий тонкий аромат, —
Вот зыбкий мост

Между двумя мирами!
Дзихэй конец шнура
Надежно укрепил
На длинной балке шлюзовых ворот,
А на другом конце
Завязывает петлю —
Силок,
Которым будет он задушен.
По доброй воле так летит фазан
В охотником расставленные сети,
Когда любимая подруга

Запуталась в тенетах...
Когда Кохару видит, что Дзихэй
Готовит петлю,
У нее темнеет
В глазах,
Сознание ее мутится.
— О!.. Вы умрете
  не со мною рядом?
И вы меня покинете?
Недолго
Нам вместе быть.
Скорей сюда! Сюда!

Они берутся за руки.

— Итак,
Умру я от меча в одно мгновенье!
А вы... вы будете страдать...
О, как печально мне об этом думать! —
Отчаянья не в силах побороть,
Она украдкой плачет.

А Дзихэй
Подругу умоляет:
— О, не плачь!
Не все равно ли —
Перерезать горло
Иль умереть в петле?
И разве можно
Предсмертные мученья миновать?
Так не смущай
Последние мгновенья
Ничтожными тревогами!
Смотри!
Ты видишь, словно светлый образ Будды,
Склоняет к западу свой лик луна.
О, глаз не отводи!
Луна заходит
На западе, где рай.
Туда и мы
Когда-нибудь придем...

Об этом помни!
Но если что-нибудь еще лежит
На сердце у тебя,
Поведай мне
И перед смертью душу облегчи.

— Ничего у меня нет на душе, ничего не лежит на сердце. Но ваша душа, наверно, полна тревоги о ваших детях.

— О!.. Ты вдруг напомнила мне о них и заставила меня снова заплакать.

Бедняжки! Их отец
Сейчас умрет, а им и невдомек.
Я вижу...
Вижу милые их лица...
Как безмятежно спят они!
О, это
Единственное, что нельзя забыть! —
И он, лицом упав на землю, плачет.

И, словно вторя горестным рыданиям,
Покинув гнезда,
Вороно стада,
Взлетая, каркают,
Как будто вопрошая:
Какая здесь беда

Должна случиться?
И, слыша карканье вороньей стаи,
Рыдают обреченные на смерть.

Дзихэй приподнимается с земли:

— О, послушай, как они кричат!.. Как они кричат!..
Провожают нас в преисподнюю? Или встречают нас на ее пороге? Еще в древние времена говорили: когда человек дает обет и пишет его на обороте амулета Кумано, умирают три ворона в нагорных храмах.

...А ты и я?

Ты помнишь, как писали мы обеты

В начале месяца

И утром в Новый год —

Как первое начертанное слово,

Когда вся жизнь была подобна яшме,

Еще не отшлифованной...

Ты помнишь?

Так сколько же мы воронов убили!

Они всегда кричат:

«Пора пропасть!

Пора пропасть!»

А вот сейчас

Я различаю ясно: «Кара! Кара!» —

Они, кружась, кричат, как будто мстят

За мертвых братьев!
О, из-за кого
Грозит нам кара?
Да, из-за меня,
И ты умрешь такой жестокой смертью!
Прости меня! —

И он, обняв Кохару,
Спешит привлечь ее на грудь...

— Нет, эта кара
Из-за меня!

Влюбленные прильнули
Лицом друг к другу,

И, влажные от слез,
Их пряди на висках
От утреннего ветра леденеют...

За их спиною колокола голос —
В соседнем храме утренняя служба.
Монахи «наму самбо» там поют:
«О, три сокровища святого Будды!»
Светает... Промелькнула эта ночь,
Такая длинная,
Короткая для них,
Та ночь, когда они
Могли впервые
Назвать друг друга — мужем и женой...

Дзихэй любимую прижал к груди:
— Взгляни: заря
И колокол звучит.
Там, в храме Да й т ё , —
утренняя служба.

Настал
Теперь
Для нас последний миг...
Не оставляй прощальных
капель слез:
Они застынут на твоём лице.

— Я не оставлю слез.
О, я не плачу!

Кохару улыбается...
Он видит
Ее лицо, белеющее смутно
В лучах рассвета.
Как она бледна
От утреннего холода! Рука
Его дрожит...
В его глазах темнеет.
Ему — сквозь слезы —
Трудно различить,
Куда он должен погрузить клинок.

— Моя рука дрожит...

— О, не теряйте мужества! Спокойнее, спокойнее!
Быстрее! Быстрее!.. —

Она его торопит. Сколько силы
В душе у этой женщины!
А ветер
Доносит отголоски песнопенья
И колокольный гул.
Моленье Амитабе,
Быть может, там возносят и о них?

И... словно меч разящий Амитабы,
Земные отсекающий желанья,
Зажат в руке Дзихэя,
Он мгновенно,
Возлюбленную усадив на землю,
Вонзает наискось ей в грудь
клинок!..

Но дрогнула его рука.
Кохару
Откинулась назад в предсмертных
муках.

Она еще жива,
Хотя Дзихэй
Дыхательное горло перерезал.
О, кара кармы! О, возмездья мощь!
Она не может сразу умереть.
За что ей посланы
Мученья эти?..
Дзихэй страдает вместе с нею. Но,
Собравшись с духом,
С земли Кохару поднимает...
Он погружает меч по рукоятку
И с силой поворачивает. Жизнь
Кохару отлетает, словно сон
На утренней заре...
Она мертва.

Он бережно укладывает тело:
На север головой,
Лицом на запад —
К обители блаженных.
Покрывает
Ее своей накидкою.
Не в силах
Рыданий удержать
(От рукавов ее
Знакомым веет ароматом),
Спешит он отвернуться...
Он идет,
К себе притягивает длинный пояс
И, в петлю голову продел,
На шее
Прилаживает шнур...

Молитва в храме
Пришла к концу.
Последние слова:
«Все верой просветленные,
И все
Не просветленные великой верой,
И все миры
Равно обрящут мир
И милосердие!»

Последние слова
Дзихэя...
Он провозглашает:
— Пусть
Мы возродимся в лотосе одном!
Хвала и слава Будде Амитаба! —
И прыгает с откоса.
Повисает,
Качаясь, как горлянка-тыква...
Недолго тянутся его страдания:
Дыханье перехвачено,
И он
Теряет связь с земною жизнью.

Утром,
На Остров Небесных Сетей
Приплыв, как обычно,
Нашли рыбаки
Дзихэя, Кохару,
Уловленных неводом смерти.

— Смотрите! Смотрите!
Беда!
Здесь двое погибших!
Сюда!
Сюда поспешите!

И в тот же час
Повесть о смерти влюбленных
Из уст в уста понеслась
По городу Осака...

Так были пойманы Кохару и Дзихэй
В сеть высшего возмездья,
Для того
Чтоб через длинный ряд перерождений
Родиться буддами —
В последний раз...

И слезы
Невольно набегают на глаза
У каждого,
Кто слышит эту повесть.

КОММЕНТАРИИ

- 33 Тамба —
название старинной провинции. Находилась
вблизи Киото.
А теперь Сирабэ... —
Сирабэ была удочерена своим отцом-князем
и его, видимо бездетной, супругой.
- 34 Длинные волосы перехвачены... —
Первую прическу делали девушке во время
обряда совершеннолетия. Волосы перехваты-
вались мягким бумажным шнурком.
- 35 О-химэсама —
старинный титул девушки из знатной семьи.
- 38 Корзины с кухонной посудой... —
Вьючных лошадей, на которых везли менее
ценную утварь, меняли на каждой дорожной
станции.
«Час змеи» —
от десяти до двенадцати утра. Сутки дели-
лись на двенадцать частей. Для счисления
времени в старой Японии применялись две-
надцать циклических знаков. Они, как и
знаки зодиака в Европе, носили названия
разных животных. С циклическими знаками
было связано множество суеверий.
- 40 ...в красном переднике! —
Служанки в харчевнях носили красные пе-
редники.

- 43 Размазывая брови по лицу... —
Брови выбривались. Вместо них высоко на лбу
тушью наносились две полоски.
- 48 «Неужели ты уедешь в Эдо?» —
популярная народная песня того времени о
двух влюбленных, которые кончают само-
убийством; звучит зловеще. Эдо — ныне
г. Токио.
- 49 Храбрый Кимпира, могучий Бэнкэй. —
Саката Кимпира — герой народных сказаний.
В Эдо были очень популярны сказы о его
необыкновенных похождениях (так наз.
Кимпира-дзёрури). В японском кукольном
театре любят изображать сцену поединка
между юным Минамото Ёсипунэ (1159—1189)
и могучим воином Бэнкэй. Побезденный Бэн-
кэй становится верным соратником Ёсипунэ.
О них обоих сложено много песен и легенд.
- 51 ...большую карту Токайдоской дороги... —
Знаменитая Токайдоская дорога шла вдоль
Тихоокеанского побережья из Эдо в Киото.
Токугавское правительство в 1601 году учре-
дило на ней 53 дорожные станции. Движение
было очень оживленным, двусторонним. До-
рога по тому времени была благоустроена,
но много затруднений путникам причиняли
заставы, где проверяли пропуска. Были уста-

новлены разные стеснительные правила. Например, через реку Ои разрешалось переправляться только вброд.

Началом дороги считался мост Нихонбаси в Эдо. Токайдоская дорога славится своей красотой. Замечательные художники Хокусай и Хиросигэ каждый создали серию гравюр «53 станции Токайдо».

Сугороку —

название игры, несколько напоминающей детскую настольную игру «Вверх и вниз». На карте, разделенной на квадраты, изображены знаменитые места Токайдоской дороги. Игроки бросают шестигранный кубик и продвигаются вперед согласно числу выпавших очков. Можно было «застрять» в дороге, быстро продвинуться вперед или вернуться назад к первому квадрату. Выигрывал тот, чья фишка первой приходила в конечный пункт — Эдо.

- 53 Широко выбрит лоб. — Мужчины в феодальной Японии выбривали лоб и связывали длинные волосы в пучки на затылке и над ушами. Подростки носили челку на лбу.
- 56 Не видят в этом ничего дурного. — В старой Японии посторонним мужчинам

нельзя было смотреть на знатных женщин; Санкити это разрешается по малолетству.

56 Оцу —

первая станция на пути из Киото в Эдо.

60—61 Здесь продаются // «Нянькины пирожки». —

Каждая станция на Токайдоской дороге славилась каким-нибудь местным лакомством.

62 Минакути —

буквально значит «Врата воды», но Тикамацу здесь шуточно переосмысливает это название по созвучию — «Третий глоток»; станция Минакути славилась «ухой-плясуньей» из гольцов, которых разводят на залитых водой рисовых полях.

С перевала «Стонущий олень»? —

Название этого перевала (по-японски — Судзук^а) вызывает целый ряд звуковых ассоциаций.

63 Вот Исиякуси... —

В храме селения Исиякуси находится древняя, высеченная из камня статуя Будды — целителя душ.

64 Пристань Куван^а. —

Оттуда переправлялись паромом через морскую бухту в Ацута («Горячее поле»).

- «Река глициний» (Фудзикава), Окадзаки — названия станций на Токайдоской дороге.
- 65 Девушки-дзёро — продажные девушки; название «дзёро» не носило презрительного оттенка.
- 68 Вот Ёсида, вот Футикава... — Здесь и дальше перечисляются названия станций.
- Вот «Дикое поле» — Араи, глухая дыра... — На станции Араи (буквально «Заброшенный колодец») была застава, где строго досматривали, чтоб не провезли нелегально женщин и оружия; на это требовалось разрешение, которое выдавалось старостой деревни или сельской общиной. Игрок, фишка которого по числу выпавших очков попадала на станцию Араи, должен был начинать весь путь сначала.
- 69 Хамагури — съедобные моллюски.
- 71 ...связкой монет звеня... — В середине медной монеты пробивалось отверстие. Монеты нанизывали на веревку и носили связками.
- Река «Поклажа». — Тикамацу толкует название станции Какэгава как река «Поклажа».

- 72 Да ведь это — река *Ои*... —
Станции *Каная* и *Симада* (см. стр. 74) разделяла река *Ои* (длиной 120 км.). На берегу этой реки иногда во время разлива подолгу приходилось ожидать переправы вброд.
- 76 «Ветка глицинии» (*Фудзиэда*), *Окабэ*, *Сэто* —
названия станций.
Тут — красный рис продают. —
Местный деликатес, вареный рис, окрашенный соком гардении. Упоминается по цветовой ассоциации с лиловыми глициниями.
- 78 Вот и станция «*Мяч*». —
Название станции «*Мяч*» (по-японски — *Марико*) вызывает в памяти детские игры, считалки и т. д.
- 80 «*Сутонтон-тон-тон*» —
плясовой припев.
Вот и храм «*Ясного окоема*»... —
В *Окицү* (см. стр. 79) находится храм «*Ясного окоема*» (*Сэйкэндзи*). Сосны в лунную ночь — любимый японский пейзаж.
- 81 ...до станции *Ёсивара*, где так сладко благоухают жареные угри. —
Название станции *Ёсивара* заставляет вспомнить одноименный квартал любви в Эдо. Жареные угри — местное лакомство.

- 82 «Болотный причал» (Нумадзу), «Три острова» (Мисима). —
Между станцией Мисима и перевалом Хаконэ (см. стр. 84) находилась застава, где производился особо строгий досмотр. Перевал через горную цепь Хаконэ считался самым трудным на Токайдоской дороге.
- 86 Словно пилюли Одавара. —
В селении Одавара продавались целебные пилюли, секрет приготовления которых был ввезен из Китая. Считались панацеей.
- 91 ...в каждой по сто медных мон. —
Мон — старинная денежная единица небольшой ценности, медный грош.
- 94 Там в горле у нее застряло моти... —
Моти — японское лакомство, колобки, приготовленные из вареного и отбитого в ступке риса.
- 95 ...на станции Исибэ в Оми. —
Станция Исибэ находилась между станциями Кусацу и Минакути в провинции Оми.
- 100 Тысячу и триста // Мешков с отборным рисом. —
В переводе словом «мешок» заменено название японской меры сыпучих тел — «коку». Одно «коку» — около 150 кг. Для сравнения

можно указать, что старший вассал Хонда получал пять тысяч коку зерна.

- 112 Эй, эй, сюда! —
Харчевни и постоялые дворы возле большой дороги приманивали к себе гостей при помощи речистых женщин-зазывал.
- В какую стражу? —
Ночь делилась на пять страж. Четвертая стража начиналась в два часа утра, пятая — в четыре.
- 113 А вы, господин, мне сдается, идете к святым местам, в Исэ... —
В провинции Исэ находятся прославленные синтоистские храмы, в том числе и храм богини солнца Аматаэрасу.
- 114 Ох, наверное, из Явата... —
В городке Явата очень славился местный съедобный чертополох.
- Вы, прохожий, похоже, из Хоки... —
Название провинции Хоки буквально значит «метла».
- 116 Станция «Застава» (Сэки) —
седьмая на пути из Киото — находилась у подножия перевала Судзука (см. стр. 62), на перекрестке нескольких оживленных путей. Одна из дорог вела к святилищам Исэ.

- 121 Сдали карты... —
Карты были ввезены голландцами в XVII ве-
ке. *Четверка и девятка* — самая несчастная
комбинация в азартной игре «сорок девять».
- 123 Водяная темница —
род средневековой пытки, когда крестьян-
недоимщиков держали по горло в воде.
- 125 Спешит! Поет // Он песню *Комуру*... —
Песня эта была очень популярна среди
погонщиков. *Комуру* — название местности.
- 126 К открытой стороне харчевни... —
Харчевня имела помещение наподобие ларь-
ка, с прилавком.
- 131 Задолжал еще один золотой б у... —
Бу — старинная монета значительной цен-
ности, четвертая часть одного золотого рё —
монеты высшей ценности.
- 133 А возле могилы красотки *Комати*... —
Знаменитая поэтесса древности Оно-но *Комати*
славилась своей красотой. Существует леген-
да, что один ее любовник должен был посе-
щать ее в течение ста ночей подряд, но умер
на девяносто девятую ночь.
- 133 В лавчонке около храма *Каннон*... —
Богиня *Каннон* (бодхисатва *Авалокитешва-*
ра) могла, по буддийской легенде, принимать
тридцать три образа для спасения людей.

И выдали мне тридцать три моммэ... —
Шестьдесят моммэ равнялись одному рё золотом. Точную ценность монет того времени указать очень трудно, потому что она часто менялась.

Но в храме Тамура... —
Легендарный Тамура покорил демонов.

134 Четыре раза по два кана серебром... —
Имя «Хати» значит «восемь», а также «пчела». Один кан содержал в себе тысячу медных грошей.

148 Сумо и дзюдо —
две разные системы японской борьбы.

153 О, три сокровища // Святого Будды... —
(наму самбо) — восклицание вроде «Помилуй меня, боже!». «Три сокровища» — Будда, буддийское учение, буддийское священство.

154 За занавескою, // у входа в лавку. —
Перед входом в лавку обычно висит занавеска.

155 ...все главари «пятидворок»... —
В деревне были учреждены с фискальной целью маленькие общины из пяти дворов, все члены которых отвечали друг за друга.

- 156 ...он должен два коку и два то рисового зерна —
то есть около 400 кг.
- 164 Дзидзо-сама —
буддийское божество, которому молились в минуту опасности. В селенье Сэки был храм, посвященный Дзидзо (см. стр. 194 и комм. к стр. 116).
- 183 Наму Амида —
«Спаси нас, будда Амитаба». Амитаба считается владыкой западного рая. Согласно буддийской легенде, он отверзает за гробом врата спасения.
- 186 Мы, верно, были прокляты в прежнем рождении... —
По буддийскому верованию, душа человека много раз воплощается на земле. Все несчастья объясняются тем, что человек сам навлек на себя возмездие, согрешив в своем прежнем рождении. Закон возмездия называется кармой.
- 188 По шести дорогам вселенной... —
Согласно буддийскому учению, душа после смерти может идти по одной из шести дорог: из них три ведут в разные области ада; одна — в рай. Две — ведут обратно в мир живых: душа может воплотиться в животное или снова в человека.

- 188 Впередипереправа... —
Буддисты верят, что дорога в ад ведет через три потока подземной реки Сандзугава (или Сэгава). Переправу сторожат два демона в образе старика и старухи. Они отнимают у мертвых их одежду. Наиболее грешные души были вынуждены переправляться через самый глубокий поток по лезвию ножа.
- 189 Даже маленькая трясогузка, // Любви обучившая богов... —
Согласно японским мифам, трясогузка научила любви бога Идзанаги и богиню Идзанами. Это божества синтоистской религии. Они упоминаются потому, что Коман и Ёсаку идут по дороге в направлении святилищ Исэ/
190 «Только вспомню тебя, Ёсаку, // На луга туман упадет». —
Здесь приводятся слова из популярной в то время народной песни.
- 191 Но раньше // Семь раз по семь... —
По буддистским верованиям, душа умершего сорок девять дней блуждает между двумя мирами: здешним и загробным.
- 195 Начертанным на храмовой бумаге. —
Обеты («письменные обеты») писались на специальных бумагах, которые продавались в храмах. Эти бумажные амулеты считались священными, их нельзя было ни разо-

рвать, ни бросить — только предать огню.
Приносящий обет клялся именами многих
богов, призывая на себя небесную кару в слу-
чае обмана.

Мы только у стремнин Кумодзу... —
Река Кумодзу впадает в залив Исэ.

- 196 Как рыбаки в Акого... —
Акого — местность в провинции Исэ. В анто-
логии IX века «Кокинсю» в одной танка го-
ворится: «Если мы будем часто встречаться
на побережье, где рыбаки тянут сети, то,
верно, люди узнают о нашей любви».
- 198 Возносится вершина Асама... —
У подножья горы Асама находится известный
синтоистский храм, где обитали жрецы, дав-
шие обет безбрачия, На вершине горы вы-
сится буддийский храм.
- 199 — Слышишь // Удары барабана? Восемь
раз! —
то есть два часа ночи.
- 200 На пороге обители Ста Наслаждений //
Встретят нас бодхисатвы — // Каннон и
Сэйси... —
По буддийским верованиям, обитель Ста На-
слаждений — западный рай, а эти два бод-
хисатвы — ближайшие помощники владыки
западного рая Амидабы.

- И с молитвой подходят к сосне... —
На эту сосну паломники, шедшие в святилище Исэ, вешали приношения — монеты.
- 202   Шесть наших чувств. —
По буддийским представлениям, шесть чувств — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, сердечные чувства.
- 203   И мы к воротам подойдем Нирваны!.. —
Нирвана — по буддийскому учению, высшая форма райского блаженства.
- 207   Исполнить поутру священный танец... —
В синтоистских храмах исполняли священные танцы, чтобы снискать милость богов.
- 209   Светлей, чем в праздник // «Ста тысяч фонарей». —
Праздник «Ста тысяч фонарей» — буддийский праздник. Фонарь считался приношением Будде.
- 220   А прославленная Коман... —
В «лубочных книжках» того времени часто помещали изображения известных гетер.
- 221   Ты снова можешь гордиться // Двумя мечами... —
Простолодин носил один короткий меч, самурай — два меча: короткий и длинный.

223 День радости! // Праздник любви! —
Далее в оригинале следует популярная песня из другого дзёрури, которая опускается, так как не имеет никакого отношения к данной пьесе.

225 «Подожди меня у моста!..» —
народная песенка, с трудом поддающаяся расшифровке, так как основана на повторах и игре звуков.

Сидзими —
небольшая речка, течет между Сонэдзакки и старым кварталом любви Додзима. «Сидзими» в переводе означает «маленькая ракушка»; отсюда игра слов, основанная на народной поговорке: «Ракушкой моря не вычерпать».

В квартале Сонэдзакки. —
Квартал любви Сонэдзакки возник в Осака в начале XVIII века.

226 Праздник «момби» —
праздничные дни «веселого дома», когда гости платили дорого и делали девушкам подарки. Два старинных «путеводителя» по кварталам любви в Осака отмечают «момби» как шестой день десятого месяца. Первое действие протекает именно в начале десятого месяца.

228

Киё, как герой на поле битвы, // Словно
Кагэкиё, хватает в р а г а . —

Здесь пародируется пьеса старинного театра
Но «Кагэкиё», принадлежащая знаменитому
драматургу Дзэами (1363—1443). В пьесе рас-
сказывается о том, как знаменитый воин
Тайра Кагэкиё (XII в.) погнался за враже-
ским бойцом Мионоя, но тот вырвался, оста-
вив в руках Кагэкиё назатыльник своего
шлема (см. предисловие).

«Мост сливы», «Вишен мост» —
названия мостов в Осака.

Оставив бани южного предместья... —

Банщицы — низший разряд гетер — обычно
занимались продажей любви.

231

И там, в Итами, // Стану я томиться!.. —
игра слов, основанная в оригинале на том,
что название провинции Итами означает
также «боль».

232

Намайда-бодзу —

бродячий певец в одежде монаха, распеваю-
щий шутовские молитвы под аккомпанемент
гонга. «Намайда» — произнесенные скорого-
воркой слова молитвы «Наму Амида». «На-
майда» по-русски переведено словом «*поми-
лос*» («помилуй господи»), которое возникло
сходным образом. «Бодзу» — бонза, буддий-
ский монах. Намайда-бодзу пародировал

- буддийские молитвы, распевая на их мотив модные песенки и отрывки из дзёрури. (Перевод слова «намайда» дан покойным проф. Н. Невским.)
- 233 Коксинга —
главный герой знаменитой исторической драмы Тикамацу «Битвы Коксинги» (1715), подлинное историческое лицо. Жил в XVII веке и боролся против маньчжурской династии за восстановление исконно китайской Минской династии. Намайда-бодзу поет отрывок из драмы «Битвы Коксинги», лишь слегка измененный.
- 234 Хан Кай —
японизированное имя китайского героя Фань Гуая (II в. до н. э.), прославившегося своим умением пробиваться сквозь заставы.
- Асахина —
(Ёсихидэ) — воин, восставший в 1213 году против канцлера Ходзэ и проломивший южные ворота в Камакурском дворце.
- 234 Урёко, Сарёко —
вымышленные имена врагов Коксинги, предавших Минскую династию.
- Сквозь заставу Луны и Солнца... —
В пьесе театра Но «Зеркало Мацуюма» говорится: «Нет заставы, способной остановить Луну и Солнце».

- 235 Вот обезумевший Ванкью*... —
отрывок из популярной пьесы драматурга Ки-но Кайона (1663—1742) «Ванкью суэ-но Мацуяма» (1708). Ванкью (Вандзя Куэмон) — сын богатого купца, лишенный наследства, — обезумев от любви к гетере Мацуяма, бродит повсюду, тщетно ища ее.
- 236 Эй-эй-эй-эй! // Красильщик Токубэй*... —
Драма Тикамацу «Касанэ идзуцу» повествует о несчастной любви и двойном самоубийстве красильщика Токубэя и гетеры Фуса. Поэтому в данной песне об их несчастной судьбе следует цепь метафор, связанных с красильным делом.
- 238 Ри Тōтэн —
(Ли Тао-тянь — китайск.) — отрицательный персонаж драмы «Битвы Коксинги» — коварный министр, который погубил своего государя.
- 241 Каммэ —
то же самое, что кан. Монета, равная по стоимости тысяче медных грошей.
- 243 Одни лоскуты бумага рисовой... —
В старой Японии носовые платки (туалетная бумага — ханагами) делались из бумаги.

- 244 Амигаса —
огромная плетеная шляпа, закрывавшая
лицо. Посетитель мог получить такую шляпу
при входе в квартал любви.
- 246 Накамати —
главная улица в квартале любви Додзима.
- 251 «Десять святых ночей» —
от 6-го до 15-го числа десятого месяца года.
В эти дни в храмах буддийской секты Дзёдо
читались специальные службы. Существовало
поверие: «Тот, кто умрет в течение десяти
святых ночей, станет Буддой».
- 253 Тэмма —
один из трех районов Осака. В нем находит-
ся храм бога Тэмма Тэндзин — посмертное
имя *Сугавара-но Митидзанэ* (845—903), круп-
ного государственного деятеля, поэта и уче-
ного, который был изгнан в *Дадзайфу*
(остров Кюсю), где и умер. После смерти
обожествен и считается богом — покровите-
лем Осака (см. комм. к стр. 346).
- 255 Священный шнур —
соломенная веревка ритуального значения (си-
энава), вешается перед входом в синтоист-
ский храм.

- 256 Умэда, Китано —
названия малонаселенных мест, расположенных к северу и востоку от квартала Сонэдаки.
- 258 Хатиман —
покровитель воинов, одно из популярных божеств национальной японской религии синто.
- 261 Как незадачливая обезьяна. —
Японская народная пословица говорит: «Обезьяна и та падает с дерева».
- 262 Подлая лисица! —
По японским народным поверьям, лисица и барсучиха могут принимать образ прекрасной женщины.
- 265 Вот на бумаге рамы... —
Японские окна (сэдзи) представляют собой деревянные решетки, заклеенные бумагой.
Сэки-но Магороку —
знаменитый мастер мечей, работал в начале XVI века. Несколько его преемников тоже носили это имя.
- 273 Доно —
вежливый суффикс.
- 276 Я шут // В процессии на празднике. —
Некоторые храмы в Осака устраивали во время храмовых праздников процессии ряженных. Горожане, одетые самураями, в шлемах и ла-

283

тах, с мечами, участвовали в так называемой процессии воинов.

Амамицу-ками —
иначе бог Тэмма, или Тэндзин (см. комм. к стр. 253).

Котацу —
очаг в полу, отапливаемый древесным углем. Его закрывают решеткой, сверху кладут одеяло.

О-Сан торопливо // Расставляет ширмы... —

Имеются в виду низкие двусторчатые ширмы, которые ставятся у изголовья для защиты от сквозняков.

296

...из храма // Кумано... —

Храмы Кумано в провинции Кию выпускали специальную бумагу для обетов. На лицевой стороне такой бумаги особым почерком, подражавшим санскритскому письму и несколько напоминавшим вороньи стаи, были написаны иероглифы с названием храма. Вороньи считались посланцами божеств храмов Кумано. Обет писался по особой форме на обратной стороне бумаги. Существовала народная легенда, что каждый раз, когда человек писал обет на этих бумагах, на горных храмах умирало по три ворона.

- 297 Великий Брама, Индра, все четыре // Небесных князя, // Будды, бодхисатвы — индийские божества, ставшие впоследствии и японскими божествами.
- 299 ...во второй день Кабана... — Кабан — один из циклических знаков старого календаря, принятого в Китае и Японии. День Кабана в середине десятого месяца считался счастливым днем для бытовой церемонии «первого согревания очага».
- 304 ...прижигается моксой... — способ лечения в народной японской медицине. Мокса — род травы.
- 307 ...серебром нового чекана... — Стоимость денег в Японии постоянно менялась в зависимости от года чекана.
- 320 Урасима-рыбак. — Существует старинная легенда о рыбаке Урасима, который заплыл далеко в море, попал во дворец морского царя и женился на его дочери. Через три года, когда он захотел посетить родное селение, жена дала ему ларец, который он не должен был открывать. На земле за это время прошли сотни лет. Урасима открыл ларец, оттуда вылетел белый дым; Урасима обратился в старца и умер.

- 324 Пилполи Куваяма — считались лекарством от всех детских болезней. Предполагается, что некий священник Куваяма вывез в XVI веке их рецепт из Кореи.
- 325 Третья четверть часа Быка — время с трех до половины четвертого утра.
Луна пятнадцатой ночи — то есть полная луна.
- 328 Праздник любования луной — популярный народный праздник; справляется в восьмом месяце, по старому лунному календарю, в ночь полнолуния.
Бонза — здесь, возможно, имеется в виду шут.
- 339 Кацураки — бог горы Кацураки; был так безобразен, что появлялся только по ночам.
- 342 Коноэ-скоропись — манера каллиграфии, введенная Коноэ Нобутада (1565—1614).
Как шапочки // У мальчиков-актеров... — Согласно указу правительства, мальчики-актеры должны были выбривать себе лоб. Бритый лоб прикрывался пурпурно-лиловой шапочкой.

Сакья-Муни —

древнеиндийский философ, основоположник буддийского учения.

343

О, напечатанные на спех... —

В ту эпоху печатались с сухих глиняных или деревянных досок листки с картинками о разных происшествиях: землетрясениях, мятежах, казнях и т. д. Самый ранний листок содержал известие относительно осады замка Осака в 1615 году. Листки эти продавались бродячими рассказчиками на улицах.

346

Здесь Сугавара-но Митидзанэ'... —

Легенда гласит, что, отправляясь в далекое изгнание, Сугавара-но Митидзанэ обратился к цветущей сливе в своем саду со стихотворением, прося ее не забывать весны в тоске по своему хозяину. Когда он уехал, то сливовое дерево перенеслось к нему на остров Цукуси (Кюсю), а вишневое дерево засохло от горя за одну ночь. В другом своем стихотворении поэт упрекнул сосну, росшую в его саду, что лишь она одна осталась равнодушной, после чего сосна тоже прилетела к нему в его изгнание. Тикамацу искусно использует эту легенду, чтобы перечислить «Мост сливы», «Зеленый мост», «Мост вишни» и другие в том порядке, в каком идут через них Дзихэй и Кохару.

- 353 Девятый — «Тэндзин-мост». —
Оттуда шел путь к дому Дзихэя. Один из
самых длинных мостов в Осака.
- 354 Пока паром не прибыл из Фусими. —
Ночной паром прибывал рано утром.
- 357 «Сутра Лотоса» —
буддийская священная книга, часть ее была
посвящена милосердной богине Каннон.
В Индии во время летнего периода дождей
отшельники уединялись и в одиночестве чи-
тали и переписывали сутры. Этот буддийский
обычай нашел свой отзвук и в Японии.
- «Кёбаси-мост». —
«Кё» — по-японски — священная книга, в том
число и сутра, «баси» — мост (в сложнос-
ставных словах).
- 358 «Нари-мост» —
последний, двенадцатый мост через реку На-
мадзуэ. «Нари» по-японски имеет значение
«стать чем-нибудь», «преобразиться во что-
нибудь».
- 359 Залив Нода —
находится на северо-западе небольшого
острова Амидзима, где влюбленные решили
умереть.
- 360 Сто восемь пересчитывая зерен... —
в буддийских четках.

...Амидзима — Остров // Сетей Небесных... —

«Амидзима» буквально означает: «Остров Сетей». На нем жили рыбаки, и потому повсюду перед их домами были развешаны сети, — отсюда название острова. Тикамцу добавляет к «Острову Сетей» слово «Небесных», ибо на этом острове «влюбленные были уловлены в сети судьбы».

Храм Дайтё —

храм буддийской секты Дзёдо, посвящен божеству Амитабе. Возле него находится двойная могила Дзихэя и Кохару, которую показывают посетителям, так же как в Вероне показывают могилы Ромео и Джульетты.

364 Напи тела — земля, вода, огонь, ветер. — Согласно буддийскому учению, все сущее создано из этих четырех элементов.

365 Сусуки — трава с длинными метелками. Напоминает ковыль.

375 „укладывает тело: // На север головой... — буддийский похоронный обычай.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Маркова. Предисловие 5

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ЁСАКУ ИЗ ТАМБА

Книга первая	33
Книга вторая	112
Книга третья	189

САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ НА ОСТРОВЕ НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ

Книга первая	225
Книга вторая	283
Книга третья	325
Комментарии	380

И(Яп)
Т 40

ТИКАМАЦУ
МОНДЗАЭМОН
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Редактор В. САНОВИЧ
Художественный редактор
Г. МАСЛЯНЕНКО
Технический редактор
М. ПОЗДНЯКОВА
Корректор Г. АСЛАНЯНЦ

Сдано в набор 17/XII 1966 г. Подписано
к печати 26/VII 1968 г. Бумага офсет-
ная 70x108¹/₃₂ — 12,75 печ. л. = 17,85 усл.
печ. л., 13,45 уч.-изд. л. Тираж 20 000.
Заказ № 1942. Цена 2 р. 95 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа
Государственного комитета
Совета Министров БССР по печати,
Минск, Красная, 23.